

№26 научный православный журнал 2021

ТРАДИЦИИ *и* современность

Марина Михайловна Громыко
(Москва, Щербинка, 2019 г.)

Содержание

КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК СФЕРА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ М. М. ГРОМЫКО..... 3

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. КИРИЧЕНКО

НАУЧНЫЙ ПУТЬ МАРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГРОМЫКО6

И. В. ПОЗДЕЕВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИЗДАНИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ ПЕЧАТИ МОСКОВСКОГО ПЕЧАТНОГО ДВОРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА27

Ю. А. ЛАБЫНЦЕВ, Л. Л. ЩАВИНСКАЯ

ЛЕТОПИСЕЦ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕРКОВНОГО СОБОРА 1917–1918 гг.35

О. В. МАТВЕЕВ

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ52

Н. Т. ЭНЕЕВА

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ТРИПТИХА ПАВЛА КОРИНА «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ».....67

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

Н. П. МАТХАНОВА

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О МАРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ГРОМЫКО И ЕЕ РАССКАЗ О СВОЕЙ ЖИЗНИ76

С. Г. ПЕТРОВ

О МАРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ГРОМЫКО86

МОНАХИНЯ ЗОСИМА (ВЕРХОВСКАЯ)

МОЯ ВСТРЕЧА С МАРИНОЙ МИХАЙЛОВНОЙ ГРОМЫКО90

Е. Ю. КАЗАКОВА-АПКАРИМОВА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МАРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГРОМЫКО: ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ95

Н. В. ЧЕПЕЛЕВА

ПАМЯТИ МАРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГРОМЫКО98

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

В. А. ЗВОНКОВА

ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ МИХАИЛА ЕЖОВА К ВАЛЕНТИНЕ АНДРЕЕВНЕ ЗВОНКОВОЙ (ЧАСТЬ 1)100

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

К. В. ЦЕХАНСКАЯ

«ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ТУРА ХЕЙЕРДАЛА...»: О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ ТАТЬЯНЫ АНДРЕЕВНЫ ВОРОНИНОЙ ...123

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российская академия наук

На 1 -4 стр. обложки: Поклонный молитвенный крест

Журнал издается на средства учредителей и благотворителей

Издатель	
Коллектив редколлегии	Макетирование и верстка А.К. Беспалов
Редколлегия	
О. В. Кириченко, <i>доктор исторических наук</i> главный редактор	Адрес сайта журнала http://naukapravoroslavie.ru
Г. А. Романов, <i>кандидат исторических наук</i> заместитель главного редактора	
Л.Л. Шавинская, <i>кандидат филологических наук</i>	Адрес редакции 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, комн. 1913 Тел.: 8 (495) 954-74-46, (+7) 916-304-46-27 E-mail: : kirichenko_ov@iea.ras.ru tradsivr2019@mail.ru
И. В. Спасенкова, <i>кандидат исторических наук</i>	
Н.А. Шушвал, <i>кандидат исторических наук</i>	
Редакция	
Л. Т. Соловьева, <i>кандидат исторических наук</i> научный редактор	
Н. В. Шляхтина, секретарь	
Эксперты	
Ю. А. Лабынцев, <i>доктор филологических наук</i>	М. А. Некрасова, <i>академик РАН, доктор искусствоведческих наук</i>
В. М. Меньшиков, <i>доктор педагогических наук</i>	
Свидетельство о регистрации в Роскомнадзоре: ПИ № 77-17325 от 06.02.2004 г. ISSN печатной версии: 2687-1122 ISSN электронной версии: 2687-119X Лицензионный договор с РИНЦ: № 258-07/2020 от 06.07.2020 г.	
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Традиции и современность» обязательна	

КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК СФЕРА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ М. М. ГРОМЫКО

31 марта 2021 г. в ИЭА РАН прошла Межрегиональная научная конференция «Русская православная традиция как сфера научного исследования», посвященная памяти доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники, лауреата российской академической премии имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), кавалера ордена святой равноапостольной княгини Ольги Марины Михайловны Громыко (1927-2020). В ходе конференции выступили двадцать два участника из разных регионов РФ: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Краснодара, Вологодской обл. Задачей научного форума было почтить память недавно почившего выдающегося ученого, организатора науки, создателя нового направления в русской этнографии. Также важным для участников конференции было отметить вклад Марины Михайловны в создание научной школы православных этнографов, повлиявшей на возникновение подобных школ в других регионах РФ. В целом обозначились некие предварительные итоги изучения Русского Православия как цивилизационного феномена и вклад в этот процесс М. М. Громыко.

В приветственном слове к участникам конференции академик РАН М. А. Некрасова следующим образом обозначила место М. М. Громыко в исследовательском процессе.

«Марина Михайловна Громыко - человек и ученый - несет в себе целую эпоху со всеми ее перепахами, бедами и достижениями. Она, через трудности жизни, сумела вынести особую цельность человека и ученого, что и определило весь ее научный путь. Придя к вере, приняв в свою душу истину, она сумела

нести эту истину во всех своих научных изысканиях. Удивительно, бескомпромиссно, решительно, смело прокладывала она дорогу к новому пониманию народа как православного русского народа. В то время это было очень тяжело. И когда появлялись ее труды, это было большим событием. Новой методологией Марина Михайловна открывала широкий фронт противостояния тем понятиям, которые тогда господствовали в науке и по инерции продолжали господствовать в то время, когда многое уже в стране изменилось. Речь идет о марксизме, о понимании русского народа как атеистического народа. В области, которой я занимаюсь, народное искусство также было заменено марксистским понятием «трудовая деятельность». Это, безусловно, тормозило развитие науки. Примерно с 1970-х годов эта пустота, мешавшая двигаться дальше, пустота, создававшаяся вокруг изучения русского народа, стала заменяться язычеством. И такая позиция изучения духовности русских продолжает господствовать до сих пор. А ведь русский народ в каждой деревне имел церковь, многие деревни были окружены монастырями. Воздействие Церкви на народную жизнь было настолько сильным, что можно говорить о православном сознании народа. Но до сих пор продолжают писать о язычестве вопреки множеству документов, игнорируя факты массовых народных паломничеств в монастыри (а это тысячи людей из простого народа). Я думаю, что язычество как религия не должно фигурировать в русской жизни последних веков. Можно говорить о пережитках, следах прошлого, суевериях, наконец, о поэтических воззрениях, но не языческой религии, определяющей жизнь простого народа. Она просто выдумана.

Большое значение для всех нас имела методология, разработанная Мариной Михайловной. Работая в этом направлении вместе с целой группой своих единомышленников, она смогла оказать воздействие и на другие гуманитарные сферы. Для меня, изучающей древнерусское и современное народное искусство, труды Марины Михайловны и ее сотрудников всегда были важной опорой. Благодаря им удалось выпустить под моей редакцией большую коллективную монографию «Народное искусство. Русская народная культура и православие». В книге этой, по сути, впервые в нашем искусствоведении мы напрямую обратились к православию как основе русской духовности. До этого искусствоведам буквально навязывались шедшие из этнографии атеистические понятия и подходы. Исствоведение, по сравнению с этнографией, считалось более молодой наукой. Преобладание атеистических подходов заставляло искусствоведов видеть в народном искусстве ремесло, трудовую деятельность, даже массовую культуру (что было совсем разрушительным). Пробриться религиозной духовности сюда было невозможно. А без этого нельзя понять сути народного искусства, его истоков, оценить его нравственную и художественную силу.

В трудах М. М. Громыко русская деревня впервые предстала в ином свете – нравственном и религиозном. Данный подход позволил и мне лично развернуть подобное же понимание народного искусства. А ведь я занималась и стремилась к этому начиная с 1960-х годов! Но слишком велико было тогда противодействие, сказывалось и

отсутствие соответствующей методологии.

Встреч с Мариной Михайловной у меня было немного, но всегда они проходили с чувством большой близости и взаимопонимания. Первая встреча имела место в Курске, где мы обе выступили оппонентами на защите кандидатской диссертации Н. И. Пономаревой, посвященной народному искусству как педагогической проблеме, на примере деятельности петербургской Школы народного искусства императрицы Александры Федоровны. Защита была довольно острой, и оппонентам пришлось много потрудиться. Потом, после защиты мы посетили все духовные достопримечательности города, его святыни, и как-то зашел разговор о старчестве. Эту тему позже Марина Михайловна сумела удивительным образом раскрыть в своих трудах, введя в науку этот сугубо религиозный феномен. Благодаря этому русский народ был представлен еще одной характеристикой религиозной культуры. Хотелось бы, чтобы эта тема имела продолжение, и я знаю, что сегодня ее разрабатывают ученики Марины Михайловны. Здесь еще много неисследованного и перспективного. Через тему старчества душа народа открывается с совершенно новой стороны.

Мне хочется пожелать участникам конференции успешной, вдохновенной работы в память замечательного человека и ученого Марины Михайловны Громыко, которая навсегда останется с нами и наверняка будет иметь продолжение в наших трудах и в наших делах».

Прилагаем здесь также программу конференции.

Программа

Межрегиональной научной конференции памяти доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии **Марины Михайловны Громыко (1927-2020)**

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК СФЕРА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

Мария Александровна Некрасова, академик РАН. Приветствие участникам конференции

Кириченко Олег Викторович, д. и. н. (Москва). Научный путь Марины Михайловны Громыко

Поздеева Ирина Васильевна, д. и. н. (Москва). Неизвестные издания и новые формы печати Московского печатного двора второй половины XVII в.

Петров Станислав Геннадьевич, к. и. н. (Новосибирск). Изучение истории рус-

ского православия в секторе археографии и источниковедения Института истории СО РАН (вторая половина XX — начало XXI века)

Любомудров Алексей Маркович, д. ф. н. (Санкт-Петербург). Пушкинский Дом РАН как академический центр изучения темы «Православие и русская культура» (1991-2021)

Цеханская Кира Владимировна, д. и. н. (Москва). Изучение православной культуры русского народа в ИЭА РАН в 1991-2002 гг.

Листова Татьяна Александровна, к. и. н. (Москва). Православная вера и православная культура на рубеже 1980-х - 2000-х годов в оценке современников

Матвеев Олег Владимирович, д. и. н. (Краснодар). Речь Посполитая в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное

Лабынцев Юрий Андреевич, д. ф. н. (Москва). В. В. Богданович — один из лидеров белорусской православной жизни в межвоенной Польше

Щавинская Лариса Леонидовна, к. ф. н. (Москва). Белорусская православная литература межвоенной Польши

Крюкова Светлана Станиславовна, к. и. н. (Москва). Религиозно-мистические представления в обычном праве современной деревни России

Энеева Наталья Тимуровна, к. иск. (Москва). Первоначальный замысел триптиха Павла Корина «Александр Невский»

Романов Григорий Александрович, к. и. н. (Москва). Образцовый христианский город Москва и идеальный Небесный Иерусалим на Шумаевском кресте XVIII в.

Никитин Максим Александрович, к. и. н. (Москва). Феномен частных православных храмов на примере приходов Истинно-православной церкви.

Степанов Дмитрий Юрьевич, к. и. н. (Москва). Этноконфессиональные взгляды великороссийской интеллектуальной элиты на примере М. В. Ломоносова и его окружения

Соловьева Любовь Тимофеевна, к. и. н. (Москва). Взгляд русских православных чиновников на религиозную ситуацию у грузин-горцев (по архивным материалам XIX века)

Милова Ольга Леонидовна, к. и. н. (Москва). Типология и особенности эго-документов по истории гонений на Русскую Православную Церковь в 1920-е - 1950-е годы

Шушвал Наталья Александровна, к. и. н. (Москва). Традиции странничества в храмопопечении (на материалах Вологодской губернии второй половины XIX в.)

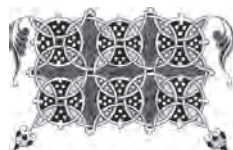
Мелехова Галина Николаевна, к. и. н. (Москва). Православная топография г. Каргополь

Багдасаров Роман Владимирович (Москва). Резной образ преподобного Нила Столобенского: размерности и напряжение (на материале коллекции протоиерея Владислава Провоторова)

Мухин Дмитрий Александрович (Вологда). В церковь или в суд? (к вопросу о крестьянском общественном управлении в Вологодской губернии на рубеже XIX-XX вв.)

Шляхтина Наталья Валерьевна (Москва). Организация полевых исследований по программе «Православие и русская народная культура» в 1990-е и 2000-е годы под руководством М. М. Громыко

«RUSSIAN ORTHODOX TRADITION AS AN AREA OF SCIENTIFIC RESEARCH»
CONFERENCE DEDICATED TO THE MEMORY OF M.M.GROMYKO

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2021 О. В. Кириченко
Россия, Москва

НАУЧНЫЙ ПУТЬ МАРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГРОМЫКО

Аннотация. Историографический анализ трудов доктора исторических наук, профессора М. М. Громько позволяет понять, как складывалось «православное направление» в русской этнографии постсоветского периода. Одна из крупных фигур в современной этнографии русского народа, М. М. Громько прошла долгий путь в науке, одно время ее отличал славянофильский подход (насколько это было возможно в то или иное время) в изучении русского народа. В 1990-е годы произошла замена светского подхода религиозным. Главным ее достижением стали исследования в области нравственной культуры. Сегодня православное направление продолжает развивать свою методологию, которая должна соответствовать изучаемой русской традиционной культуре.

Ключевые слова: историография, М. М. Громько, культура русского народа, православие, религия, светскость, традиция, славянофилы, имперский модерн, советский постмодерн.

Abstract. Historiographic analysis of the works of Doctor of Historical Sciences, Professor M.M. Gromyko makes it possible to understand how the “Orthodox trend” took shape in Russian ethnography in the post-Soviet period. One of the major figures in the modern ethnography of the Russian people, M.M. Gromyko has come a long way in science, at one time she was distinguished by the Slavophile approach (as far as it was possible at one time or another) in the study of the Russian people. Then, in the 1990s, the secular approach was replaced by a religious one. Her main achievement was research in the field of moral culture. Today the Orthodox direction is on the way to developing its own methodology, which should correspond to the studied Russian traditional culture.

Key words: historiography, M.M. Gromyko, the culture of the Russian people, Orthodoxy, religion, secularism, tradition, Slavophiles.

Статья написана в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «История и преподавание антропологического знания»

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) - главный научный сотрудник ИЭА РАН, доктор исторических наук, kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 6-26

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК — 303, 422; ББК — 63.5 (2); 7; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/6-26>

Православное академическое направление в русской этнографии, заявившее о себе в начале 1990-х, было, по существу, возрождением прерванного в годы советской власти подобного же направления, существовавшего в дореволюционной России и связанного с именами славянофильского круга ученых: И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, И. Е. Забелина и многих других, менее известных, а также большого числа провинциальных ученых-краеведов. Все эти люди не отрицали ни европейской культуры и науки, ни тем более тесной связи России и Европы, они лишь говорили о самобытности русской культуры и традиции, о несводимости России к Европе. И народная культура была в этом случае необходимой точкой опоры в аргументах о самобытности. Идейный багаж славянофильства рассмотрен на сегодня более чем подробно, но ведь за славянофильством стояла еще определенная «историческая миссия», как ее видели и понимали сами славянофилы. Это движение возникло на волне симпатий к народу после Отечественной войны 1812 г. и получило еще и некий научный статус, опирающийся на интеллектуальные связи с близким движением в Западной Европе. Указанная линия хорошо просматривается в творчестве первых славянофилов братьев Киреевских, и особенно Ивана Васильевича. На русской почве стали прорастать разные смыслы народолюбия, где было не только «отдание дворянством долга народу» через изучение его культуры и традиций и их популяризацию. Так, например, видели свою миссию в Германии братья Grimm. Было еще понимание народной традиции как удерживающей силы, защищающей страну в целом от безоглядного западничества, т.е. оппозиция «модерн/традиция» осмыслялась в религиозно-культурном ключе. Подобный взгляд на модерн («русское Возрождение», в терминологии Д. С. Лихачева) позволял поместить, наконец, этот западный инструмент перестройки русской жизни на европейский лад в привычные русскому человеку рамки. Вот почему уже первые славянофилы не отрицали всей важности петровских реформ, хотя и имели о них критические суждения.

Надо сказать, что в целом славянофильская линия победила в стране к началу XX в., уже без концепций и громких имен, открыто и идейно заявляющих о своих особых позициях. Славянофильство подразумевалось как само собой разумеющееся явление, как правило хорошего тона для художника, литератора, театрального

М. М. Громько на научно-педагогической конференции в Свято-Алексеевской пустыни. 2012 г.

деятеля, и немалую роль здесь сыграли «великие» – Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, взявшие на себя славянофильские функции в литературе. С этого времени какая-либо серьезная западническая линия пресеклась. И благодаря этому та часть интеллигенции, которая вошла в советское пространство из дореволюционной России, впитала в себя этот дух, хотя само почвенничество, конечно, было чуждым для советской власти явлением; оно искоренялось или искажалось. Если русское народное начало и признавалось «народной властью», то в некоей архаичной самобытности, в абстрактной народности или же языческой духовности. Славянофильство в советский период присутствовало скрытым образом в сознании той части русской интеллигенции, которая сохранила связь с верой и Церковью. Ведь в комплексе дореволюционного славянофильского мировоззрения присутствовали не только народнические взгляды в их культурно-социальном, а не политическом значении, но и православная религи-

озность, а порой и монархизм. И если сводить эту сумму к некоему целому, то перед нами вырисовывается образ русского деятеля эпохи классического модерна, того модерна, который уже прошел искус западничества и был тесно привязан к русской и шире - российской почве.

И советская власть, при политической лояльности к творческой и научной интеллигенции, как будто готова была включить эту группу в свой классовый блок. Все крупные самостоятельные умы большей частью были коллективно высланы в 1922 г. за границу, предварительно пройдя испытания арестом, тюрьмой, неизвестностью, а все остальные, волей или неволей, стали считаться с этим, как и с другими очевидными устрашающими факторами. Тем не менее, после определенной чистки славянофильского мировоззрения - от религиозности, монархизма (у кого это было), оставшаяся часть русской интеллигенции была допущена до соответствующих сфер: науки, образования, медицины, культуры, военной области. Судя по дневнику известного советского историка академика М. В. Нечкиной, года до 1924 ей удавалось совмещать свою церковность с расположением к марксизму и его вождям, потом эта тема была закрыта, марксизм победил окончательно и бесповоротно (Нечкина 2013: 61). В записях 1924 г. у нее есть и умерший Ленин, «как родной», и отмечены праздники Троицы и Духовна дня. Но это в последний раз. Только в 1942 г. мелькнет еще единоразово - «Пасха», и всё, церковное уйдет куда-то недостижимо далеко. Раньше всего ей пришлось отказаться от монархических симпатий, это произошло в самом начале революции. Поражает разница интересов Милицы Васильевны до 1922 г. и после; до этого времени она осваивает огромные объемы самой разной научной и художественной литературы, на немецком, французском языках, проявляет интерес к большому числу самых отдаленных исторических тем. А потом, как будто крышка сундука захлопнулась, и на каждой странице дневника будут мелькать почти одни и те же темы и сюжеты: декабристы да известные революционные демократы Герцен, Чернышевский, даже Пушкин, но в том же контексте. От славянофильства и соответственно модерна в его славянофильском изводе к середине 1920-х годов в официальном пространстве мысли оставалась только любовь к народной культуре в этнографическом контексте. Попытка филолога и философа А. Ф. Лосева выйти в 1927 г. за пределы этих установленных норм закончилась для него арестом и отправкой в

лагерь, после полутора лет тюрьмы. Возвратившийся инвалидом, философ на всю жизнь усвоил этот жестокий урок советской системы, до конца жизни был отлучен от философии и вынужден принять некие нехитрые, но очень важные для советского ученого правила работы с текстом. Лосев признал марксизм как методологию, хотя и использовал его не оголтело «идейно», а, скорее, чтобы чуть-чуть разбавить текст словами лояльности к господствующему мировоззрению.

Это была одна сторона медали. Другая - теневая - показывала, что советская власть настоятельно рекомендовала вообще не придерживаться ценностей модерна, для нее «советский модерн» - антитеза буржуазному, имперскому модерну, на деле контрмодерн. Так впервые были обозначены контуры постмодерна как модели искусственной, выросшей на почве идеологии, рекомендуемой для советского ученого, писателя, художника, словом, творческого человека. В этих условиях придерживаться ценностей модерна, даже усеченного и зауженного, оказалось вдвойне сложно, так как ему противостоял «правильный модерн». Чтобы остаться в науке творческим человеком и не совсем раствориться в идейной стороне нового модерна, требовались и личное мужество, и определенная хитрость, возможность находить прикрытие тем или иным научным действиям, идущим вразрез с линией партии. Конечно, наиболее сложным следует считать ленинско-сталинский период, когда *советский постмодерн* формировался как контрпроект российскому имперскому модерну, формировался жестко и основательно. Тогда были сформированы главные смыслы, сделаны ссылки на эпохи прошлого, на которые можно ориентироваться, словом, историки и другие гуманитарии получили советский инструмент для работы с артефактами. После смерти Сталина (при Хрущеве и Брежневе) мало что изменилось, созданный механизм поддерживался и получал все новые идейные обоснования. Сторонникам славянофильского модерна приходилось очень непросто в этих условиях.

Славянофильская линия в советский период претерпела определенные изменения, поскольку славянофильство не могло действовать открыто и на всей своей смысловой глубине. А широта славянофильства к революции 1917 г. характеризовалась соединением двух потоков: *эстетического* и *этического*, которые к началу XX в. олицетворялись именами двух великих русских писателей: Ф. М. Достоевского

и Л. Н. Толстого. Что это значило в практическом смысле? Это значило, что народность и ее корневая система - традиция - рассматривались сквозь призму этических и эстетических критериев. То есть весь Серебряный век как культурное и идейное явление, безусловно, вырос на славянофильских дрожжах, где соединялись в одно целое два упомянутых начала. Собственно, без присоединения «толстовского» начала к «достоевскому» началу никакого единения русской интеллигенции на общей - славянофильской - платформе никогда бы не произошло, этого не допустили бы, прежде всего, многочисленные последователи Толстого. Но тут следует отметить, что разница понимания народной традиции, которую являли указанные два крыла славянофильства, имела еще ценностный подтекст. «Эстетическое» направление отличалось от «этического» не только своей содержательной стороной (одних интересовало, как «красота спасает и спасет мир» практически, других - как «правда и справедливость победят мир, и прежде всего государство как власть»). Первое, в нашем специальном исследовании на эту тему, было обозначено как «восходящая линия» русской литературы, а второе как «нисходящая» (Кириченко 2020: 692-700). Критерием здесь являлось отношение к православию и Православной Церкви. Условно обозначим эстетическое начало «добром», а этическое «злом». Тем не менее «добро» и «зло» объединились в предреволюционные годы на общей платформе народолюбия, за счет чего славянофильство и стало мировоззрением всего русского образованного общества. По сути своей славянофильство в его новом качестве стало тем эффективным светским инструментом, инструментом российского модерна, который мог действовать в соответствии с европейской системой модерна, но в пользу собственной национальной традиции. Такую цель ставил и Петр I, когда начал свои реформы: не просто привиться к европейскому дереву, но стать русским деревом, с понятными и близкими европейцам плодами. Это был великий итог всего имперского периода, указывающий на то, что Россия справилась с поставленной задачей: смогла отстоять свою независимость перед лицом новой, буржуазной Европы, начала говорить с ней на равных, на одном языке, переведя центр противостояния из военной сферы в культурную; открыла для всей Азии путь к тем же переменам. Хотя Азия, например, в лице Японии успела к этому времени выйти на прямой контакт с Западом,

за счет чего и получила оттуда сразу *неадаптированную прививку* к западничеству и прежде всего - западнический «ген националистической агрессивности» (мимо чего Россия успешно прошла за счет православия).

Конечно, в таком слитном виде (как китайские «инь» и «янь») славянофильство не могло существовать в советском обществе, даже в скрыто традиционалистском виде. И мы видим, что этическое и эстетическое начала вынуждены существовать здесь отдельно, причем на первый план выходит эстетический компонент, олицетворяемый Достоевским. «Толстовский» - этический компонент - в большинстве своем или эмигрировал за границу после революции и Гражданской войны, или был выслан насильно за рубеж. В стране остались большей частью строгие почвенники, рассеявшиеся по городам, готовые трудиться ради Родины и народа при любом режиме. Такова точка отсчета существования славянофильства в СССР. Вот почему мы видим, что наиболее крупные научные славянофильские силы в гуманитарной сфере (а были еще и в технической) сосредоточились в тех областях, которые связаны со следующими дисциплинами: литературоведением, филологией, философией, а также находились среди писателей, художников, архитекторов. Художники М. В. Нестеров и П. А. Корин, философы А. Ф. Лосев и М. М. Бахтин, литературоведы Д. С. Лихачев и В. В. Кожинов. Наиболее мощной стала сфера литературоведения, где специальность «Древнерусская литература» уже сама по себе - объемом и содержанием исследуемых источников - выдвинула Д. С. Лихачева на первое место среди хранителей памяти русской народной традиции, в ее эстетическом контексте. Вот его образцовый по стилю и безупречный по содержанию текст, характеризующий знание русской литературы: «*Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литература французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X в. Из этого великого тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть "древней русской литературой"*. Литература возникла внезапно. Скачок в царство литературы был подготовлен всем предшествующим культурным развитием русского народа. Высокий уровень развития фольклора сделал возможным восприятие новых эстетических ценностей, с которыми знакомила письменность» (Лихачев 1987: 5).

Эстетический контекст становится главным в творчестве А. Ф. Лосева, его многотомная «История античной эстетики» и отдельные тома «Эстетика Возрождения», «Эстетика природы» стали характеристикой не только зарубежной эстетики, но это было научное слово русского ученого ко всему мировому научному сообществу, слово русской научной школы, славянофильской по своей ценностной природе и интенции. Работа М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» также стала всемирно известной, поскольку в ней автор давал оригинальный и парадоксальный - «русский ключ» - к прочтению великого классика, чтимого и на Западе. К числу крупнейших русских критиков (в классическом, дореволюционном их понимании) позднесоветского и начала постсоветского периодов относится В. В. Кожин, человек, близкий М. М. Бахтину, который на переломе двух эпох представил литературно-историческую сводную картину русской духовности, где критерием для отбора людей, событий, фактов в истории становится «огонь», горящий в них, «огонь, связанный с тысячелетней нашей культурой» (Кожин 2011: 35). Эстетический образ благодатного огня позволил автору не только содержательно формировать сюжетную канву его трудов, он позволял выстраивать иерархию всего, структурировать текст на этой основе. Мы не упоминаем многие и многие имена научных и творческих деятелей, трудившихся в советское время в рамках эстетической славянофильской парадигмы. Сюда могут быть отнесены многие русские писатели, даже целая школа «деревенщиков», художники и архитекторы (М. П. Кудрявцев, Г. Н. Мокеев), искусствоведы (Г. К. Вагнер, М. А. Некрасова), которые вплоть до окончания советской эпохи продолжали трудиться в рамках славянофильской парадигмы. Собственно этой теме была посвящена последняя книга М. М. Громыко «О духовном возрасте ученых и изучаемых. Очерки по материалам России XIX-XXI веков» (М.: Индрик, 2018).

«Этическая» славянофильская линия в силу указанных выше причин была в СССР приглушенной, не такой мощной, как эстетическая, и действовала еще прикровеннее в таких областях гуманитарного знания, как история, этнография и археология. Под маркой духовной культуры народа рассматривалась «народная религиозность», языческая религия в ее архаике, которая воссоздавалась как реконструируемая действительность древних славян. Яркой иллюстрацией здесь могут служить труды ар-

хеолога академика Б. А. Рыбакова (Рыбаков 1981; Рыбаков 1982; Рыбаков 1988). Такой же подход существовал и в советской этнографии. Нравственный портрет народа, в его традиционности, рисовался на фоне его языческой религиозности, так что нравственность как таковая и нравственная религиозность становились синонимами. Реконструкция народной религиозности позволяла представлять ее в сублимированном виде, как культурное, а не прямо религиозное явление, поэтому архаичная символика становится предметом исследования и искусствоведов. Таким образом, *реконструируемая* форма народной религиозности рисовала конкретный «национальный» образ духовности, что и позволяло рисовать из этой суммы характеристик нравственный портрет народа. Но и здесь, как и в случае со славянофильством, ориентирующимся на эстетический критерий в рассмотрении традиции, очевидна ограниченность этого принципа.

Но обратимся далее к главному герою статьи - М. М. Громыко, путь в науку которой начался в послевоенные годы: сначала на историческом поприще, а позже на этнографическом. В любом случае, этот путь, в силу славянофильского мировоззрения автора, должен был быть привязан к *этической* константе, хотя сама она с юности была увлечена творчеством Ф. М. Достоевского, основоположника эстетической линии. Несомненно, это повлияло на то, что Марина Михайловна уже на раннем этапе своей научной карьеры стала искать пути расширения этического инструмента в изучении подлинного лица русской традиции при обращении к сюжетам из аграрной крестьянской истории Западной Сибири XVII-XVIII вв.

Первые исторические работы М. М. Громыко в рамках русистики были посвящены специфике крестьянского землепользования в Сибири XVIII в. (Громыко 1961: 105-108; Громыко 1962: 170-172), затем была тема «крестьянского статуса», на примере государственных крестьян Сибири (Громыко 1964: 14-149; Громыко 1965; Громыко 1969:129-135; Громыко 1970: 24-26); исследовались проблемы общего освоения территории Западной Сибири, и позже изучалась «община» и связанные с ней темы: крестьянство в обычно-правовой практике (Громыко 1971: 388-396; Громыко 1973: 24-28; Громыко 1977: 33-102), община и семья, формы общинности, наконец, автор взялась за тему трудовых отношений у крестьян (Громыко 1975в). Также во второй половине 1960-х годов у М. М. Громыко появляется интерес к социальной пси-

хологии русского крестьянства (Поршнева 1966; Литвак 1971: 199-225), где автор вплотную подходит к своему излюбленному методу исследования (Громыко 1972: 1-13; Громыко 1975а: 71-109; Громыко 1975б: 130-131). Следующим шагом было обращение к традиционным нормам поведения, определяющимся нравственными и религиозными мотивами. По порядку рассмотрим каждое из указанных направлений.

Интерес к крестьянскому землепользованию, к классификации крестьянского населения западносибирского региона, к особенностям освоения этой территории в целом завершается написанием фундаментальных трудов, монографий, не потерявших и доныне своей ценности. В монографии «Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение» автор показывает, что начало земледельческого заселения южных районов Западной Сибири следует относить ко второй половине XVII - первой четверти XVIII века (Громыко 1965: 88). Это были первые крошечные очаги. Основной поток переселенцев пришел сюда во второй половине XVIII столетия. Крестьяне селились в слободах вокруг укрепленных острогов и постепенно, отпочковываясь, удалялись от них. М. М. Громыко подчеркивает, что благодаря острогам как военным крепостям успешно решалась задача вольной крестьянской колонизации (Громыко 1965: 90). Основными типами крестьянских поселений были слободы и деревни. Причем «слободы часто возникали как укрепления, потому что во внешнем облике сохраняли черты крепости: прочная деревянная ограда из столбов, иногда с башней, надолбы, рогатки, рвы». Слободы представляли собой административные центры для группы деревень, «в слободах были острог, церковь, казенные амбары, двор приказчика» (Громыко 1965: 90-91). Отмечается, что «слободы как тип населенного пункта, сочетавший военно-административную и земледельческую функции (в этом отношении они похожи на сибирские города в ранней стадии развития), были характерны именно для юго-западных территорий» (Громыко 1965: 91). Деревни имели здесь меньшую численность населения, чем деревни Тюменско-Тобольской территории, в среднем по 12 дворов. Тут же, в острогах, крестьянствовали те, кто раньше состоял на военной службе. Они поначалу, после выслуги, но до перехода в крестьянство, относились к категории разночинцев. О хозяйственном успехе говорит тот факт, что уже к 1730-м годам хлебные излишки в южных районах Западной

Сибири стали отправляться по речному пути на продажу в Тобольск (Громыко 1965: 93). М. М. Громыко отмечает разницу колониционных потоков: в одних местах наблюдалась правительственная колонизация (разночинное население), в других главной оказывалась вольная крестьянская колонизация. Монастырская колонизация, по мысли автора, была тесно привязана к численности монастырских крестьян, что зависело, очевидно, от монастырей-митрополий, организовавших эту колонизацию. В целом же было три формы колонизации: вольная, смешанная и правительственная - за счет крестьянства Европейской России (Громыко 1965: 106). Правительство поощряло колонизацию (вольную и организованную) и предоставляло льготы переселенцам: «освобождение на три года от уплаты податей, также три года выдавался солдатский паек и деньги по 1 коп. на взрослого мужчину и по 1 деньге на жену и детей в день. При поселении крестьяне получали лошадь, корову, двух овец, плуг, топор и семена (9 пудов ржи, 4 пуда ячменя, столь же овса и 1 пуд конопляного семени), лес на строительство изб и дрова» (Громыко 1965: 102).

Мы специально подробно остановились на деталях создания западносибирской инфраструктуры, чтобы обратить внимание на особенности подхода автора при рассмотрении крупных вопросов. Заселение западносибирской территории русскими М. М. Громыко (не называя его так) рассматривает по существу как цивилизационный (многофакторный, системный) процесс, включающий в себя создание всей структуры жизнеобеспечения и опирающийся на такие важнейшие константы народного бытия, как община, артель, родственные группы, семьи. Не забывает она и о церковном факторе в этой системе, чему и сами переселенцы уделяли особое внимание. Указанный подход (цивилизационный) уже свидетельствовал об определенных внутренних ценностных (славянофильских) предпочтениях автора.

Начиная с обращения к общине, в трудах М. М. Громыко более очевидно проявляются славянофильские акценты. Община интересует автора именно как русский цивилизационный феномен, в деталях - как она формирует человека - и в целом - как крестьянское сообщество, влияющее на семью, насколько она может быть многообразна по отношению к историческим реалиям как адаптационная коллективно-народная форма. Исследовательница опирается на широкий круг источников из столичных и сибирских архивов (Новосибирска, Тобольска,

Ленинграда и Москвы), что делает ее выводы основательными и взвешенными. Община для М. М. Громыко – это эффективный народный инструмент хозяйственного мироустройства, взаимодействия с властью, традиционализации культуры, обычно-правового регулирования спорных правовых вопросов. Функции ее многообразны. Есть у общины и свои духовные задачи; она поддерживает и проводит в жизнь общественное мнение, наряду с семьей, родственниками и артелью. Во всех этих ипостасях проявляется еще и региональное (западносибирское) лицо общины, особенности территориальных форм. По сибирской общине у Марины Михайловны не было написано отдельной монографии, хотя вышла отдельная основательная книга по трудовым отношениям у крестьян. И думается, что это не случайно. Общиной занимались в этот период немало достойных ученых, но занимались немного в другом ключе, максимально уходя в детали (например, замечательные работы В. А. Александрова) и лишь для связки смыслов обращаясь к общему, связанному с местом общины в крестьянском социуме. М. М. Громыко, судя по всему, интересовало прежде всего «общее», но, очевидно, только общее затрагивать было нельзя, поскольку вокруг была монополия колхозной жизни.

Исследуя общину, Марина Михайловна затрагивает и тему обычного права и сталкивается неожиданно для себя, как нам кажется, с тем, что это не просто обычаи, нормы, устоявшиеся правила, а огромный мир, в котором зафиксирована нравственная жизнь крестьянина. В 1971 г. она выступает на аграрном симпозиуме со статьей на эту тему (*Громыко* 1971: 388–396). Именно этот контекст позволил увидеть новые горизонты – те, к которым она инстинктивно стремилась; стало возможным увидеть подлинную, а не реконструированную (искусственную) нравственность русского крестьянина. Здесь была *настоящая жизнь*, живые, человеческие отношения: многообразные, сложные, разнохарактерные. И далее начиналось энергичное движение автора в подлинный и многообразный мир народной нравственности на совершенно новых принципах. Такая нравственность, пронизанная, конечно, религиозными нормами, и рассматривается ею как духовность. Все, что она успела собрать в рамках изучения общины как «трудового коллектива», жизнь которого регулировалась целым комплексом нравственных и обычно-правовых норм, было опубликовано в монографии

«Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.)» (Новосибирск, 1975). Книга эта завершает весь предыдущий, *подготовительный этап* движения в сторону изучения подлинного лица русской народной традиции.

С начала 1980-х годов Марина Михайловна все более сосредотачивается на вопросах духовной культуры русского крестьянства, в новом ее понимании духовности. Сначала через социальную психологию, фольклор идет проработка вопроса о сложной природе крестьянского духовного мира. Для автора в тот период еще не стоит проблема приоритета православия и православного мировоззрения, но она понимает, что за крестьянским, народным мировоззрением стоит нечто большее, чем просто фольклор и символика, культура поведения, праздничная и аграрная культура. Автор исходит пока только из факта *удивления* сложностью этого простонародного мира и в этой сложности пытается разобраться, используя привычные схемы ученого-материалиста. Расширяется круг источников, растет число посещаемых архивов; к сибирским добавляются ленинградские, и главным образом Государственный исторический архив, архив Синода и Сената. Марина Михайловна изучает челобитные, судебные-следственные материалы, следственные дела консисторий, записи крестьянских обрядов и т. д., отмечает круг источников, который в наибольшей степени отвечает за духовную сторону крестьянского сознания (*Громыко* 1972: 1–13).

Первой монографией, написанной в рамках нового подхода, стала работа «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.», изданная в Москве в издательстве «Наука» (1986) большим тиражом в 6 500 экземпляров. Почти параллельно с этой книгой выходит другая – научно-популярная – «Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского» (Новосибирск, 1985), тиражом 80 000 экземпляров. Именно последняя, как мне кажется, впервые позволила М. М. Громыко заявить о своих первых еще приглушенных и смутных религиозных приоритетах и ориентирах, тем более что сибирский материал позволил это сделать на основе новых, свежих материалов о Достоевском, декабристах и такой интересной фигуре, как казахский просветитель Чокан Валиханов. Новыми были не только представленные архивные материалы; необычными для советского читателя предстали все упомянутые в книге исторические фигуры, через их связь

с христианством, православной верой, связью с духовными лицами - старцами. У Ф. М. Достоевского, как показывает М. М. Громыко, эти реальные жизненные пересечения со старцем Зосимой (Верховским) в Сибири вполне могли найти художественное воплощение в образе старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы». Конечно, само время - середина 1980-х годов, - которое тогда страна переживала, открывало новые возможности для ученого-гуманитария. Но каждый пришел к этой исторической точке со своим багажом знаний, намерений и сокровенных желаний. Для Марины Михайловны Громыко это была долгожданная возможность выхода за пределы идеологического контроля, довлеющего над ученым.

Монография «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» заслуживает особого внимания. Она уникальна по многим своим характеристикам. Во-первых, здесь впервые представлена новая цельная концепция исследования «этических традиций» у русского народа. Автор выходит за рамки сибирской тематики на уровень общероссийский (это позволила сделать многолетняя работа в ленинградских и московских архивах), но при этом она опирается на все то лучшее, что удалось сделать и наметить в «сибирский период» (тем более, что с 1977 г. М. М. Громыко работает в Институте этнографии АН СССР г. Москва). Во-вторых, задача этой концепции в данной книге скорее методологическая, нежели содержательно-исследовательская, потому что слишком велик круг вопросов, стоящих перед ней, слишком сложны перипетии изучения «нравственности в традиции». И хотя определенная содержательно-исследовательская работа была проведена, но она скорее имела характер иллюстрации (и то частичной) новых теоретических подходов. И наконец, третья - эта книга резонансная для научного мира, несмотря на то, что общероссийскую и зарубежную известность приобрела другая ее работа, научно-популярная - «Мир русской деревни», вышедшая в начале 1990-х годов. Для абсолютного большинства московских и петербургских (тогда ленинградских) этнографов (эти две школы до сих пор негласно оппонируют друг другу) последняя книга стала открытием, заставившим по-новому взглянуть на проблемы исследования народной жизни. Многие почувствовали, что такое изучение требует своего рода сердечного участия, душевного сочувствия предмету изучения, что нравственный мир народа сложен и многообразен. Несомнен-

но, книга повлияла и на ленинградскую школу этнографии, что особенно очевидно при чтении трудов таких крупных ее представителей, как Т. А. Бернштам (*Бернштам* 1988; *Бернштам* 2005) и И. И. Шангина (*Шангина* 1997; *Шангина* 2007).

Особенности методологического подхода М. М. Громыко, представленные в работе «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.», состояли в следующих положениях. 1) Традиционная крестьянская событийная культура (а это разного рода общение) нравственна. Она не просто пронизана нравственностью, она завязана на нравственность, отталкивается от нее, держится ею и руководствуется нравственными постулатами. Нравственность, в данном случае, это не формальное и неопределенное поведение, а опосредованное высокими и устойчивыми мотивами. 2) Крестьянское общение имеет коллективно-личностную природу. При том что крестьянину присуще коллективистское сознание (благодаря опоре на общину, семью, родственник коллектив, народное самосознание), оно опирается и на личностное начало. В крестьянской среде ценится личностная природа, личностные качества, для которых есть все возможности проявляться (на сходке ли, в трудовых ли буднях или на празднике и беседе). Коллективизм - главное для народа, более того именно *им одним* меряется «народность», а личностные качества - лишь некая драгоценная огранка народности. И здесь очевидное следование славянофильской позиции видеть в отдельных единицах не-народ, но в совокупности их - народ (*Аксаков* 2002: 137). Отсюда вытекала и одна из центральных идей у классических славянофилов (И. С. Аксакова и др.) - о национально-русском православном образовании для народа. Уча таким образом «единицы», мы учим весь народ. 3) Работа с нравственными феноменами традиционной культуры требует от исследователя некоего априорного знания и априорного положительного отношения к ней. Чтобы увидеть важность феномена взаимопомощи, как и его форм - помочей и побратимства - М. М. Громыко нужно было иметь в себе самой подготовленную почву для этого. 4) Исследовательница, по сути, возвращается к старому, дореволюционному - славянофильскому - пониманию народной культуры, как культуры эталонной; отсюда нравственность является не идеологической категорией, как ее представляло советско-марксистское мировоззрение, а религиозной. В данной работе М. М. Громыко

об этом не пишет (очевидно, время еще все-таки не пришло), но анализирует нравственность именно с позиции «вечных истин».

Все сказанное позволяет говорить о настоящем прорыве (и не только научном, но и о мировоззренческом) в исследовании русской народной традиции и культуры в конце советской и начале постсоветской эпох. А то, что «попутно» приходилось разбирать важнейшие методологические философские вопросы, лишь указывает на решимость автора действовать «до конца» в рамках ясно выстроенной парадигмы.

С идейной точки зрения в указанной работе закреплялся этнографический и исторический взгляд на русский народ, как на этническое сообщество, уникальное (как и любой народ) своей культурой, верой, языком, социальной структурой и хозяйственным укладом. Народ – «нравственный феномен», в нравственности его зерно, а не в идеологически-гражданской составляющей, обозначаемой понятием «советский народ». Если Д. С. Лихачев подобную же работу – научную «реабилитацию» русского народа как этноса – совершил на материале древнерусской литературы X–XVII в., то М. М. Громыко продолжила ту же линию, максимально приблизившись к современности – к 1917 г., раскрывая нравственную историю русской крестьянской России XIX – начала XX вв. Это и было важнейшей и существеннейшей заслугой ее как ученого и как личности. Д. С. Лихачев в письме к Марине Михайловне в связи с выходом «Мира русской деревни» отметил именно эту заслугу автора, способность видеть и представить русский народ в его целостности, в традиции, в его идеалах и твердых началах.

Наиболее известной книгой М. М. Громыко, принесшей ей государственную премию, как и всероссийскую славу, является «Мир русской деревни» (М.: Молодая гвардия, 1991). Она создавалась уже на отработанной методологической базе, «легко и свободно», как это можно почувствовать, читая эту книгу. Теплое, звучное название, не строго академичное, прекрасное оформление и весь иллюстративный ряд – всё это создавалось для ждущего, уже подготовленного читателя, как долгожданный манускрипт, как живая весть из прошлого, пробившаяся в начало 1990-х годов. Да и само время, живо откликавшееся на все несоветское, в том числе отечественное, помогало автору обрести массового читателя. Отсюда невероятный тираж в 50 000 экземпляров. Но даже он не покрыл всех потребностей, потому что к автору потом поступали неоднократные обращения

о переиздании книги, от чего она отказалась, потому что в этот период уже считала нужным более четко и определенно говорить о религиозной, а не только и не столько о нравственной природе традиционной культуры. Вот почему вместо «дополненного и исправленного издания» свет увидела в 2000 г. новая книга «О воззрениях русского народа». Но остановимся более подробно на «Мире русской деревни».

Книга не просто вносила новую, свежую струю в понимание прошлого «простого народа», она была духоподъемна, и об этом М. М. Громыко говорили и писали многие известные люди того времени. Были письма от Д. С. Лихачева, благодарный звонок от писателя В. А. Солоухина, высказывал поддержку известный философ и писатель Э. Ф. Володин, в Отдел русского народа Института этнологии и антропологии РАН приходили ответственные работники образования (А. Д. Червяков и др.), ученые и много самых разных людей, ценителей русской культуры.

Первые слова в книге – эпитафия из текста Ю. Ф. Самарина, укоряющего русскую интеллигенцию, которая «затемняет светлые стороны деревенской жизни». Знаковая фраза! В «Предварительном разговоре» (предисловии) автор говорит об идее «практического отношения к крестьянству» (подлинного), в отличие от «теоретического» (ложного) отношения. «Нравственные понятия» здесь лишь часть материала, а кроме них есть «хозяйственные знания», «социальный опыт», «исторические представления», «круг чтения и праздники», «общинные сходки и молодежные посиделки». Здесь автор открыто говорит о причинах непонимания деревни: «недостаток настоящего уважения к крестьянину, его труду» и является главной причиной этого непонимания. А «острота разговора о русском крестьянстве нарастает», поскольку крестьянина начинают делать ответственным за все проблемы и неудачи России в XX в. Поэтому важнейшая научная задача – «сказать правду о русских крестьянах». Посмотрим, кого субъектно выделяет автор из всего деревенского мира. Это пахари, грамотеи, книжники, семья, мир (как крестьянское общество), молодые. Из отдельных фигур – пахари и грамотеи с книжниками, олицетворяющие труд и учение. Из коллективных – семья, мир и молодые. Свою необходимую нагрузку несут и общие понятия – «совесть», «Отечество», «праздник». Они как-бы сопрягаются с коллективными фигурами: отечество–мир; совесть–семья; праздник–молодые, – и тем дополняют и

объясняют свою сложную природу. А над всем стоит фигура пахаря, он – фундамент русской деревни. Пахари – это люди, глубоко понимающие природный мир и знающие свое сельское дело, но кроме того – «предприимчивые» и с «чудной понятливостью». Такова общая архитектура книги, с ее глубоко продуманной структурой. Собственно, и здесь проявляется искомый подход: с любовью, вниманием и ответственностью представить читателю «целое», законченное, живое, отражающее реальную действительность. Но перед автором-славянофилом все же стоит еще и идейная задача: «сказать правду о народе», то есть собрать все лучшее и показать его. И это лучшее, по мысли М. М. Громыко, было не исключением, а повседневностью, обыденной жизнью, потому что в этом лучшем существовала ответственность друг за друга и за весь мир. И пусть эта ответственность была по-народному проста и безыскусна, но она была правдива и искренна, и ею держался огромный мир. Эту «славянофильскую правду» и хочет донести до читателя автор книги.

Книга «Мир русской деревни» завершает очередной, очень значительный (может быть,

главный!) этап научной жизни М. М. Громыко, который был обозначен нами как «торжество нравственного принципа» во взгляде на русского крестьянина. Автор расширяет границы предыдущей книги о нормах поведения русских крестьян, популяризирует свой новый подход, вводит в книгу отдельные сюжеты из религиозной жизни крестьян. Книга писалась во второй половине 1980-х годов, а с 1986 г. автор начинает вести активную церковную жизнь, воцерковляется после знакомства с известным московским священником и старцем прот. Михаилом Трухановым. При этом Марина Михайловна не спешит быстро распространить свою личную, выросшую религиозность на научную жизнь. Подводятся лишь итоги предыдущего периода. Яркость и выразительность подведения этих итогов в книге «Мир русской деревни» совершенно очевидны. Наверяд ли бы случилось то же самое, живи она в прежнем мировоззренческом окоме. Была бы монография – хорошая, основательная, – но не имеющая такого пронзительного, моцартовского тона. Книга действительно ставит резкую границу между прошлым и будущим Марины Михайловны.

Панихида по прот. Михаилу Труханову в день его памяти. Ваганьковское кладбище. 2013 г.

Новый период, при том, что это был разрыв с предыдущими этапами, был характерен, как нам кажется, еще и отказом от славянофильской парадигмы, как исчерпавшей себя, по мнению М. М. Громыко. А это уже требует серьезного пояснения. По сути, речь идет о понимании того, что светскость, как среда, как механизм понимания мира, его описания, для Марины Михайловны исчерпала себя. Делается шаг выхода за границы «Достоевского», с его «светским пророчеством», особым эсхатологическим народолюбием, наконец, сутью – его подходом, как *эстетическим* оценочным критерием народной традиции. И хотя сама М. М. Громыко как историк и этнограф действовала на другом поле – этическом, но опиралась на тот багаж, который она собирала у Федора Михайловича. Разрыв у Марины Михайловны со славянофильством означал многое и прежде всего – отказ от модерна, как метода постижения и описания действительности. К этому, надо сказать, стремились ранние славянофилы, но последователи их не поддержали. Да и сами они не могли этого сделать в реальности. Во всяком случае, параллели у М. М. Громыко в вопросе об отказе от модерна в пользу только религиозной традиции налицо. То есть, получается, что отказ от славянофильства Марины Михайловны при продолжении работы в стенах Академии наук, мог быть только неполным, условным. Что-то наподобие того, что сделал И. В. Киреевский, когда стал заниматься издательской деятельностью в Оптиной пустыни. Он ушел в прошлое, но не бытовое, а религиозное, с его истовостью и аскетизмом в религиозной жизни, характерными для допетровской Руси. В этой связи мне становятся понятными критические высказывания Марины Михайловны в адрес Достоевского, слышанные от нее в последние годы ее жизни: «писатель не был тем духовидцем и духовным подвижником, каким может быть духовный пророк. Не хватало ему духовного разума, церковности, благодати. Хотя человек он был глубоко и искренне верующий, любивший Россию, но не духовидец». К слову сказать, сама Марина Михайловна никогда не причисляла себя к славянофилам, находя их людьми с «либеральными поползновениями». Поэтому наше причисление ее к славянофилам вряд ли бы ей было близко.

В своем новом – постславянофильском – качестве М. М. Громыко, отказавшись от этического и эстетического взгляда на традицию в пользу религиозного взгляда, должна была перейти на язык средневекового книжника. Рели-

гиозный взгляд предполагал уход в церковную сферу, погружение в нее (как это сделал Иван Васильевич Киреевский), и совсем не предполагал участия в светской деятельности. Марина Михайловна как научный работник помогала своему духовному отцу протоиерею Михаилу Труханову редактировать его книги, готовить их к изданию, и в этом смысле у нее была своя «Оптина». Но она продолжала работать и в Институте этнологии и антропологии РАН. В 2000 г. вышла большая работа – «О воззрениях русского народа» (М.: Паломник, 2000), написанная в соавторстве с А. В. Бугановым, в которой ценностные императивы модерна все же очевидны. У книги было два издания (первое тиражом 5 000 экземпляров), имелся гриф Министерства образования, разрешающий пользоваться книгой в качестве учебного пособия, что делало ее потенциально ориентированной на допечатывание тиража.

М. М. Громыко написано в монографии две части из трех: «Вера в народной жизни» и «Русская община». В первой части православная вера рассматривалась автором сквозь призму отношения к загробной жизни, внехрамовых богослужений, посещения и отношения к храму и священнику, участия в богослужении; почитания святых; богомолий; домашней церкви; дел милосердия; подвижничества. Как видим, автор максимально охватывает все сферы церковной жизни. Она показывает, что народу была доступна церковная жизнь, народ ее знал, жил ею, пользовался ее плодами, а понятие «Святая Русь» касалось именно простого народа, большей частью крестьянства. Громыко, опираясь на самые разные источники, приводит примеры, иллюстрирующие ее тезисы и показывающие общий характер описываемых ситуаций. Как и в книге «Мир русской деревни», перед нами открывается картина, рисующая самые разные церковные традиции у русского народа, разнообразие этого опыта, включающего не только внутривраховую, но и внехрамовую деятельность. Автор сосредотачивает внимание на самых говорящих за себя примерах. Ей важно показать подлинное знание народом церковной жизни, укорененность его «в благочестии и чистоте», богатство и разнообразие народной церковной культуры.

За пределами книги оставалась, конечно, немалая часть из того, что мы называем «проблемными сторонами» народной религиозной жизни, такого же разнообразного, но неоднозначного для трактовки материала. Это был сознательный выбор автора, в общем-то, стер-

жень ее методологии. И об этом стоит, наверное, сказать более подробно. Этот «стержень» хорошо показал себя в предыдущих книгах, когда автором рассматривалась нравственная и правовая культура народа. На него нанизывались факты, а точнее, вся четко выписанная фактура народной нравственности и обычного права, тесно связанного с нравственностью. Связанного не мотивацией, а всеми материальными обстоятельствами жизни. В этом ряду: «нравственность - обычное право - религия (вера)», - первые два компонента сильно отличались от последнего компонента - религии. И то, и другое являлось «вторичным продуктом» (продуктом религиозной жизни), поэтому у них были четкие границы, они были взвешены на духовных весах и имели строго определенный вес. Напротив, религия (вера) в силу первичности, в силу непознаваемой до конца глубины и тайны, ей присущей, таких определенных границ не имела, границы ее были смутны, да и не были они так важны в каждодневной жизни, как границы у права и морали. У религии в повседневности были более важны не границы, а ее стержневое начало, ей присущий духовный смысл.

Всё сказанное в отношении религии, нравственности и обычного права касается в данном случае и специфики подходов в изучении этих категорий у народа. Если при изучении народной нравственности и обычно-правовой культуры метод «идеализации» был оправдан, он приносил не только яркие, но и достаточно объективные результаты, то при переносе его на религиозное поле исследования, ученому нужно было при таком подходе априори вводить религиозный факт в некие искусственные рамки. Создание искусственных условий для изучения религиозности, помещение религиозной жизни в неестественную лабораторную среду было, в общем-то, сродни тому, что сегодня называется методом *конструирования*. И хотя за основу анализа автором берется в этом случае не искусственный материал, а вполне жизненный, но материал берется не из гущи жизни, не из ее потока, в котором только и может существовать религиозная стихия. Материал берется из продуманной в «лабораторных условиях» идеи, диктующей, по мысли автора исследования, границы данному явлению. В этом и состоит специфика того подхода, который впервые применяется М. М. Громыко в книге «О воззрениях русского народа». Здесь *сконструирован* своего рода народный религиозный идеал, как он представляется автору

книги. Каким он был в реальности, подобный подход, конечно, не позволяет сказать. Разница, как надо понимать, состоит не в отличии идеала от реальной жизни, а в том, что идеал выдается за реальную жизнь, хотя реальная жизнь имела иную, более сложную структуру. Тем не менее, не в этих определенных недочетах теоретического характера заключалась тогда «правда жизни», более важным была другая сторона - исповедническая, исповедание М. М. Громыко своей религиозной веры. Исповедание публичное, открытое, многолетнее. Носящее, подчеркнем это, не личный, а общественно-научный характер. В этом, на наш взгляд, и заключалось главное, что заставило Марину Михайловну отказаться от модерна, как научного метода, в пользу религиозного традиционализма, как научного метода. Подчеркнем, что подобный отказ нельзя было реализовать (в условиях работы в академическом институте) в области текста (здесь Марина Михайловна все же продолжала следовать законам модерна, как возрожденческого феномена), но можно было демонстрировать его в поведении, образе жизни, выборе тем и т.д.

Вот почему нельзя не коснуться в этой связи и перспектив данного подхода в научной сфере. Как сегодня уже очевидно, путь, пройденный Мариной Михайловной, был совершенно оправдан, даже в той его части, где речь идет об изучении православной религиозности. Во-первых, всегда важно, чтобы та или иная методология «вызрела до конца» и раскрыла в полной мере все свои сильные и слабые стороны. В данном случае это произошло. Во-вторых, было бы несправедливым сводить всю огромную положительную деятельность Марины Михайловны начиная с 1990-х годов к новой методологии. Это сторона ее деятельности, как нам видится, может вообще считаться не главной в ее научных результатах. Главным был ее личный пример подлинного обращения ученого лицом к народу. К этому стремились многие русские, советские этнографы в послевоенное время. Народ - победитель в Великой Отечественной войне достоин был своей великой этнической истории, великой народной культуры. И такой пафос, безусловно, присутствует в научных исследованиях этого времени. По-разному этот дух восторженности реализовывался у разных ученых-этнографов и историков, обретал разную глубину и понимание. Научный подвиг М. М. Громыко состоит в том, что она воздвигла это живое чувство на подлинную высоту, раскрыла в своих работах

красоту *народного общения, как социального и этнического феномена*, в разных его слоях и возрастах. Этого бы не произошло, если бы труды такой направленности писались ею в 1950-е и 1960-е годы, когда религиозное начало в стране было еще слишком задавлено. Важно было дождаться, чтобы это чувство понимания подлинной народной красоты у автора вызрело, стало глубоким и осознанным, сопряженным с личной верой и благочестием. И, конечно, появились внешние условия для возможностей это опубликовать. Автор не растратила свой душевный пафос в оттепель 1960-х годов (хотя была такая опасность), она, промыслительно, дождалась 1980-х, прониклась энергией великого христианского юбилея - 1000-летия Христианства на Руси, пришла к вере, крестилась, стала жить церковной жизнью. Тогда и появился труд «Мир русской деревни».

В 1990-е и 2000-е годы самым главным оказалось не создание православной методологии, а фундаментальное закрепление самого значительного достижения предыдущих лет, касающегося безусловной ценности духовной культуры (поначалу нравственной и правовой) русского народа. *Научная реабилитация* целого народа должна была завершиться не только такими трудами, как «Мир русской деревни» и «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.», но и утверждением права русских на православие, которого они были лишены в советское время. Русский народ представляли в советские годы или язычником, или двоевером, отказывая ему (на высоком государственном уровне) в праве быть церковным, православным народом. Вывести русских из этого плена, во всех смыслах, в том числе в смысле объективной научной оценки церковной жизни русского народа, было возможно, только проделав огромную теоретическую и практическую работу. Это были две разные задачи. Одно дело - труды по православной религиозности русских. В них решалась важная задача описания православия, православной религиозности как религии народа, давшей ему место в истории, великую культуру, мощную самобытную государственность, давшей ему смысл существования. Этим делом занималась сама Марина Михайловна и все те, кто работал вместе с ней. Другое дело - практическая задача - закрепление *статуса православного ученого* в науке как особого феноменологического явления. Нельзя было просто заниматься православием, даже если ты православный, нужен был прецедент статусно-

сти для такого рода занятий. Это не значило, что никто другой не может и не должен заниматься православием, этим лишь определялась граница компетентности. Но другие такую статусность имели, а православные ученые нет.

Православие как мировоззрение, формирующее методологию, ушло из русского научного сообщества в советское время. Чтобы вернуть его, необходимо было *личностным образом* обозначить его сверхценность: не просто как особый объект исследования, но как субъект, нашедший общий язык с объектом, т.е. обозначить связь, объединяющую субъект и объект в одно целое - и не только научным интересом, но и духовно. Повторимся, это не означало, что изучение православия является монополией православных ученых, это лишь указывало, что для объективного изучения русского православия было важно зафиксировать, что субъект и объект имеют общий православный корень. Для ученого такой шаг был опасен тем, что грозил моральной дисквалификацией со стороны общественного научного мнения, потому что ученый словно расписывался в отказе от научного метода исследования. Так это трактовала другая сторона. И Марина Михайловна добровольно подставила себя под этот огонь «научного осуждения», истребляющий былые заслуги ученого. Многие тогда отвернулись от нее, посчитав, что ее «религиозная блажь» сгубила прекрасного ученого. Но это была не просто демонстрация религиозности, это был способ привлечения научных сил, которые могли бы включиться вместе с ней в эту работу. Благодаря бесстрашию ее как ученого (здесь было уже не гражданское мужество, а нечто большее) стала создаваться *школа православных исследований* русского народа.

Задача подготовки православных специалистов становится для Марины Михайловны приоритетной, даже более важной, чем создание «теории», т.е. научных работ по православной тематике. Много сил она отдает воспитанию кадров, подготовке кандидатских и докторских диссертаций, в качестве научного руководителя (или официального консультанта - для докторских) многочисленных учеников. Рабочей площадкой для этого становятся научный семинар «Православие и русская народная культура» (проходил раз в два месяца с начала 1990-х годов) и ежегодные сборники трудов под тем же названием, а с 2002 г. - созданный Мариной Михайловной научный православный журнал «Традиции и современность» (периодичность два раза в год). Под ее руководством, пря-

мым или косвенным, защитился большой круг специалистов. Говорить в стенах ИЭА РАН о православном ученом стало привычно, и тем самым было отвоено право такого ученого на субъект/объектные отношения, т.е. *право* на научную деятельность как таковую. К своим непосредственным ученикам М. М. Громыко относил 16 человек. Как она говорила, это те, кто официально были ее аспирантами и продолжили потом работу по специальности. Это Г. П. Жуков, Н. А. Миненко, Т. С. Маличик, В. В. Рубцевич, Л. М. Русанова, Л. В. Широков, Л. С. Рафиенко, Н. П. Матханова, Н. К. Чернышова, Х. В. Поплавская, Т. А. Воронина, А. В. Буганов, Г. Н. Мелехова, А. Ю. Андрианов, Н. В. Шляхтина, Т. В. Анохина. В этот список не вошел еще ряд исследователей, которые защищались (или только готовили диссертации) при активной поддержке Марины Михайловны. М. В. Мальцев, самый первый из ее аспирантов, защитившийся по православной тематике и ставший позже священником, очевидно, по этой причине не был включен ею в список учеников. А. И. Кузнецова (Юренко), защищавшаяся под руководством К. В. Цеханской, Г. А. Романов, направленный к нам архитектором Т. Н. Кудрявцевой, но писавший диссертацию под руководством Марины Михайловны. О. В. Кириченко, имевший в аспирантуре научного руководителя В. А. Александрова, умершего до защиты, также был принят, но неофициально, Мариной Михайловной под свое руководство. Она настояла на том, чтобы в диссертационных документах руководителем значился В. А. Александров. Не раз консультировалась у Марины Михайловны литературовед из МГУ И. В. Моклецова, когда готовила кандидатскую диссертацию. Свои докторские диссертации Т. А. Воронина, А. В. Буганов, О. В. Кириченко, К. В. Цеханская защищали при официальном консультировании М. М. Громыко. А сколько на нашей памяти было единичных встреч у Марины Михайловны с представителями разных наук, обращавшимися к ней за советом и консультацией при написании своих работ. Многие из этих людей становились потом авторами журнала «Традиции и современность», участниками семинара, со своими оригинальными темами. Была прочная и обширная связь с православными педагогами-новаторами из Петербурга (Н. И. Пономарева), Курска (В. М. Меньшиков), Ярославской обл. (В. С. Мартышин), Москвы (А. Д. Червяков, Н. Н. Блохина). В Институте теории и истории изобразительных искусств РАХ ра-

ботала академик М. А. Некрасова, также изучавшая православную тематику в своей сфере, и долгие годы это было очень плодотворное и взаимообогащающее сотрудничество. Но у Марии Александровны в ее институте не было возможностей действовать так широко, как в ИЭА РАН, поэтому нередко ее православная тематика озвучивалась на площадке Института этнологии и антропологии. Огромным достижением М. А. Некрасовой был выпуск фундаментальной коллективной монографии «Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII-XXI вв. Традиции и современность». (М.: Союз Дизайн, 2013). Часть авторов этой книги была из Института этнологии, а рецензентом - М. М. Громыко.

Общение с М. М. Громыко с П. И. Новосельским, много рассказывавшим ей о своих предках-священниках, в том числе новомучениках, вылилось в целый проект по изданию Павлом Ивановичем (ныне монахом Платоном) семейных, родовых документов в краеведческом издании «Владимирские краеведческие хроники». На сегодня вышло 13 выпусков, каждый из которых богат документами, архивными материалами и исследованиями автора.

Поднимать человека на исследовательский уровень, вселять в него надежду на успех (при условии, что человек скопил в себе и у себя некое книжное сокровище) было особым талантом Марины Михайловны. И это можно проиллюстрировать не только на примере П. И. Новосельского, но на другом не менее ярком примере. В. А. Звонкова была церковным регентом, без высшего образования, работала всю жизнь в церкви, была ближайшей помощницей прот. Михаила Труханова. После его кончины, когда встал вопрос об издании богословских трудов священника и старца, его богатейшего рукописного наследия, именно она становится издателем. При тесном сотрудничестве с Мариной Михайловной и еще несколькими учеными она выполняет огромную, неподъемную, казалось бы, для человека без высшего образования работу. В. А. Звонкова учится работать с текстами, осваивает компьютер, и делает многое другое, что позволило ей блестяще решить издательские задачи. Сейчас она приступила к изданию собственных мемуаров и публикации архива, накопившегося у нее за годы церковной жизни (см.: Традиции и современность. 2020. № 25 и данный номер журнала).

Важно отметить, что «поле, отвоенное М. М. Громыко в ИЭА РАН для православия», использовалось не только сотрудниками (аспи-

рантами) Института, но и соискателями, а также (что немаловажно!) представителями регионов, откуда они специально приезжали в Москву для защиты диссертаций по православной тематике. Особенно удалось развернуться на этом поприще ученым из Вологды и Вологодской обл. Благодаря талантливому и энергичному руководителю вологжан д.и.н., профессору А. В. Камкину, заведующему кафедрой в Вологодском государственном университете, защиты эти не ограничились самим Александром Васильевичем Камкиным (его кандидатской, а потом докторской диссертацией по православной тематике в ИЭА РАН), но переросли в защиты его учеников: И. В. Спасенковой, Н. А. Шушвал, А. В. Матвеева. Другие вологжане приезжали «на смотр», обсуждение своих работ в Отдел русского народа и публиковались потом на страницах журнала «Традиции и современность». На этой почве выросла целая плеяда молодых вологодских ученых, занимающихся православной тематикой: Р. П. Биланчук, Н. В. Алексеева, М. Ю. Хрусталева, И. Н. Тяпин, С. В. Третьякова, Н. В. Стикина, А. Р. Павлушков, О. Б. Молотов, Е. В. Бахтенков, Я. Б. Тимофеева. Благодаря московской площадке в Вологде сложилась своя православная научная школа исследования. Сам А. В. Камкин считал себя учеником вологодского этнографа и историка д.и.н. П. Н. Колесникова.

Интересно, что такие же возможности для создания собственных научных православных школ были и у других регионов, но по тем или иным причинам они не были реализованы. Допустим, с группой М. М. Громыко, как и в целом с Отделом русского народа ИЭА РАН, тесно сотрудничал этнограф из Перми д.и.н., профессор Г. Н. Чагин, но его заинтересованность православной тематикой носила лишь личный характер. К тому же эта тематика не была для него главной, определяющей, и вокруг этого исследователя не консолидировались ученики, занимающиеся православием. Иная ситуация просматривается в Краснодаре. Здесь, на базе творческого коллектива «Кубанский казачий хор» возник крупный научный фольклорный центр, активизировалась экспедиционная деятельность, с 1990-х годов начали издаваться фундаментальные этнографические труды. Православие здесь было одной из важных тем и направлений исследования, но тоже не определяющей темой.

Самостоятельно развивал православную тематику Санкт-Петербург, в лице большого числа сотрудников Пушкинского Дома, и это объ-

яснимо. Православие было приоритетной темой у Д. С. Лихачева, еще в советские годы. В постсоветский период здесь развернулось гораздо более мощное, чем в ИЭА РАН, направление, исследующее христианство в русской литературе. Сюда стягивались еще более значительные силы не только из Петербурга, но и из Москвы и других городов России¹. Подобный Петербургскому автономный научный феномен возник в Новосибирске, в центре Н. Н. Покровского. Он начал формироваться еще в советские годы на глазах у М. М. Громыко и вырос в крупный научный центр, занимающийся исследованием христианства². Связь у М. М. Громыко с Новосибирском была более тесной, чем с Петербургом, но в целом, самостоятельность новосибирцев, их самодостаточность, создавали естественные ограничения для широких (центр с центром) контактов.

Остановимся далее на тех трудах Марины Михайловны, которые были посвящены вопросам общего (теоретического) характера, а также отдельным явлениям в области агиологии и подвижничества. После издания книги «О воззрениях русского народа» автор выпустила еще три книги: «Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию» (М.: Паломник, 2007); «Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века» (М.: Паломник, 2015); «О духовном возрасте ученых и изучаемых. Очерки по материалам России XIX-XXI веков» (М.: Индрик, 2018). Все они в той или степени посвящены проблеме святости. Этот феномен рассматривался в разных ипостасях. Во-первых, через непосредственное описание образа святого. Здесь за основу бралась фигура прославленного Церковью старца Федора Кузьмича, интересного автору, как историку и этнографу, многими своими загадками и самой драматургией житийного текста. Это некое продолжение на новой ступени ранее разрабатываемой ею темы «сибирского старчества», представленной в книге 1985 г. «Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского». Книга о святом Федоре Кузьмиче (это могу засвидетельствовать лично) писалась с большим вдохновением, с опорой на большой массив собранного в прошлые годы архивного материала, с проработкой всей современной, в том числе зарубежной историографии. Была ясная цель поставить точку в вопросе об идентичности сибирского старца Федора Кузьмича и императора Александра I. Как историк и агиограф Марина Михайловна сосредоточилась на пути духовного преображе-

ния человека (императора) под воздействием обретения веры. Основным толчком для императора Александра I стало лицезрение им в ходе Отечественной войны 1812 г. народной веры, ее крепости, силы и культуры, о чем он раньше даже не подозревал. (Как видим, славянофильская мотивация продолжала, независимо от нее, определять мотивацию автора). Попав в народную среду в период испытаний, т.е. пору ее активности, император смог почувствовать себя частью народа, зажечься от него верой. Выйдя из народной стихии другим человеком, во всяком случае, с искрой глубокой веры, император идет далее народным путем: окунувшись в народную стихию, претерпевая все невзгоды на пути, унижения, скудость в бытовой жизни, он все время стремится к более глубокому покаянию, чтобы очистить душу для будущей встречи с Богом.

Нельзя не отметить, что книга написана с филигранным научным мастерством; десятки судеб искусно собраны в одно целое, где центром притяжения оказывается вставший на путь странничества бывший император. М. М. Громыко использует не только весь корпус имеющихся архивных данных, но и учитывает самые разные, но заслуживающие доверия, сведения из опубликованных источников, рассматривает предания, сохранившиеся в русской эмигрантской аристократической среде. У непредвзятого читателя, прочитавшего книгу внимательно, не остается сомнений в идентичности Александра I и старца Феодора Кузьмича.

Важная задача доказательства идентичности этих двух разведенных историей лиц, тем не менее, находится только в числе других задач, среди которых главные – это духовное преобразование человека в результате глубокого покаяния, обращение к глубинам народной веры, из которых возможно было черпать не только простому человеку, но и такому высокородному лицу, как император, и, наконец, задача важности религиозных мотивов для истории России в целом.

Вторая упомянутая книга – «Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века» (М.: Паломник, 2015) – логически продолжает монографию о старце Феодоре Кузьмиче, но ставит задачу показать движение к святости с противоположного ракурса: от народа к святому или подвижнику. Книга включает в себя массовый материал об обращении простого народа к старцам, что, безусловно, свидетельствует о народных чаяниях и духовных приоритетах. Старцы были интересны простому

человеку своей прозорливостью (возможностью ответить на самые разные жизненные вопросы, как духовные, церковные, так и житейские), способностью исцелять болезни, давать мудрые советы и утешения в скорбях и т.д. Книга построена на опубликованных источниках, подтверждающих массовый характер народных обращений к старцам, которые поэтому могут считаться частью народной религиозной жизни. Книги жизнеописаний святых и подвижников, издаваемые сегодня церковными издательствами, содержат немало ценного материала по народному благочестию. Марина Михайловна в одной из своих статей отмечала важность такого источника, на примере четырнадцатитомного издания, подготовленного архимандритом Никодимом (Кононовым), – «Отечественные подвижники благочестия XVIII-XIX веков» (Громыко 2000: 45-56).

Последней большой работой Марины Михайловны стала книга очерков «О духовном возрасте ученых и изучаемых. Очерки по материалам России XIX-XXI веков (М.: Индрик, 2018)». Закономерный для нее труд, где подводится итог главному мировоззренческому и научному вопросу – «о православной вере ученого». Здесь на самых разных примерах (большая часть людей, близких ей по общению, а также деятелей российской истории) раскрывается тема «веры и знания». Автор не просто хочет убедить читателя, опираясь на конкретные факты, что нет никакого противоречия в том, что ученый может быть верующим, но она убеждена (и показывает это), что именно вера помогала всем перечисленным в книге героям решать самые сложные жизненные задачи; решать профессионально, ответственно, свободно и горячо. Среди ее героев ученые советского и постсоветского времени: Д. С. Лихачев, Е. К. Ромадановская, Н. Н. Покровский, М. П. Кудрявцев и Т. Н. Кудрявцева, Я. Н. Щапов, В. П. Глушко, С. П. Королев, Т. М. Энеев, а также большой список современных ныне здравствующих ученых из разных научных центров; далее – купцы и предприниматели дореволюционной России, дворяне, священники, интеллигенция, которых можно отнести к числу благотворителей, людей милосердных к ближним; за ними идут цари (эта группа представлена императором Николаем I); отдельно говорится о подвиге приходского духовенства за столетний период; на примере исследования князя Э. Э. Ухтомского говорится об особенностях религиозного взгляда на изучаемые народы России в начале XX в.; за Ухтомским следу-

ют патриарх Пимен и священномученик Александр Зверев (с детьми которого Марина Михайловна была дружна), а с ними - художник П. Д. Корин; героями были и те в дореволюционной России, кто способствовал сохранению в Церкви и обществе правильного, православного понятия «мистики», веры в чудесное. Наконец, в последнем, завершающем очерке подводится итог теме «верующего ученого»; здесь более подробно рассказывается об ученых последних трех десятилетий, восстанавливающих связь с традициями дореволюционной России в области «веры и знания». Конечно, очерк обеднен отсутствием ее собственного имени и ее больших заслуг в этой области.

Кроме книг, в последние десятилетия у М. М. Громыко вышел ряд теоретических статей, в которых предлагалось по-новому, не с позиции атеизма, взглянуть на изучение религиозности у русского народа, его традиций и культуры (Громыко 1993: 149-180; Громыко 1994: 3-5; Громыко 1995: 77-83; Громыко 2000: 19-33). Публикуется обширная программа для сбора этнографического материала по теме «Православие в русской народной культуре», автором которой была в значительной степени Марина Михайловна (Программа 2002; Громыко, Кузнецов, Буганов 1993: 60-68; Традиционная культура 1997: 91-110).

В указанных статьях ставилась задача провести черту, разделяющую богословие и науку, поскольку постоянно возникали вопросы о

предмете исследования при изучении православия, звучали обвинения со стороны ученых с атеистическим мировоззрением в том, что православные ученые занимаются богословием, чуждой сферой и методологией исследования. М. М. Громыко писала, что в предмет этнографии входит не религия, а «религиозность, т.е. функционирование вероучения: религиозное сознание, вероисповедная практика и духовный опыт народа или отдельных его частей» (Громыко 1995: 77). Также важным был вопрос о двоеверии у народа, т.е. «официальном» православии и «бытовом», «народном». Автор стояла на точке зрения надуманности вопроса, отсутствия его в реальной жизни. Не исключая проникновение православия в быт, не исключая народной демонологии, она, тем не менее, связывала их со второстепенными явлениями, не касающимися веры у основной части русских крестьян.

Разумеется, научные заслуги М. М. Громыко не исчерпываются теми областями и темами, которые мы затронули в статье, ее достижения будут оцениваться постепенно, по мере того, как дело, которому она отдала свои силы в науке, будет утверждаться и крепнуть. Ученики с благодарностью и любовью будут помнить ее необыкновенную, светлую личность, ее материнское отношение к ним, ее труды на благо науки, ее огромный вклад в то, что «православное направление» в русской этнографии состоялось, стало фактом науки и научной жизни.

Примечания

¹ Подробнее на эту тему см. статью А. М. Любомудрова об изучении православия в Пушкинском доме за последние 30 лет - в следующем номере журнала «Традиции и современность» (№ 27). Выступление А. М. Любомудрова с докладом на эту тему см. на сайте журнала «Традиции и современность» (<http://naukapravoroslavie.ru/archives/1619>) и на ютуб-канале журнала (<https://www.youtube.com/watch?v=IUaEgSQ4Fpw&t=1051s>).

² Подробнее на эту тему см. статью С. Г. Петрова в следующем номере журнала «Традиции и современность» (№ 27). Выступление С. Г. Петрова с докладом на эту тему см. на сайте журнала «Традиции и современность» (<http://naukapravoroslavie.ru/archives/1619>) и на ютуб-канале журнала (<https://www.youtube.com/watch?v=DC1XZmgJrUA&t=5s>).

Источники и материалы

Нечкина 2013 - «...И мучилась и работала невероятно». Дневники М. В. Нечкиной. М., 2013.

Программа 2002 - Программа «Православие в русской народной культуре» / под ред. М. М. Громыко. М., 2002.

Традиционная культура 1997 - Традиционная культура русских. Сборник программ и вопросников для этнографических исследований. Рязань, 1997.

Научная литература

Аксаков И. С. О взаимном отношении народа, государства и общества // Аксаков И. С. «Отчего так нелегко живется в России». М.: РОССПЭН, 2002.

- Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005.
- Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Вадим Кожин о себе // Кожин В. В. Россия. Век XX. М.: Эксмо, 2011.
- Громыко М. М.* Крестьяне церковных вотчин Западной Сибири в 40-60-х годах XVIII в. // Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Четвертая сессия. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1961.
- Громыко М. М.* Православие как традиционная религия большинства русского народа // Материалы международного научного симпозиума «Православие и культура этноса» (Москва, 9-13 октября 2000 г.). Москва-Воронеж, 2001.
- Громыко М. М.* Государственные крестьяне Западной Сибири в XVIII в. // Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в г. Минске. Пятая сессия. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 1962.
- Громыко М. М.* Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII-XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирских крестьян XVII - начала XX вв. Новосибирск, 1975а.
- Громыко М. М.* Жизнеописания неканонизированных подвижников благочестия XIX в. как исторический источник для изучения массового религиозного сознания // Этнографическое обозрение. 2000. № 6.
- Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.
- Громыко М. М.* Земледельческое освоение Западной Сибири в 30-80-х годах XVIII в. // Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в г. Кишиневе. Седьмая сессия. Тезисы докладов и сообщений. Кишинев, 1964.
- Громыко М. М.* Источники по социальной психологии русского крестьянства XVIII -первой половины XIX в. // Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения. Материалы к обсуждению. Таллин-Москва, 1972.
- Громыко М. М.* Некоторые вопросы истории Сибирского крестьянства периода феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири / История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1970.
- Громыко М. М.* О духовном возрасте ученых и изучаемых. Очерки по материалам России XIX-XXI веков. М.: Индрик, 2018.
- Громыко М. М.* О народном благочестии у русских XIX в. // Православие и русская народная культура. Кн.1. М., 1993.
- Громыко М. М.* Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века. М.: Паломник, 2015.
- Громыко М. М.* Община в обычном праве сибирских крестьян XVIII - 70-х годов XIX в. // Ежегодник по аграрной истории за 1971. Вильнюс, 1971.
- Громыко М. М.* Православие в жизни русского крестьянина // Живая старина. 1994. № 3.
- Громыко М. М.* Святой праведный Феодор Кузьмич - Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. М.: Паломник, 2007.
- Громыко М. М.* Сельская община в Сибири. XVIII - первая половина XIX в. // Бахрушинские чтения 1973 г. Вып. 2. / Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
- Громыко М. М.* Сибирский вариант позднефеодальных аграрных отношений // Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в г. Одессе. Одиннадцатая сессия. Тезисы докладов и сообщений. Одесса, 1969.
- Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVII - 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII - начала XX вв. Новосибирск, 1977.
- Громыко М. М.* Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII - первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII - начала XX вв. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975б.
- Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975в.
- Громыко М. М.* Этнографическое изучение религиозности народа: заметки о предмете, подходах и особенностях современного этапа исследования // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.
- Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000.

- Громыко М. М., Кузнецов С. В., Буганов А. В. Православие в русской народной культуре: направление исследований // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.
- Кириченко О. В. Общие вопросы этнографии русского народа. СПб.: Алетейя, 2020.
- Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971.
- Лихачев Д. С. Великое наследие классических произведений литературы Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х томах. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1987.
- Митрофан (Баданин), архимандрит. Прп. Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития. Санкт-Петербург-Мурманск: Ладан, 2009.
- Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. XII-XIII вв. М.: Наука, 1982.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
- Шангина И. И. Русские девушки. СПб., 2007.
- Шангина И. И. Русские традиционные праздники: Путеводитель по залам Российского этнографического музея. СПб., 1997.

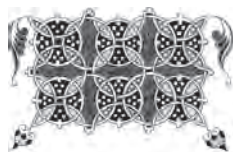
References

- Aksakov, I. S. 2002. O vzaimnom otnoshenii naroda, gosudarstva i obshchestva [On the mutual relationship of the people, state and society]. In *Aksakov I. S. «Otchego tak nelegko zhivetsia v Rossii»* [I. S. Aksakov «Why is it so hard to live in Russia»]. Moscow: ROSSPEN.
- Bernshtam, T. A. 1988. *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX v. Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community in the 19th - early 20th centuries. Age and sex aspect of traditional culture]. Leningrad.
- Bernshtam, T. A. 2005. *Prikhodskaiia zhizn' russkoi derevni. Ocherki po tserkovnoi etnografii* [Parish life of the Russian village. Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg.
- Gromyko, M. M. 2001. Pravoslavie kak traditsionnaia religiia bol'shinstva russkogo naroda [Orthodoxy as the traditional religion of the majority of the Russian people]. In *Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Pravoslavie i kul'tura etnosa» (Moskva, 9–13 oktiabria 2000 g.)* [Materials of the International Scientific Symposium «Orthodoxy and Ethnic Culture» (Moscow, October 9–13, 2000)]. Moscow-Voronezh.
- Gromyko, M. M. 1961. Krest'iane tserkovnykh votchin Zapadnoi Sibiri v 40-60-kh godakh XVIII v. [The peasants of the church estates of Western Siberia in the 40s - 60s of the 18th century]. In *Simpozium po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy v g. Riga. Chetvertaia sessiia. Tezisy dokladov i soobshchenii* [Symposium on the agrarian history of Eastern Europe in Riga. Fourth session. Abstracts of reports and messages]. Riga.
- Gromyko, M. M. 1962. Gosudarstvennye krest'iane Zapadnoi Sibiri v XVIII v. [State peasants of Western Siberia in the 18th century]. In *Simpozium po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy v g. Minsk. Piataia sessiia. Tezisy dokladov i soobshchenii* [Symposium on the agrarian history of Eastern Europe in Minsk. Fifth session. Abstracts of reports and messages]. Minsk.
- Gromyko, M. M. 1964. Zemledel'cheskoe osvoenie Zapadnoi Sibiri v 30-80-kh godakh XVIII v. [Agricultural development of Western Siberia in the 30s-80s of the 18th century.]. In *Simpozium po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy v g. Kishinev. Sed'maia sessiia. Tezisy dokladov i soobshchenii* [Symposium on the agrarian history of Eastern Europe in Chisinau. Seventh session. Abstracts of reports and messages]. Kishinev.
- Gromyko, M. M. 1965. *Zapadnaia Sibir' v XVIII v. Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie* [Western Siberia in the 18th century Russian population and agricultural development]. Novosibirsk.
- Gromyko, M. M. 1969. Sibirskii variant pozdnefeodal'nykh agrarnykh otnoshenii [Siberian version of late feudal agrarian relations]. In *Simpozium po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy v g. Odessa. Odinnadtsataia sessiia. Tezisy dokladov i soobshchenii* [Symposium on the agrarian history of Eastern Europe in Odessa. Eleventh session. Abstracts of reports and messages]. Odessa.
- Gromyko, M. M. 1970. Nekotorye voprosy istorii Sibirskogo krest'ianstva perioda feodalizma [Some questions of the history of the Siberian peasantry in the period of feudalism]. In *Problemy istorii sovetskogo obshchestva Sibiri / Istoriia krest'ianstva Sibiri dosovetskogo perioda* [Problems of the history of Soviet society in Siberia / History of the peasantry of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk.

- Gromyko, M. M. 1971. Obshchina v obychnom prave sibirskikh krest'ian XVIII - 70-kh godov XIX v. [Community in the common law of Siberian peasants of the 18th - 70s of the 19th century]. In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii za 1971* [Agrarian History Yearbook 1971]. Vilnius.
- Gromyko, M. M. 1972. Istochniki po sotsial'noi psikhologii russkogo krest'ianstva XVIII - pervoi poloviny XIX v. [Sources on the social psychology of the Russian peasantry in the 18th - first half of the 19th century]. In *Simpozium po aktual'nym problemam istochnikovedeniia. Materialy k obsuzhdeniiu* [Symposium on topical problems of source study. Discussion materials]. Tallin-Moscow.
- Gromyko, M. M. 1973. Sel'skaia obshchina v Sibiri. XVIII - pervaiia polovina XIX v. [Rural community in Siberia. XVIII - first half of the XIX century]. In *Bakhrushinskie chteniia 1973 g. Vypusk 2 / Voprosy istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Bakhrushin readings 1973 Issue 2 / Questions of the history of Siberia of the pre-Soviet period]. Novosibirsk.
- Gromyko, M. M. 1975. Dokhristianskie verovaniia v bytu sibirskikh krest'ian XVIII-XIX vv. [Pre-Christian beliefs in the life of Siberian peasants in the 18th - 19th centuries]. In *Iz istorii sem'i i byta sibirskikh krest'ian XVII - nachala XX vv.* [From the history of the family and life of Siberian peasants in the 17th - early 20th centuries]. Novosibirsk.
- Gromyko, M. M. 1975. Trud v predstavleniakh sibirskikh krest'ian XVIII - pervoi poloviny XIX v. [Labor in the views of Siberian peasants of the 18th - first half of the 19th centuries.]. In *Krest'ianstvo Sibiri XVIII - nachala XX vv. Klassovaia bor'ba, obshchestvennoe soznanie i kul'tura* [The peasantry of Siberia in the 18th - early 20th centuries. Class struggle, social consciousness and culture]. Novosibirsk.
- Gromyko, M. M. 1975. *Trudovye traditsii russkikh krest'ian Sibiri (XVIII - pervaiia polovina XIX v.)* [Labor traditions of the Russian peasants of Siberia (18th - first half of the 19th century)]. Novosibirsk.
- Gromyko, M. M. 1977. Territorial'naia krest'ianskaia obshchina Sibiri (30-e gg. XVII - 60-e gg. XIX v.) [Territorial peasant community of Siberia (30s of the XVII - 60s of the XIX century)]. In *Krest'ianskaia obshchina v Sibiri XVII - nachala XX vv.* [Peasant community in Siberia in the 17th - early 20th centuries]. Novosibirsk.
- Gromyko, M. M. 1993. O narodnom blagochestii u russkikh XIX v. [About popular piety among the Russians of the 19th century]. In *Pravoslavie i russkaia narodnaia kul'tura*. Bk.1. [Orthodoxy and Russian folk culture]. Moscow.
- Gromyko, M. M. 1994. Pravoslavie v zhizni russkogo krest'ianina [Orthodoxy in the life of a Russian peasant]. *Zhivaia starina* 3.
- Gromyko, M. M. 1995. Etnograficheskoe izuchenie religioznosti naroda: zametki o predmete, podkhodakh i osobennostiakh sovremennogo etapa issledovaniia [Ethnographic study of the religiosity of the people: notes on the subject, approaches and features of the current stage of research]. *Sovetskaia etnografiia* 5.
- Gromyko, M. M. 2000. Zhizneopisaniia nekanonizirovannykh podvizhnikov blagochestii XIX v. kak istoricheskii istochnik dlia izucheniia massovogo religioznogo soznaniia [Biographies of uncanonized devotees of piety in the 19th century. as a historical source for the study of mass religious consciousness]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6.
- Gromyko, M. M. 2007. *Sviatoi pravednyi Feodor Kuz'mich - Aleksandr I Blagoslovennyi. Issledovanie i materialy k zhitiuu* [Holy Righteous Theodore Kuzmich - Alexander I the Blessed. Research and materials for life]. Moscow: Palomnik.
- Gromyko, M. M. 2015. *Obrashchenie k startsam v dukhovnoi zhizni russkikh XX veka* [Addressing the Elders in the Spiritual Life of Russians of the 20th Century]. Moscow: Palomnik.
- Gromyko, M. M. 2018. *O dukhovnom vozraste uchenykh i izuchaemykh. Ocherki po materialam Rossii XIX-XXI vekov* [On the spiritual age of scientists and respondents. Essays based on materials from Russia in the XIX-XXI centuries]. Moscow: Indrik.
- Gromyko, M. M., and A. V. Bugarov. 2000. *O vozzreniakh russkogo naroda* [On the views of the Russian people]. Moscow: Palomnik.
- Gromyko, M. M., S. V. Kuznetsov, and A. V. Bugarov. 1993. Pravoslavie v russkoi narodnoi kul'ture: napravlenie issledovaniia [Orthodoxy in Russian Folk Culture: Research Direction]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6.
- Kirichenko, O. V. 2020. *Obshchie voprosy etnografii russkogo naroda* [General questions of the ethnography of the Russian people]. St. Petersburg: Aleteia.

- Kozhinov, V. V. 2011. Vadim Kozhinov o sebe [Vadim Kozhinov about himself]. In *Kozhinov V. V. Rossiia. Vek XX* [Kozhinov V.V. Russia. Century XX]. Moscow: Eksmo.
- Likhachev, D. S. 1987. Velikoe nasledie klassicheskikh proizvedenii literatury Drevnei Rusi [The great legacy of the classic works of the literature of Ancient Russia]. In *Likhachev D. S. Izbrannye raboty v 3 tomakh* [Likhachev D. S. Selected works in 3 volumes]. Vol. 2. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura.
- Litvak, B. G. 1971. O nekotorykh chertakh psikhologii russkikh krepostnykh pervoi poloviny XIX v. [On some features of the psychology of Russian serfs in the first half of the 19th century]. In *Istoriia i psikhologiya* [History and psychology]. Moscow.
- Mitrofan (Badanin), arkhimandrit. 2009. *Prepodobnyi Trifon Pechengskii. Istoricheskie materialy k napisaniiu zhitiia* [Venerable Tryphon of Pechenga. Historical materials for writing a life]. St. Petersburg-Murmansk: Ladan.
- Porshnev, B. F. 1966. *Sotsial'naia psikhologiya i istoriia* [Social psychology and history]. Moscow.
- Rybakov, B. A. 1981. *Iazychestvo drevnikh slavian* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow: Nauka.
- Rybakov, B. A. 1982. *Kievskaiia Rus' i russkie kniazhestva. XII-XIII vv.* [Kievan Rus and Russian principalities. XII-XIII centuries]. Moscow: Nauka.
- Rybakov, B. A. 1988. *Iazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow: Nauka.
- Shangina, I. I. 1997. *Russkie traditsionnye prazdniki: Putevoditel' po zalam Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia* [Russian Traditional Holidays: A Guide to the Halls of the Russian Ethnographic Museum]. St. Peterburg.
- Shangina, I. I. 2007. *Russkie devushki* [Russian girls]. St. Peterburg.

THE SCIENTIFIC WAY OF MARINA MIKHAILOVNA GROMYKO

© 2021 И. В. Поздеева
Россия, Москва

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИЗДАНИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ ПЕЧАТИ МОСКОВСКОГО ПЕЧАТНОГО ДВОРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Аннотация. В статье на основании анализа репертуара Московского Печатного двора второй половины XVII века, составленного по данным архива Приказа книгопечатного дела, показаны новые формы печатных изданий, новые задачи Государева Печатного двора и их успешное решение. В результате показано, что Московский Печатный двор в исследуемый период стал важнейшим инструментом подготовки страны и ее населения к петровским реформам, ознаменовавшим наступление в России новой эпохи.

Ключевые слова: московское книгопечатание, архив Приказа книгопечатного дела, издания для обучения вере и грамоте, новые формы изданий.

Abstract. Based on the analysis of the repertoire of the Moscow Printing House of the second half of the 17th century, compiled from the data of the archive of the Order of the Printing Industry, the article shows new forms of printed publications, new tasks of the Tsar's Printing House and their successful solution. As a result, it is shown that the Moscow Printing House during the period under study became the most important tool for preparing the country and its population for the Peter's reforms, which marked the onset of a new era in Russia.

Key words: Moscow book printing, archive of the Order of publishing business, editions for teaching faith and literacy, new forms of editions.

Поздеева Ирина Васильевна (Pozdeeva Irina Vasiljevna) - профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, vascault@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 27-34

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X | | <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК — 821.161; ББК — 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/27-34>

Прежде всего, позвольте выразить признательность организаторам этой конференции, так как считаю грустной честью и долгом принять в ней участие. Когда в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова начались работы по изучению русского старообрядчества, собиранию сохранных им древних книг и традиционной народной культуры, советы Марины Михайловны Громыко стали особенно необходимы.

Книги Марины Михайловны всегда были для нас замечательным источником как в рамках создания методики полевых работ, так и понимания их результатов, несомненно, что эти книги останутся в золотом фонде нашей научной литературы.

Работа с реальными старообрядческими общинами почти сразу позволила понять, что традиционная народная культура и вера старообрядчества основываются, прежде всего, на дониконовской московской печатной книге, которую издревле хранят и используют все старообрядческие согласия. Это, в свою очередь, заставило начать систематически изучать историю Государева Печатного двора и исторические судьбы изданных им книг – то есть их сохранившихся экземпляров.

Но когда удалось заняться исследованиями ранней русской кириллической печати как исторического источника, меня не поняли ни историки, которых тогда кириллическая печатная книга не интересовала, ни книговеды, которые публично заявили, что мой интерес к выявлению и описанию экземпляров кириллических изданий свидетельствует о непонимании задач изучения истории печати. Поддержала меня тогда только Марина Михайловна.

Поэтому я сочла возможным выступить сегодня с докладом о последних результатах работы по истории ранней кириллической печати.

В конце прошлого века была принципиально пересмотрена господствовавшая в историографии концепция, отрицавшая историческое, культурное и даже политическое значение ранней московской печати (Киселев 1960: 121-126). Эта концепция основывалась на отрицании значения богослужебных текстов и отсутствии в книге Антонины Сергеевны Зерновой (Зернова 1958), описывающей издания XVI-XVII вв. московской типографии, книг, предназначенных

для обучения. И действительно, в этой и сегодня незаменимой книге, составленной по сохранившимся изданиям, не было изданий Азбуки, а Часовники и Учебные псалтыри, которые традиционно служили учебниками грамоты и веры, в историографии в те годы учебниками не считались. Для пересмотра этой концепции было необходимо доказать всеобщее для русского общества значение богослужебной книги. Это было сделано уже в 1980-х годах (Луппов 1970: 58-60; Рогов 1979: 155-169; Демин 1978: 54-75; Поздеева 1986; Поздеева 1989: 171-177). Однако судить о деятельности Государева Печатного двора можно, только установив достаточно полный репертуар вышедших, а не только сохранившихся изданий. Это позвонил сделать Архив делопроизводственных документов Приказа книгопечатного дела, который и управлял всей деятельностью типографии.

В архиве Приказа отложились за те годы, за которые он сохранился, почти исчерпывающие сведения о деятельности Государева Печатного двора. Это расходные и приходные книги, в которых учтены все траты на то или иное издание: от дорогой привозной бумаги и киновари – до веревок для перевязки готовой продукции. Особенно важны для нашей темы записи книготорговой лавки с указаниями названий и цены продаваемых книг, имени, социального положения и места жительства покупателей. В специальных книгах зафиксирован выданный каждому сотруднику денежный оклад и стоимость определенного количества зерна. Не менее ценны копии указов об издании каждой новой книги, записи о работе сотрудников «станового дела» наймом, документы об обязанностях сотрудников типографии и иные самые разнообразные и порой неожиданные сведения (Поздеева, Пушков, Дадыкин 2001; Поздеева, Пушков, Дадыкин 2007; Поздеева, Пушков, Дадыкин 2013).

Постараюсь показать новые направления работы МПД второй половины XVII века – эпохи превращения России средневековой в Российскую империю Нового времени, когда существенно изменились и задачи типографии, и ее репертуар. Для этого пришлось прочитать шестнадцать с половиной тысяч страниц писарской скорописи различных документов Архива приказа книгопечатного дела (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I, III). Результаты этой работы были следующими: если в книге А. С. Зерновой учтено с 1652 г. до конца века 251 московское печатное

издание (только те, что вышли со станов само-го Печатного двора), то в списке, составленном по данным Архива, указаны 400 изданий этих лет. Таким образом, 149 изданий московской типографии нам были ранее неизвестны, так как экземпляры их не сохранились¹.

Прежде всего укажем, что московская типография, ставшая к середине XVII века крупной, хорошо организованной и тщательно контролируемой мануфактурой, выпустила за 48 лет до конца XVII века 52 издания восьмилитной книжечки в восьмую долю листа², которая называлась Азбука, или «Начальное учение человеком хотящим учиться книг божественного Писания», то есть это учебное пособие было рассчитано на обучение людей в любом возрасте. Азбука издавалась самыми большими тиражами, достигающими 24 тысяч экземпляров, то есть 20 тиражей по 1200 экземпляров. (С 1640-х гг. на Московском Печатном дворе был принят стандартный тираж 1200 экземпляров. Если он был недостаточен, книга выходила несколькими тиражами - «заводами».) Всего за эти годы было отпечатано более четверти миллиона первого учебника грамоты, стоившего от 1 до 2 копеек в зависимости от состава этой книжечки, которая дополнялась молитвами или поздравлениями родителей («Азбука с добавками» или «Азбука с орациями»). Еще в середине века вышел филологический сборник с Грамматикой Мелетия Смотрицкого; многократно в составе Часовников и Учебных псалтырей (Поздеева 2016: 208-231) напечатано пособие для учителей, обучающих детей грамоте и вере, которое является методическим даже с точки зрения современного образования. Оно содержит принципы, требующие от учителей знания предмета, последовательного и неспешного обучения, а также твердого усвоения учащимися каждого раздела грамматики, к тексту которой автор «Наказания» советует учителям обращаться во всех трудных случаях. Назывался этот текст «Наказание ко учителем, како им учить детей грамоте» и предлагал после прочного усвоения Азбуки учиться по Часовникам и Псалтыри.

Мы видим, что уже к 1650-м годам московский Печатный двор подготовил и опубликовал тексты, необходимые учителям. Оставалось издать достаточное количество Азбук, Часовников и Учебных псалтырей³, что и выполнила московская типография. Если в книге Зерновой учтено только тринадцать Часословов, вышед-

ших в 1652-1700 гг., то в материалах Архива названо тридцать три издания; Псалтырей учебных учтено пятнадцать, а в Архиве - тридцать два издания. В указанное время в Москве было отпечатано не менее ста двадцати изданий книг для обучения грамоте и вере - более 400 тысяч экземпляров (Поздеева 2016: 208-231). Таким образом, МПД в течение всей второй половины XVII в. считал своей задачей также издание книг для обучения и с успехом ее выполнил.

Если говорить о новом в московской печати, то прежде всего необходимо отметить: если в первой половине XVII в. издавались в основном большеформатные большого объема основные типы книг для церковного и частного богослужения, книги Писания, а также ряд текстов Предания, русских четких сборников постоянного состава и некоторые важнейшие светские тексты, такие как книга И. Я. фон Вальхаузена (Вальхаузен 1647), первый печатный сборник Российских законов - Уложение царя Алексея Михайловича, которое вышло в 1649 г. двумя изданиями, было отпечатано 2400 экземпляров ценой 1 руб. за книгу, что позволило снабдить Сводом печатных законов все административные учреждения России (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 39. Л. 665 об. - 678. Д. 42. Л. 456-457 и др.). Большинство этих изданий продолжают систематически издаваться и во второй половине века, но чаще выходят издания, рассчитанные на использование личностью или семьей; эти книги печатали малыми форматами (в восьмую долю листа), большими тиражами и дешево продавали.

О Часовниках и Псалтырях говорилось выше, а вот необходимые в каждом доме Святцы во второй половине века были напечатаны десятью изданиями, из которых сохранилось и вошло в книгу Зерновой только четыре. Святцы были напечатаны самым маленьким форматом в «шестерку», то есть в двенадцатую долю, и в «малую четверку» - в шестнадцатую долю листа. Всего в эти годы общий тираж Святцев составлял 24 000 экземпляров. Эти издания предназначались и для постоянного ношения верующим человеком, сопровождая его в дальних поездках. «Святцы с летописью», сохранившие краткие рассказы о происхождении праздников и о житиях прославленных святых, стали первой книгой по истории России и Православной церкви, доступной широкому кругу населения страны (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д.

90. Л. 338; Д. 96. Л. 101. Оп. III. Д. 109. Л. 1-2). Значение этих изданий было несомненно шире, так как в это время уже вся хозяйственная, семейная и личная жизнь была связана с церковным календарем. Кроме того, Святцы знакомили людей не только с самыми известными, но и со многими десятками русских святых, что, несомненно, вселяло гордость и надежду.

Кроме Святцев, которые хорошо были известны и ранее, появляются издания богослужбных текстов, рассчитанные непосредственно на российских верующих. Это издания молитв спальных (на сон грядущим) и утренних, тексты которых изданы в восьмую долю листа и стоили один алтын. Общий их тираж составлял 3600 экземпляров (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 74. Л. 172; Д. 75. Л. 52 об., 85-86 об. и др.).

Потребность у населения России была также в текстах заупокойных молитв, поскольку очень часто исполнить последний важнейший долг умершему мог только случившийся рядом человек. Эту потребность учитывали издания 1680 и 1689 годов Канонов за упокой души и «заупокойных канонов с помянником» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 75. Л. 166 об. - 167 об.). Особое значение для населения районов, где близко не было храма, и для тех, кто не мог присутствовать в церкви, было издание 8400 экземпляров Пасхальных канонов 1682 и 1700 гг. Их тиражи составляли 3600 и 4800 экземпляров (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 81. Л. 8-8 об., Л. 210 об. - 212 об. Оп. III. Д. 192. Л. 1-3, Д. 261. Л. 1-3). Особенно часто издавались каноны митрополиту московскому Алексею, широко почитаемому в России святому, одному из строителей Российского государства и напрямую покровителю царя Алексея Михайловича. В 1647 г. было издано 1200 экземпляров Канонов митрополиту Алексею и Михаилу Архангелу - покровителю царя Михаила Романова. Тогда же был издан второй канон митрополиту Алексею. Ему же посвящены несохранившиеся каноны в издании 1684 г. (2400 экземпляров, себестоимость - 2,5 деньги, продажная цена - 4 деньги, в переплете - 10 денег). Затем те же каноны изданы в 1689 и 1692 годах (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 39. Л. 410, Л. 486-487, Д. 58. Л. 54, 60, 318, Д. 81. Л. 97 об. - 98, Д. 83. Л. 163. Оп. III. Д. 56. Л. 1-2). Все эти издания также выходили в восьмую долю листа для личного чтения, как и Каноны самому почитаемому русскому святому - чудотворцу Сергию Радонежскому.

Отдельное издание текстов Вечерни впервые вышло в 1649 г., было повторено в 1652, 1653, 1662 годах. В 1669 г. издана книжечка «Вечерни с навечерием» также в восьмую долю листа. Восьмилистные книжечки «Ектении о победе на безбожных агарян» (8400 экз.) вышли в мае и июне 1687 г. (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 81. Л. 259-260 об., 261). Первые два издания разосланы «безденежно» по епархиям, а третья продано «разных чинов людям». Текст важнейшего молебна перед выступлением на войну или перед боем печатался в восьмую долю листа, так как этот молебен необходимо было брать с собой в поход. В 1672 и 1677 гг. было самостоятельно издано «Правило 12 псалмов» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 70. Л. 136 об., Д. 75. Л. 125-126). Очевидно, что все эти важнейшие тексты предназначались для духовной защиты грамотного и активного человека, путешествующего далеко от храма и дома.

Уже в 1640-х годах московская типография нашла новую форму изданий, также рассчитанных на широкие круги населения. Это издания «на листу». Они имели форму современных плакатов, печатались на одной стороне целого листа или нескольких листов бумаги и предназначались для расклеивания на стенах храмов или иных общественных учреждений. С текстами таких листов могли знакомиться, возможно, сотни людей. Первое известное нам издание, вышедшее в 1647 г., за несколько лет до церковных реформ патриарха Никона, в делах Архива называется «Листы о поклонах» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 39. Л. 486-487). Время этого издания вызывает вопросы. Несомненно только одно: уже в это время в обществе необходимость земных поклонов во время великопостной молитвы Ефрема Сирина вызывала какие-то споры; поскольку запрещение «метаний» объявлено только в 1653 г., очевидно, первые листы «о поклонах» могли содержать именно утверждение их необходимости. Затем Листы о поклонах были отпечатаны 3 апреля 1657 г. В этот раз они были посвящены запрету и замене метаний, что долго воспринималось в народе глубоко отрицательно. Поэтому «Листы о поклонах» совсем не раскупались. В 1683 г. как «старая бумага» переданы на нужды типографии 2000 листов «указов о поклонах» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 57. Л. 328-332; Д. 66. Л. 15 об.; Оп. III. Д. 31. Л. 1), что доказывает приверженность москвичей старым традициям даже через 30 лет после церковных реформ.

Отношение людей к таким листам показала история анонимной анафемы – самого страшного и неизменяемого церковного наказания, – вынесенной неизвестному лицу, в самом центре государства Российского, на стене Чудова кремлевского монастыря замазанному дегтем Лист о поклонах.

Один из вопросов догматического характера, решенный патриархом Никоном исправлением текста Символа веры, представляющего собой чуть ли не самый важный текст православного богослужения, самостоятельно издавался под названием «Символы, рекше исповедание и о вере и о богословии» (тираж 1200 экз., себестоимость – 2 деньги, цена – 1 алтын) до патриаршества Никона в 1646 и 1648 годах; это снова показывает, что проблемы, лежавшие в основе церковных реформ, были осмыслены русским обществом задолго до самих реформ (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 42. Л. 187. Д. 44. Л. 38-38 об.).

Для издания листов-плакатов выбирались самые важные тексты, необходимые, фактически, всем верующим. На первом месте и здесь оказываются Святцы «на листу», первое издание которых вышло в 1662 г. (1200 экз.), следующее – 1668 г. (2400 экз.). В 1679 г. «Святцы на листу» вышли в количестве 7200 экземпляров (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 61. Л. 169 об. Д. 58. Л. 216; Д. 64. Л. 225 об.; Д. 69. Л. 81 об.; Д. 99. Л. 100 об.). Издание Святцев в виде листов имело большое значение, так как теперь точное знание календаря, диктовавшего жизнь личности, семьи и государства, многие могли получить бесплатно, познакомившись со Святцами на стене своего храма или приказной избы.

Еще одно издание в виде плаката называлось в документах Приказа книгопечатного дела «Лествица на листу». Первое издание вышло в 1655 г. (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 57. Л. 34-35). Это издание, очевидно, отлично раскупалось, даже по цене в четыре раза выше себестоимости. Второе издание вышло в 1668 г. На листе, очевидно, было знакомое по изданию книги Лествица 1647 г. изображение (гравюра) лестницы духовного самоусовершенствования души, поднимающейся на небеса. Очевидно, то же изображение и тот же смысл был у этого издания на листу. Цена этих листов равна их себестоимости, так как в июне 1668 г. вышел указ, требующий книги на Печатном дворе продавать без наценки, поэто-

му листы Лествицы продавали по две деньги (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 66. Л. 15 об.).

В 1663 г. было напечатано первое издание, о котором в Архиве говорилось «13 марта 7171 г. нового заводу мелкой азбуки (специально изготовлена для набора первого московского издания Библии 1663 г.) наборщик старец Иона взял бумагу к “часом что на кругах” (или “указные часы на листах”) на три клади», то есть на 3600 экземпляров (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 58. Л. 215 об.; Д. 63. Л. 250-251).

Следующее известное нам издание «часов» вышло в марте 1687 г. в количестве 4800 экземпляров. Для него вновь был сделан образец. Название этих листов полностью раскрывает их содержание и функцию. Велено сделать «кругов месечных когождо месеца и в кии день часы дневняя и ношняя прибывают и убывают, под ними же рождение и ущербы луны». Тираж этого издания был 4800 экземпляров (РГАДА. Оп. I. Д. 81. Л. 248 об. – 250).

Подлинный лист такого издания обнаружил О. Р. Хромов, который совместно с Р. А. Симоновым его и опубликовал (*Хромов, Симонов 2006*). Авторы считают, что «часы на кругах» были напечатаны для настройки башенных часов, которых, как известно, даже в конце XVII в. в России было немного. Листы «часов на кругах» несомненно использовали и часовщики, но они были необходимы в каждом русском храме, так как позволяли точно и соответственно требованиям устава начинать церковные службы. До этого в большинстве церквей службы начинались «по заходу солнца мало» или «како идти вечеряти».

Кроме изданий, ориентированных на потребности верующего русского человека в богослужбных текстах, на Печатном дворе во второй половине XVII в. больше издавалось учительных книг. Это было необходимо и в результате расширения и углубления богословских интересов, и в результате постоянной полемики Патриаршей церкви с противниками церковных реформ, в связи с наступлением католицизма и реформационных конфессий. Этим объясняется давно и остро необходимое издание полной Библии, переиздания сборников, Учительного и Толкового евангелия Феофилакты Болгарского, Маргарита и других; были напечатаны новые издания Иоанна Златоуста, в том числе актуальная книга «О священстве». Кроме того, во

второй половине века московская типография напечатала шесть изданий годового Пролога, ставшего с этого времени излюбленным чтением русского народа.

Были предприняты и еще два издания, рассчитанные на интерес многочисленных верующих. В 1659 г. вышло напечатанное мелкой азбукой в восьмую долю листа Житие Алексея человека Божия (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 58. Л. 220) – одного из самых популярных в народе святых, духовные стихи о котором «Во граде Рыме...» исполняются и сегодня в старообрядческих общинах по всей России. Издание Жития Алексея человека Божия было отпечатано задолго до самостоятельного издания Службы этому святому в 1674 г. Судя по данным Архива, Шестоднев, или Беседы на Шестоднев Василия Великого, по указу от ноября 1663 г., был напечатан самостоятельно отдельно от так называемой книги «Григория Назианзина» (Сборник переводов Епифания Славинецкого), в которую также входил (РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 58. Л. 217; Д. 64. Л. 206).

Материалы архива Приказа книгопечатного дела и изучение многих сотен экземпляров московских печатных книг XVII в. позволили опровергнуть и еще одну распространенную в историографии теорию о том, что книги, изданные в Москве, не расходились по регионам России и не были достаточно популярны. Удалось доказать, что уже на рубеже первой

и второй трети XVII в. книги московской печати доставлялись даже в самые дальние регионы России и активно использовались. Таким образом, реальную деятельность и значение московской печати второй половины XVII в. можно адекватно оценить только в результате анализа достаточно полного ее репертуара и истории распространения. Необходимо также отметить, что многие из указанных выше печатных текстов ненавязчиво, но вполне успешно воспитывали в обществе глубокие патриотические чувства.

Тот же Архив Приказа книгопечатного дела позволил дополнить книгу А. С. Зерновой только для периода второй половины века 149 неизвестными ранее изданиями как основных типов богослужебных и учительных книг, так и новыми по своему предназначению и форме изданиями, рассчитанными на воспитание глубоко верующих, грамотных и активных жителей Российского государства новой эпохи, как их показала для нового периода истории России в своих книгах незабвенная Марина Михайловна Громыко.

Книгопечатание Москвы в период, когда складывался национальный характер и менталитет, стало важнейшим постоянным орудием христианского, культурного и политического развития русского общества, а также и достаточно точным отражением, свидетельствующим о его самоидентификации.

Примечания

¹ Полный список выявленных изданий еще не опубликован.

² То есть Азбука печаталась всего на одном листе бумаги.

³ На Печатном дворе Псалтырь, которую называют «Малой» или «Келейной», всегда называлась Учебной. Об учебной функции Часовника говорится в его Послесловии.

Источники и материалы

Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1182. Оп. I. Д. 39. Л. 665 об. – 678. Д. 42. Л. 456–457 и др.

РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 90. Л. 338; Д. 96. Л. 101. Оп. III. Д. 109. Л. 1–2.

РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 74. Л. 172; Д. 75. Л. 52 об., 85–86 об. и др.

РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 75. Л. 166 об. – 167 об.

РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 81. Л. 8–8 об., Л. 210 об. – 212 об. Оп. III. Д. 192. Л. 1–3, Д. 261. Л. 1–3.

РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 39. Л. 410, Л. 486–487, Д. 58. Л. 54, 60, 318, Д. 81. Л. 97 об. – 98, Д. 83. Л. 163. Оп. III. Д. 56. Л. 1–2.

РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 81. Л. 259–260 об., 261.

- РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 70. Л. 136 об., Д. 75. Л. 125-126.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 39. Л. 486-487.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 57. Л. 328-332; Д. 66. Л. 15 об.; Оп. III. Д. 31. Л.1.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 42. Л. 187. Д. 44. Л. 38-38 об.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 61. Л. 169 об. Д. 58. Л. 216; Д. 64. Л. 225 об.; Д. 69. Л. 81 об.; Д. 99. Л. 100 об.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 57. Л. 34-35.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 66. Л.15 об.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 58. Л. 215 об.; Д. 63. Л. 250-251.
РГАДА. Оп. I. Д. 81. Л. 248 об. - 250.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 58. Л. 220.
РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 58. Л. 217; Д. 64. Л. 206.

Научная литература

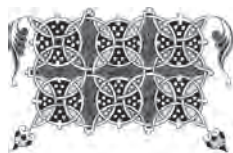
- Вальхаузен Иоганн Якоби фон.* Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.
Демин А. С. Первое издание Пролога и культурные потребности русского общества в 1630-40-х гг. // Литературный сборник XVII века «Пролог». М., 1978.
Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.
Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга. Исследования и материалы. М., 1960.
Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970.
Поздеева И. В. Издания московского печатного двора для обучения вере и грамоте. 1652-1700 гг. // Человек. Книга. История. М., 2016.
Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор - факт и фактор русской культуры: 1652-1700 годы. Кн. I. М., 2007.
Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор - факт и фактор русской культуры: 1652-1700 годы. Кн. 2. М., 2013.
Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор - факт и фактор русской культуры. 1618-1652 гг. М., 2001.
Поздеева И. В. Издание и распространение учебной литературы в XVII веке: Московский печатный двор // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. М., 1989.
Поздеева И. В. Новые материалы для описания Московского печатного двора первой половины XVII в.: Методические рекомендации. М., 1986.
Рогов А. Н. Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М., 1979.
Хромов О. Р., Симонов Р. А. «Часы на кругах» - первое точно датированное 1663 г. Листовое московское издание // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25).

References

- Demin, A. S. 1978. Pervoe izdanie Prologa i kul'turnye potrebnosti russkogo obshchestva v 1630-40-kh gg. [The first edition of the Prologue and the cultural needs of Russian society in the 1630s - 40s]. In *Literaturnyi sbornik XVII veka «Prolog»* [Literary collection of the 17th century «Prologue»]. Moscow.
Khromov, O. R., and R. A. Simonov. 2006. «Chasy na krugakh» - pervoe tochno datirovannoe 1663 g. Listovoe moskovskoe izdanie [«Clocks on Circles» - the first accurately dated 1663. Sheet Moscow edition]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 3 (25).
Kiselev, N. P. 1960. O moskovskom knigopечатanii XVII v. [About Moscow printing of the 17th century]. In *Kniga. Issledovaniia i materialy* [Book. Research and materials]. Moscow.
Lupov, S. P. 1970. *Kniga v Rossii v XVII v.* [Book in Russia in the 17th century]. Leningrad.
Pozdeeva, I. V. 1986. *Novye materialy dlia opisaniia Moskovskogo pechatnogo dvora pervoi poloviny XVII v.: Metodicheskie rekomendatsii* [New materials for describing the Moscow Printing House in the first half of the 17th century: Methodical recommendations]. Moscow.
Pozdeeva, I. V. 1989. Izdanie i rasprostranenie uchebnoi literatury v XVII veke: Moskovskii pechatnyi dvor [Publication and distribution of educational literature in the 17th century: Moscow Printing House]. In *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR* [Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR]. Moscow.

- Pozdeeva, I. V. 2016. Izdaniia moskovskogo pechatnogo dvora dlia obucheniia vere i gramote. 1652-1700 gg. [Publications of the Moscow Printing House for teaching faith and literacy]. In *Chelovek. Kniga. Istoriia* [Human. Book. History]. Moscow.
- Pozdeeva, I. V., V. P. Pushkov, and A. V. Dadykin. 2001. *Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury. 1618–1652 gg.* [The Moscow Printing House is a fact and factor of Russian culture. 1618-1652 years]. Moscow.
- Pozdeeva, I. V., V. P. Pushkov, and A. V. Dadykin. 2007. *Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury: 1652–1700 gody* [Moscow Printing House - Fact and Factor of Russian Culture: 1652-1700 years]. Bk. I. Moscow.
- Pozdeeva, I. V., V. P. Pushkov, and A. V. Dadykin. 2013. *Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury: 1652–1700 gody* [Moscow Printing House - Fact and Factor of Russian Culture: 1652-1700 years]. Bk. 2. Moscow.
- Rogov, A. N. 1979. Knigopechatanie [Typography]. In *Ocherki russkoi kul'tury XVII v.* [Essays on Russian culture of the 17th century]. Pt. 2. Moscow.
- Val'khauzen, Iogann Iakobi fon. 1647. *Uchenie i khitrost' ratnogo stroeniia pekhotnykh liudei* [The doctrine and cunning of the military structure of the infantry people]. Moscow.
- Zernova, A. S. 1958. *Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog* [Books of the Cyril print, published in Moscow in the 16th - 17th centuries. Consolidated catalog]. Moscow.

UNKNOWN PUBLICATIONS AND NEW PRINTING FORMS OF THE MOSCOW PRINTING HOUSE IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

ЛЕТОПИСЕЦ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕРКОВНОГО СОБОРА 1917–1918 гг.

Аннотация. Статья посвящена истории жизни и деятельности Вячеслава Васильевича Богдановича (1878-1939/1940) – выдающегося православного публициста, политика, педагога, организатора в межвоенной Польше особого «патриаршего прихода» – верного патриарху Тихону. Избранный от мирян Литовской епархии в состав членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг., он стал подлинным его летописцем, составителем весьма значимых воспоминаний о нем, а также создателем графической галереи портретов членов Собора, включая самого себя. Как один из признанных лидеров белорусского национального движения во II Речи Посполитой В. В. Богданович, дважды избиравшийся в польский Сенат, многое сделал для защиты религиозных начал своего народа, а также всех православных в межвоенной Польше.

Ключевые слова: Православие, Всероссийский церковный собор 1917-1918 гг., белорусское национальное движение, II Речь Посполитая, Вячеслав Васильевич Богданович.

Abstract. The article is devoted to the history of the life and work of Vyacheslav Vasilyevich Bogdanovich (1878-1939/1940) – an outstanding Orthodox publicist, politician, teacher, organizer in inter-war Poland of a special «patriarchal parish» – loyal to Patriarch Tikhon. Elected from the laity of the Lithuanian diocese as a member of the Holy Council of the Orthodox Russian Church in 1917-1918, he became its original chronicler, the compiler of very significant memories of it, as well as the creator of a graphic gallery of portraits of members of the Council, including himself. As one of the recognized leaders of the Belarusian national movement in the second Polish-Lithuanian Commonwealth, V. V. Bogdanovich, who was twice elected to the Polish Senate, did much to protect the religious principles of his people, as well as all Orthodox Christians in interwar Poland.

Key words: Orthodoxy, All-Russian Church Council 1917-1918, Belarusian national movement, II Polish-Lithuanian Commonwealth, Vyacheslav Vasilyevich Bogdanovich.

Лабынцев Юрий Андреевич (Labyntsev Jurij Andreevich) – ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор филологических наук, jlabync@mail.ru

Щавинская Лариса Леонидовна (Shchavinskaja Larisa Leonidovna) – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат филологических наук, доцент, shchawin@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 35-51

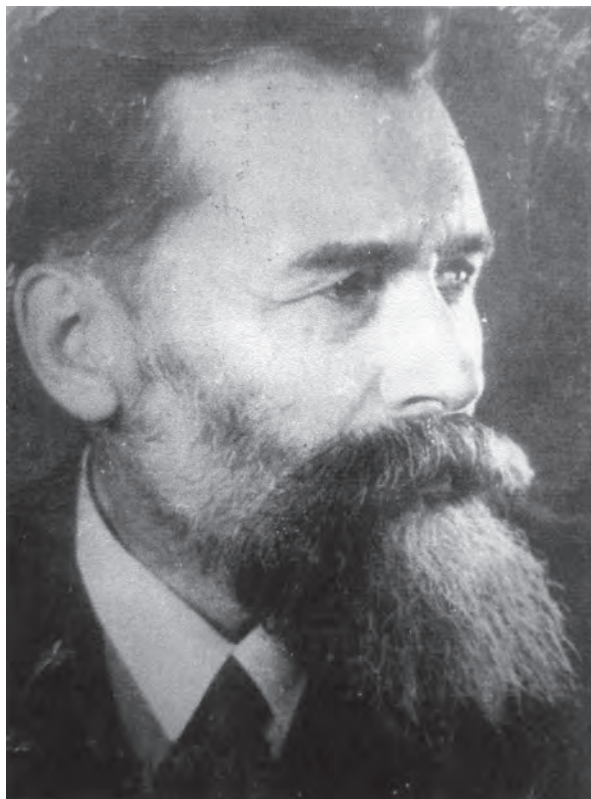
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК 93/94+21/29; ББК 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/35-51>

Среди участников Священного Собора Православной Российской Церкви, открывавшегося летом 1917 г. в Московском Кремле, священства и мирян, Вячеслав Васильевич Богданович более всех немногих иных полноправно может быть назван его летописцем. Он не только вел свой собственный дневник хода заседаний, продолжавшихся в течение целого года, но и позднее на основе этой личной соборной хроники написал воспоминания о Собо-ре, имеющие большое научно-познавательное значение. Ему же мы обязаны составлением целой портретной галереи членов Собора, которых он рисовал в течение нескольких месяцев, в том числе и самого себя. Этот важнейший и совершенно уникальный факт в силу малой изученности истории Собора получал вплоть до начала 2000-х гг. ошибочное освещение с приписыванием рисованных портретов «членов Священного Собора» некоему «В. Е. Богдановичу» («Богданович Владимир Евгеньевич, художник», означенному в воспроизведенной в 2000 г. галерее под № 63 (Деяния Священного Собора 2000: 246, 280)¹.

В течение многих лет в различных странах, в том числе и экспедиционным путем, мы собирали материалы о жизни и активной православной деятельности В. В. Богдановича (*Лабынцев* 1997а: 39-49; *Лабынцев* 1997б: 259-275; *Лабынцев* 2001: 88-100; *Лабынцев, Щавинская* 2003: 160-174; *Лабынцев, Щавинская* 2006: 115-133; *Лабынцев, Щавинская* 2007: 202-207), интерес к судьбе которого не ослабевает не только в России, но прежде всего среди исследователей современной Литвы (*Арефьева, Шлевис* 2008: 250-251), Польши (*Kozłowska-Głogowska* 2001: 30), Украины (*Стародуб* 2015: 369-375) и Белоруссии (*Багдановіч* 2019).

В. В. Богданович родился в 1878 г. в семье православного священника села Слобода-Дисна, что на границе двух губерний - Витебской и Виленской (*Довгялло* 1903: 43; *Список населенных мест* 1906: LXXX; *Posłowie i senatorowie* 1998: 179-180). После обучения в Полоцком духовном училище и Витебской духовной семинарии в 1899 г. он поступает в Киевскую духовную академию, после окончания которой в 1903 г. получает диплом кандидата богословия (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины; *Ульяновский* 2014: 138-139). Первая публикация Богдановича появилась еще в годы его учебы в Киевской духовной академии (*Бог-*

Вячеслав Васильевич Богданович
(фото конца 1930-х гг.)

данович 1904: 95-121). В 1903 г. он назначается на должность преподавателя церковной и библейской истории в Витебской духовной семинарии, а в 1907 г. на должность инспектора Литовской духовной семинарии в Вильне. Богданович увлекается литературными занятиями, здесь же позднее знакомится с белорусским национальным движением и принимает в нем участие. В этот период он активно занимается общественной деятельностью, является членом Литовского епархиального училищного совета, в 1908 г. становится членом Виленского Свято-Духова братства, в работе которого принимает самое живое участие. В марте 1909 г. на очередном заседании его избирают казначеем братства, выдвигают в члены Комиссии по выработке инструкции для организуемого Епархиального древлехранилища, которое предполагалось разместить в помещении Свято-Троицкого монастыря (Вестник 1909).

После начала Первой мировой войны в 1915 г. вместе с семинарией семья Богдановича была эвакуирована в Рязань. В период пребывания в эвакуации Богданович избирается от православных мирян Литовской епархии в

Автопортрет, нарисованный В. В. Богдановичем
4 мая 1918 г. в период работы Всероссийского
церковного собора

члены Всероссийского Поместного собора, который состоялся в Москве в 1917-1918 гг. Собор виделся Богдановичу событием огромной важности не только в жизни Российской, но и всех православных церквей. Принципиальное значение его решения имели и для православной церковной жизни в границах новой Польши. Богданович всегда твердо выступал за соблюдение каноничности всех принимаемых решений и событий в жизни польской православной церкви. О Соборе им было написано несколько специальных статей, воспоминания и опубликован дневник участника Собора (*Богданович 1927-1928; Богданович 1930а; Богданович 1930б*). Богданович деятельно принимал участие в выработке процедуры избрания патриарха, когда, после недолгих прений, был принят, с учетом его поправки, проект порядка выборов патриарха - было постановлено сначала наметить кандидатов, а затем из них постепенным голосованием выбрать трех лиц, из которых окончательное избрание одного лица будет произведено жребием (*Богданович 1927а: 10*). С избранным патриархом Тихоном в дальнейшем Богданович поддерживал самые

тесные отношения, отмечая, что «это был патриарх *избранный* - избранный на Большом соборе, где были представители православных епархий, начиная от Камчатки и кончая Западно-американскими штатами». В те дни «господства политики и политической разногласицы еще нельзя было с полной ясностью представить себе тот огромный подвиг христианской любви, который понес на своих плечах патриарх во время государственной и церковной разлуки в России» (*Богданович 1928а: 2*).

Виленская православная семинария, которая до войны называлась Литовской духовной семинарией, поскольку была одна на целых три губернии, из эвакуации возвращается в Вильно уже после «большевицкой революции». Причем, из числа предвоенной администрации и преподавателей в Вильню вернулись только трое: инспектор семинарии Богданович и двое преподавателей. Уже осенью 1919 г. возобновляются занятия в семинарии, где Богданович работал в должности исполняющего обязанности ректора Виленской православной семинарии (*Гиндренас 2020: 121-139*). В программу обучения семинарии его стараниями были включены изучение польского языка (с 3 класса) и белорусского языка во всех классах, на который предполагалось постепенно перевести и само преподавание предметов. Первое время после возвращения из эвакуации польское правительство относилось довольно благосклонно к семинарии, оно даже оказывало семинарии некоторую финансовую помощь, что позволило ее администрации брать минимальную плату за обучение и подготовить общежитие. Во внутреннюю жизнь семинарии власти тогда не вмешивались, программы наук оставались те же, с теми только изменениями, которые требовала жизнь (*Васілевіч 1927а: 9*).

Но уже осенью 1922 г. в жизни семинарии произошли большие перемены, когда «по просьбе митр. Георгия с Синодом арестовали и вывезли в Варшаву, а оттуда в Краков архиепископ. Елевферия... и главу семинарии В. Богдановича», которого там выпустили на волю. Митрополит Георгий взял под свою власть и Виленскую епархию и семинарию, при этом епархиальный совет был преобразован в Консисторию, а во главе семинарии был поставлен архимандрит Филипп, который впоследствии принял унию. С этого дня семинария по положению стала государственной, и отныне в ней начали вводить различные реформы (*Васілевіч*

1927а: 10). А уже 20 октября 1922 г. Богдановичу, ответственному редактору «Литовских епархиальных ведомостей», издававшихся по его инициативе Литовским Епархиальным Советом в 1921-1922 гг., из создаваемой Виленской Духовной Консistorии было направлено следующее сообщение: «Гражданину В. Богдановичу. Ввиду того, что по определению Виленской Духовной Консistorии издание Литовских Епархиальных Ведомостей прекращено, Консistorия уведомляет Вас, что Вы освобождаетесь от занимаемой Вами должности редактора Литовских Епархиальных Ведомостей, последующий номер которых предназначен Вами к выпуску, в данное время приостановлен» (*Lietuvos centrinis valstybinis istorijos archyvas*, f. 605. № 1433. L. 1).

5 ноября 1922 г. должны были состояться выборы в парламент Речи Посполитой, в который от Виленщины от блока национальных меньшинств баллотировался всем хорошо известный здесь Богданович. Предложение объединиться национальным меньшинствам перед выборами принадлежало русскому депутату Н. С. Серебряникову, но именно Богданович был одним из первых, кому пришла в голову мысль о создании блока национальных меньшинств. В результате он победил на выборах, стал «первым белорусским сенатором» в Сенате Польской республики. Сразу после выборов, собравшись здесь же в Вильне, избранные белорусские деятели образовали «Белорусский Посольский клуб» (*Багдановіч* 1928б: 4), в котором Богданович возглавил церковно-религиозную комиссию. Одной из основных задач этой комиссии он видел борьбу за внутреннюю свободу церкви, за то, чтобы церковь была независимой от государственной власти, чтобы она была исключительно духовным институтом. И Богдановичу действительно удалось возглавить довольно внушительную белорусскую парламентскую коалицию, реализовывавшую его планы, причем «эти церковные дела искренне защищали в Сейме послы не только православные, а так же и католики» (*Багдановіч* 1928в: 11-12).

Парламентский голос белорусского сенатора II Речи Посполитой Богдановича звучал очень громко. Его необычайно сильные речи в Сенате в защиту православной церкви сделали его имя известным среди православных не только в Польше, но и по всему миру (*Сябра* 1928: 10). Тексты выступлений сенатора Бог-

дановича широко расходились не только во II Речи Посполитой, но и далеко за ее пределами. Они неоднократно публиковались и активно обсуждались в разных средствах массовой информации. Так, например, его выступление в Сенате 23 июля 1924 г., опубликованное на страницах белорусской виленской газеты «Сын беларуса»² (Прамова сэнатара В. Багдановіча 1924: 1-4), вызвало дискуссию и на страницах парижской эмигрантской газеты «Возрождение»³ (Речь сенатора В. В. Богдановича 1925а: 2)⁴. В своем выступлении Богданович отмечал, что бюджет римско-католического исповедания в 67 раз больше бюджета православного исповедания в то время, как цифровые соотношения этого населения выражаются, как 1 к 3, и это лучше всяких слов говорит о том, что в Польше ни о каком равноправии религий не может быть и речи. Правительственной опекой пользуется только одно исповедание – римско-католическое, а все остальные только «терпятся». Что же касается православия, то правительство терпит его, как зло, которое постепенно уничтожается. Такое отношение власти к православному вероисповеданию, по мнению Богдановича, является просто враждебным. Министерство постепенно и неуклонно всеми способами стремится к ослаблению православия. О степени актуальности проблем, озвученных белорусским сенатором в этом своем выступлении, может говорить простое перечисление поднимаемых им вопросов, среди которых такие, например, как: «Костел и Церковь в бюджете», «Враждебное отношение к православию», «Способы борьбы с православием», «Как происходит отъем церквей», «Явное беззаконие!», «Обещания власти не выполнены», «Лишение церкви имущества», «Ограничение прав православных», «Православных не берут на службу», «Преподавание религии в школах», «Воспитание духовенства», «Внутреннее притеснение», «Неканоничная церковная власть», «Преследование епископов», «"Чистка" приходов», «Борьба с соборностью», «Самоуправство министерства» (Прамова сэнатара В. Багдановіча 1924: 1-4).

Богданович всегда принимал самое деятельное участие в различных белорусских культурно-общественных мероприятиях. В 1924 г. на Общем собрании Товарищества белорусского языка принимается решение о празднования 400-летнего юбилея белорусского книгопечатания в Вильне, который при-

ходил на 1925 г., и в рамках подготовки к юбилею создается специальная «Скорининская комиссия», которую возглавил председатель – директор Виленской белорусской гимназии Р. К. Островский, а вице-председателем стал сенатор Богданович (Скарынінская камісія 1924: 4). Он избирается членом Белорусского национального комитета, активно участвует в работе Белорусского Института хозяйства и культуры: «На последнем заседании Рады Т-ва Белорусского Института хозяйства и культуры среди прочих дел был рассмотрен вопрос изменения статута. Постановлено... увеличить число членов до 7 особ. Новоизбранное центральное руководство Института состоит из следующих особ: гр. А. Бильдзюкевич, гр. А. Бабянский, сен. В. Богданович, кс. пас. А. Станкевич, сен. А. Назаревский, гр. Э. Будзька и гр. С. Свистун» (3 паседжаньня 1927: 3).

Одной из центральных тем в литературном творчестве Богдановича стала судьба общеправославного духовного наследия в новой Польше. Она теснейшим образом связывалась им с вопросом об автокефалии и решениями Московского Церковного Собора 1917-1918 гг. Богданович выступал против полного отделения Православной церкви в Польше от Церкви Матери, став инициатором внутрицерковного сопротивления подобным устремлениям, оказался в числе организаторов приходской церковной жизни в Польше, получившей название «старой церкви», т.е. верной патриарху Тихону. При этом следует отметить, что Богданович не был категоричным противником автокефалии как таковой, он выражал резкий протест не против собственно автокефалии, а против той, что была проведена в Польше и которая совсем неканонична ни по своему устройству, ни способу ее проведения – с целым рядом насильий, принуждений, даже фальсификаций документов, которые должны были лечь в основу канонического существования Польской церкви (Рэдакцыя 1927: 10). Он утверждал, что главным условием восстановления церковной жизни прежде всего должна быть ее каноничность с церковно-православной стороны. По его мнению, нужно, чтобы весь православный народ вместе со своим духовенством выступил за эту автономность, автокефалию. При этом должна быть уверенность в том, что эта православная церковь будет иметь такие же права в государстве, как католическая и другие. Но положение православной церкви свидетельствовало тогда совершенно об обратном, когда у

православных отбирались церкви, совершались надругательства над православными святынями, а те святыни, которые почитаются и в католической церкви, отбирались; изгоняли из своих домов духовенство с детьми, отбирали у них землю и т.д. (Багдановіч 1921: 2).

Непримиримость Богдановича в вопросе об автокефалии Православной церкви в Польше стала причиной гонений на него и его сподвижников со стороны высшей иерархии в лице самого митрополита Дионисия. Позднее он даже был «официально отлучен от Польской православной церкви за свое отношение против этой Церкви и непризнание автокефалии» (Prawaślawnąja Biełaruś 1927: 1), хотя он вовсе не принадлежал к новой автокефальной Польской православной церкви, всецело оставаясь в лоне Русской православной церкви. Отвечая на обвинения в «русофильстве» и «большевизме» в связи с использованием при богослужении в православной церкви церковнославянско-

Заглавная страница журнала «Литовские епархиальные ведомости», издававшегося

В. В. Богдановичем в 1921–1922 гг.

Члены Белорусского посольского клуба (фото 1923 г., В. В. Богданович крайний слева во втором ряду)

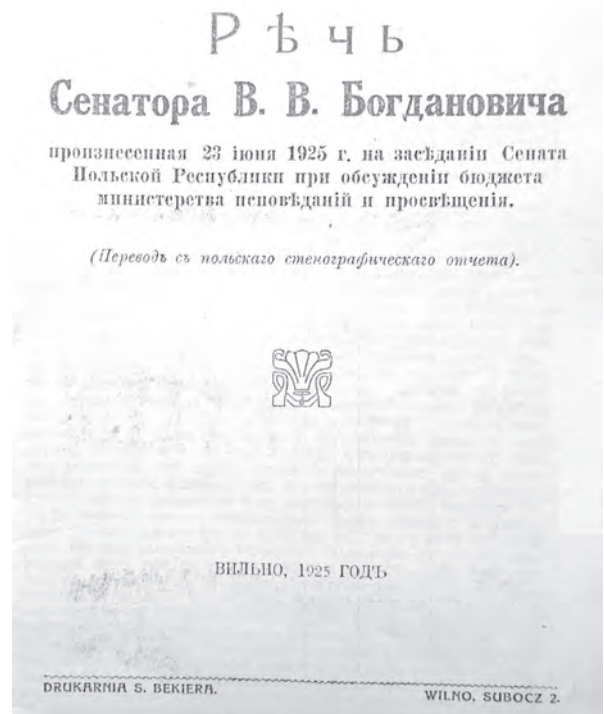
го языка, Богданович констатировал, что для белорусов церковнославянский язык является исторической основой белорусской культуры, а как раз борьба с церковнославянским языком и является одним из большевистских лозунгов. Именно отсюда эта борьба с церковнославянским языком перекинулась и в Польшу, в Западную Украину. «Наконец... мы не признаем польской автокефалии и решительно стоим за тесную связь с церковью Московской (верней – Всероссийской) ... в тесной связи с Московской Церковью стоят во многих краях, и в ближних (напр. Литва, Латвия, Германия), и в далеких (Америка, Франция, Япония), и ни одно из этих государств не обвиняет своих православных граждан в большевизме и не преследует православного духовенства, только ... Польша». По поводу своего отлучения от автокефальной Польской православной церкви, Богданович замечает, что отлучать и лишать сана «не могли нас те, кто не имел на это права, ведь мы никогда не принадлежали к “Автокефальной Польской Церкви” и не были подчинены ей, а действительное наше духовное начальство

(патриарх Тихон) за верность канонам прислал нам свое благословение ... мы не отлучились от “Московской” (“Всероссийской”) Церкви, как не отлучились православные и других стран, то безусловно мы здесь представляем эту церковь. Сейчас на всей территории Польши остался наш только один такой приход» (Рэдакцыя 1927: 10).

Богданович был весьма деятельным исполнителем, воплощением своих идей в жизнь, показавшим себя и умелым политиком, сумевшим сплотить вокруг себя однодумцев, организатором особой православной партии и даже объединения ряда православных групп политического характера, наиболее ярким свидетельством чего служит составленный им «Мемориал членов объединенной церковной комиссии из представителей Белорусского Национального комитета и российского народного объединения в Вильне» (Мэморьял 1927а: 9-10; Мэморьял 1927б: 5-6). Этот мемориал весьма жестко расставлял акценты в отношении автокефалии Православной церкви в Польше и ее

внутреннего устройства: «1. Народ православный считает необходимым скорейший созыв Всепопольского православного собора на основании Устава, выработанного на Всероссийском Соборе в Москве в 1917-18 гг. 2. Народ православный не будет враждебно относиться к автокефалии Православной Церкви в Польше, если только она будет основана на церковных канонах и признана на вышеуказанном соборе (всепольском). 3. Тот самый собор должен выработать будущий внутренний строй православной церкви, а также и на основе взаимопонимания с государством определить отношения между церковью и государством... 6. Народ православный в Польше признает принципиально невмешательство государства во внутренние дела церкви, ни церкви во внутренние дела государства на основаниях, указанных в Конституции Польской Республики ... 8. Духовная семинария и готовившие к поступлению в нее школы должны управляться церковью. 9. Правительство должно как можно скорее, еще перед созывом собора, разрешить открытие и деятельность братств, возрождение приходских советов и созыва полных епархиальных собраний (съездов) согласно постановлениям московского церковного собора» (Мэморьял 1927б: 6).

Со всем этим государственные власти Польши согласиться, конечно же, не могли, тем более что сенатор Богданович давно и весьма настойчиво на самом высоком уровне пытался решить жгучие вопросы церковного бытия, бесстрашно и весьма умело критикуя правительство, в том числе и по вопросу об автокефалии. Богданович отмечал, что правительство, работая совместно с официальной иерархией, очень поспешно разрешило этот вопрос без всякого участия клира и церковного народа. «Не решаясь судить о том, какое постановление по этому делу принял бы церковный народ, вся церковь, если бы ей была дана возможность выразить свое мнение путем каноническим, т.е. на соборе, я категорически утверждаю, что разрешение этого вопроса правительством и иерархией без клира и народа не может иметь ни канонического значения, ни жизненной крепости. Многочисленные аналогичные опыты в истории Литвы и Польши ясно говорят об этом. Не укрепляет этого дела и участие в нем Константинопольского патриарха, который ни фактически, ни юридически не является главою православной церкви в Польше. Наоборот, его участие компрометирует это дело, в виду обна-

Обложка брошюры «Речь Сенатора В. В. Богдановича» (Вильно, 1925)

руженных близких сношений его с неканонической «живой церковью» в Советской России» (Речь Сенатора В. В. Богдановича 1925б: 7).

В 1930 г. по поводу предполагавшегося проведения всепопольского православного собора разгорелись жаркие дискуссии, в том числе и за рубежом. Так, парижская газета «Возрождение» отмечала, что предстоящий собор будет не только православным собором в современной Польше, но и собором, от которого, по всей видимости, будет зависеть быть или не быть единой православной церкви. «В последнее время состоялось свидание между представителем Синода, архиепископом Алексеем... и сенатором В. В. Богдановичем, имя которого известно далеко за пределами Польши, как имя честного и непреклонного православного деятеля... Напомним, что В. В. Богданович был в свое время отлучен синодом православной церкви в Польше за отказ признать автокефалию - это напоминание пояснит, почему встреча сенатора Богдановича с представителем синода считается крупным событием церковной жизни». В парижской статье говорится

Титульный лист «Виленского православного календаря на 1927 год», изданного «группой православных под общей редакцией В. В. Богдановича» (Вильна, 1927)

о польской печати, отметившей отрицательное отношение Богдановича к существующей иерархии и к автокефалии, который заявлял, что сможет принять участие в работах собора лишь с благословения живущего ныне в Ковно архиепископа Елевферия, которого Богданович продолжает считать виленским каноническим епархиальным владыкой. В статье подчеркивалось, что пользующийся широкими симпатиями и уважением сенатор представляет лишь один оттенок православной церковной мысли в Польше. Здесь же отмечается, что громадное большинство православного духовенства фактически не разделяет непримиримого отношения Богдановича к автокефалии и готово примириться с ней, при условии подведения под нее канонического обоснования, в виде решения поместного собора и согласия законных представителей московского патриаршего престола. При этом вопрос о порядке созыва

и программа собора должны быть определены митрополичьим советом, состоящим из представителей духовенства и мирян по назначению митрополита Дионисия, куда, по слухам, предложения войти были сделаны лицам самого различного направления, в том числе Богдановичу, русскому депутату Н. С. Серебренникову, украинскому церковному деятелю А. В. Речинскому. «Но, если в состав совета будут приглашены лица столь противоположных взглядов как В. В. Богданович и Речинский - вряд ли совет сможет достигнуть какого-либо согласного решения. Если же какие-либо решения и будут приняты, то, кто может поручиться, что решения эти отразят голос действительного православного большинства... И поэтому, хотя постановление синода о созыве поместного собора... уже опубликовано, православное население Польши ждет его отмены» (Ш. 1928: 2). Этому собору по разным причинам так и не суждено было состояться.

В литературном творчестве Богдановича в силу сложившихся условий в основном преобладают полемические мотивы. Полемический оттенок носит все или почти все, что было напечатано им в журнале «Правослауная Беларусь», выходившем в 1927-1928 гг. в Вильне. По большому счету, с полным основанием и сам журнал можно было бы назвать печатным органом самого Богдановича, ставшего главной идейной и литературной силой издания, которое оказалось преследуемым властями и даже запрещалось ими. И это было совсем не удивительно, поскольку в публикациях на страницах «Правослауной Беларусі» освещался широкий круг важнейших проблем белорусской национальной жизни в условиях II Речи Посполитой, велась борьба за права белорусского народа, в том числе в общегражданской и религиозной сферах.

В своей писательской и senatorской деятельности Богданович всегда выступал как общенациональный белорусский лидер, независимый от конфессиональной ориентации. В этой связи весьма показательным его отношением к белорусам-католикам, которых он всячески защищал от религиозных гонений, когда правительство «считает каждого католика белоруса, будь то светский или духовный, явно симпатизирующего национальной белорусской жизни или принимающего в этой жизни деятельное участие, - враждебно настроенным против государства... Белорусскую католическую прессу,

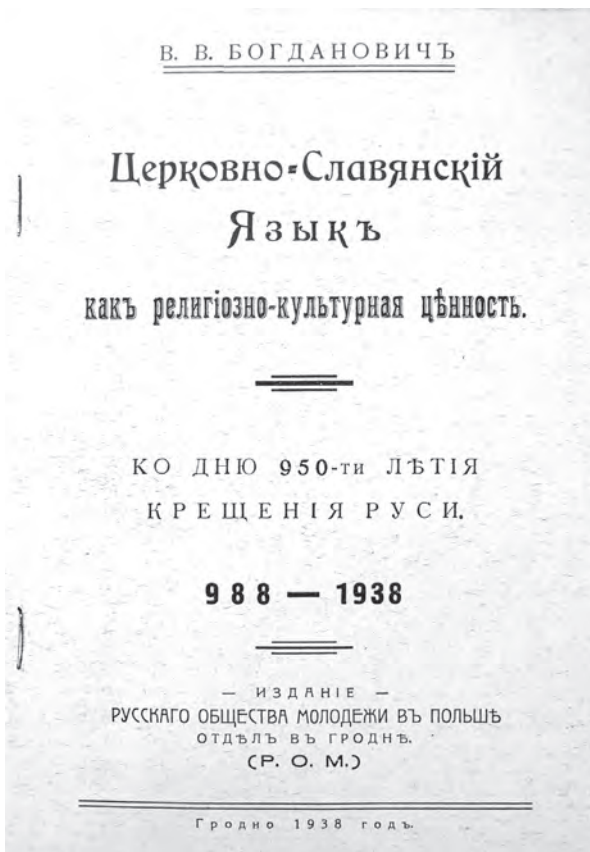
освещающую факты преследования в белорусско-католической жизни и заступающуюся за преследуемых, беспощадно конфискуют... Вспомню здесь еще... о несправедливом отказе властей в легализации общества белорусских ксендзов «Светочъ», религиозно-просветительского характера» (Речь Сенатора В. В. Богдановича 1925: 10–12). Будучи одним из признанных лидеров белорусского национального движения, Богданович оставался сторонником самого тесного белорусско-русского сотрудничества, а в условиях политической жизни межвоенной Польши – «белорусско-русского блока», действенность которого с особой силой проявлялась в период парламентских выборов. Именно благодаря объединению усилий и созданию блока национальных меньшинств выборы 1922 г. в польский Сейм и Сенат оказались такими успешными: «Вместо 4–5 послов, на которых могли бы рассчитывать белорусы, если бы пошли сами собой, – благодаря «блоку» мы провели в Сейм 11 послов и в Сенат 3» (Богданович 1928б: 4). Во многом основой для такого единения служило православное культурное наследие, в сбережении и защите которого роль Богдановича была, без преувеличения, выдающейся, как, например, его страстные призывы в Сенате к недопущению разрушения Варшавского Александро-Невского кафедрального собора, в котором, по словам Богдановича, есть прекраснейшие художественные произведения, в которые вложено много религиозной души лучших сынов соседнего народа, – и работавшие над этими произведениями искусства не думали ни о какой политике (Промова сэнатора В. Богдановича 1924: 2).

При подготовке проведения следующих выборов, которые предстояли в 1928 г., Богданович призывает снова объединить все белорусские силы для проведения в польские Сейм и Сенат максимально возможного количества белорусских представителей, поскольку польские политические группы, работающие на белорусских землях и стремящиеся пополнить свои партийные ряды белорусским элементом, в своей агитации стараются убедить белорусов в том, что в нынешние времена вопросы классовые, социальные важнее вопросов национальных. Белорусскому народу, говорят они, важнее бороться за общие для всех народностей интересы крестьянского и рабочего народа, при этом он не будет обделен и в своих национальных нуждах, так как левые, а особенно социалистические группы

Заглавная страница журнала «Праваслаўная Беларусь», издававшегося В. В. Богдановичем в 1927–1928 гг.

борются за крестьянско-рабочее благополучие без разницы национальностей. Он отмечал, что за те деньги, которые слагаются, между прочим, и из налогов представителей национальных меньшинств, на их землях осуществляется колонизация, имеющая своей целью полонизацию белорусского и украинского народов. Несмотря на разницу политических программ разных белорусских групп, должен быть один национальный фронт, должно быть объединение всех политических сил на одном национальном пути. Иначе не будет достаточно сил для защиты своего национального дела. Наоборот, участие белорусов в польских партиях волей-неволей наложит на них какой-то свой облик, и это разобьет белорусов национально. Объединение белорусов в единый фронт тем более легко, что народ белорусский на редкость однородный по своему социальному составу, потому не может быть большой разницы в программах его политических групп. К сожалению, случилось так, что

Титульный лист книги В. В. Богдановича «Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная ценность» (Гродно, 1938)

эти белорусские группы рассорились не только идейно, но даже и лично, включая партийных лидеров, и эти ссоры явились для политической жизни наибольшей бедой (В. Б. 1927: 1-3). Богданович с сожалением констатировал, что для белорусского народа историческим несчастьем стало разделение его на две религиозные группы, следствием чего стали и два культурно-исторических типа белоруса. Вековое влияние религии в значительной мере уже внесло и свои изменения в национально-культурный облик белоруса-православного и белоруса-католика, и это различие ощущается в народе достаточно существенно, когда, например, католики пользуются латиницей, а подавляющее большинство белорусов держится своей исторической кириллицы. Это и служит психологической причиной, по которой, даже и при полном согласии в политических убеждениях, православный белорус воздерживается идти в партию Белорусская

христианская демократия, использующую латиницу. Богданович высказал мнение, что более правильным было бы создание новой белорусской политической партии в православно-христианском духе, которая должна была бы собрать народ в единую национальную белорусскую семью (Василевич 1927: 5-6).

В роковом для того времени выборе «народ и интеллигенция» Богданович принимал сторону народа, о чем не боялся откровенно писать, объясняя, а порой и защищая свою позицию. Вообще, понятие «народ» имеет у него поистине вселенское значение, хотя применительно к условиям конкретно-историческим - это у Богдановича прежде всего этническая и этнополитическая категории. Особенно сложным понятием по своему наполнению является у него определение «православный народ», тесно связанное с такими явлениями, как традиция и соборность. Идее соборности, ставшей одним из самых значимых элементов его собственной литературной доктрины, его отношения к миру и церкви, Богданович посвятил многие свои работы. По мнению Богдановича, носителем и выразителем соборного разума является «весь церковный народ, причем, это не право, а обязанность каждого члена церкви», соборность выступает как особая сила, определяющий вектор в судьбе всего «православного народа» (В. Б. 1926: 53-59).

Большое внимание во многих публикациях Богдановича уделяется проблеме взаимоотношения церкви и государства, ибо вопрос об отношениях между церковью и государством, между церковной властью и властью светской, один из самых важнейших, поскольку от правильного разрешения этого вопроса часто полностью зависит не только нормальная жизнь, «а даже и судьба и той, и другой». Так, например, он очень точно нарисовал историческую картину этих взаимоотношений в СССР, где всякая религия признается делом вредным для государства, делом, с которым «нужно вести борьбу, как с какой-то отравой». Причем этот тип отношений нельзя «рассматривать даже как форму отношения государства к религии, так как эту форму выдвинул в жизнь тот крайний вид социализма (коммунизм), который сам фактически стремится стать религией» (Богданович 1927в: 3). Без сомнения, все, что было написано Богдановичем на эту тему, не потеряло своего значения и до сего дня, а предложенная им формула сосуществования церкви

и государства представляет особую ценность прежде всего для нынешнего времени, для современных условий. Но в 1920-1930-х гг. для Польши, а тем более СССР, предлагаемое Богдановичем было совершенно неприемлемо, а сам он попадал в разряд лиц, весьма опасных для государства, которое неоднократно применяло к нему всевозможные репрессии.

Наряду с темой соборности в жизни церкви, Богданович много внимания уделял вопросу взаимоотношения языков в среде православного народа Польши, прежде всего судьбам церковнославянского языка. По поводу сосуществования русского и белорусского языков он писал, что этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни. Два этих языка понятны населению. Существование двух языков в нашем быту не поселит в народе православном распри, ибо вера православная, догматы ее, соборное начало в управлении и церковнославянский богослужебный язык явятся связующим звеном всех православных в нашем крае для созидания церкви (Виленский православный календарь 1927: 3). Позднее, незадолго до начала Второй мировой войны, Богданович подвел некий итог своей многолетней полемике в защиту церковнославянского языка, отметив, что в тех странах, где церковнославянский язык успел привиться, укрепиться и лечь в основу национальной культуры, он дал самые блестящие и обильные плоды. Хотя среди славян русские славяне позже всех приняли христианство, но никто, как они, так широко и плодотворно не использовал церковнославянский язык как культивирующую силу (Богданович 1938: 13). Богданович подчеркивал существенную роль православных белорусов и особенно украинцев в развитии великорусского языка и культуры: «...Политиканствующие из наших украинцев и даже белорусов (реже), воюют против церковнославянского языка, да еще как “русификационного средства”, забывая, что он лег в основу их собственной так же, как и культуры великорусской. Политические мотивы и предубеждения заставляют умалчивать о том, что их знаменитые родичи, эти Епифании Словинецкие, Мелетии Смотрицкие, Симеоны Полоцкие, Димитрии Ростовские, Феофаны Прокоповичи и пр. не менее потрудились над развитием даже, и того же “великого, могучего, свободного и правдивого языка”, как и Ломоносовы, и внесли в дело выработки его филологического содержания и форм много “русских”,

т.е. украинских слов и оборотов...» (Богданович 1938: 19). Богданович выступал в защиту церковнославянского языка богослужения в православной церкви, против перевода богослужения на все «живые» славянские языки - великорусский, украинский, белорусский, литературно-русский, - отмечая, что сторонники перевода больше всего руководятся тут не церковными, а политическими мотивами, стараясь даже и в церковном отношении отгородиться от «русских». По его мнению, «чистым недоразумением является то утверждение, будто общепринятый в настоящее время в быв. Всероссийской Церкви выговор церковнославянских слов - “московский” выговор. Ничего подобного. Этот выговор создало и укрепило по всей Св. Руси именно украинское духовенство в эпоху своего полного и совершенного преобладания и господства в России, начиная от Петра Великого вплоть до Екатерины II» (Богданович 1938: 25).

Если после выборов в 1928 г. белорусским представителям, в том числе Богдановичу, удалось снова избраться в польский Сенат, то уже на выборах 1930 г. они потерпели полную неудачу. Тут, вероятно, сказались все нестроения и разлад в белорусском национальном движении в Польше. Богданович был членом Белорусского Национального Комитета в Вильне (*Zwůsajny gadawy schod* 1932: 4), из состава руководства которого он из-за разногласий вышел в 1935 г. (Богданович 1935: 4). В 1930-е гг. Богданович трудится преподавателем в Русской гимназии в Вильне, занимается общественно-культурной деятельностью, выступает с докладами, лекциями на литературные темы. На вечере по случаю 75-летия со дня смерти Н. В. Гоголя, устроенном Союзом русских организаций 19 марта 1927 г. в Варшаве, прозвучал доклад Богдановича «Трагедия Гоголя», в котором были такие слова: «России суждено испытать тяжелые потрясения, теперь уже не предотвратить их, а нужно лишь каяться и молиться около Бескровной Жертвы, чтобы те страдания, которые ей суждено перенести, не остались страданиями возмездия и кары, а стали бы страданиями искупления и грядущей славы Воскресения... Современное русское общество не поняло ни пророческих ужасов, ни этого религиозного порыва Гоголя... Но мы, последующие поколения, кому судьба судила стать свидетелями того, что видел Гоголь в своих пророческих видениях, - мы не только должны снять с него это осуждение, но

и оправдать и возвеличить Гоголя, не только первой, но и последней половины его жизни, и поклониться Гоголю и писателю и человеку. Он не зарыл своего “жестокоего таланта” в землю, но и не злоупотребил им. Давая Руси опасное, но нужное лекарство, он указал и тот режим, и то сдерживающее средство, при условиях личности которого обеспечивалось его действие. Этот режим и это средство вера и церковь» (Богданович 1927: 44-45)⁵. При Виленской Русской гимназии в 1930-е гг. существовал литературный кружок, «систематическая планомерная деятельность» которого осуществлялась под руководством Богдановича (Нальянч 1934: 11; Лавринец 2002: 68). Литературно-художественная секция Виленского Русского Общества (ВРО), действовавшая с начала 1922 г. первоначально как Русский литературно-художественный кружок при читальне ВРО, организовывала чтения произведений местных и приезжих авторов, отмечались юбилейные и памятные даты русской литературы, обсуждались доклады, в том числе, например, Богдановича - о философии Н. А. Бердяева. В ноябре 1925 г. в гимназии Веллера Литературно-художественная секция устроила лекцию Богдановича «Кризис современной культуры» с обзором трудов Н. А. Бердяева «Философия неравенства», «Новое средневековье», «Смысл истории» (Лавринец 2018: 33-34). В 1931 г. на торжественном заседании в связи с 50-летием со дня смерти Ф. М. Достоевского, организованном ВРО, со своим докладом выступил и Богданович (Лавринец 2018: 34). Глава Пушкинского комитета, Богданович в декабре 1935 г. выступил с траурной речью у могилы В. А. Пушкиной, невестки великого русского поэта А. С. Пушкина, вдовы его сына Григория (Арефьева 2002). 26 апреля 1934 г. на заседании Литературно-художественной секции ВРО было объявлено об организации Содружества поэтов как подсекции литературно-художественной секции, Богданович приветствовал ее образование речью о назначении поэзии (Лавринец 2002: 65). В 1936 г. на заседании Религиозно-философского кружка, председателем которого в 1930-х гг. был Богданович, обсуждался его доклад «о социологии В. С. Соловьева и Е. Н. Трубецкого» (Лавринец 2018: 36).

Будучи личностью всесторонне художественно одаренной, Богданович был известен и как композитор. Так, в заметке об одном состоявшемся долгожданном концерте белорусской песни, организованном стараниями Бе-

лорусского Студенческого Союза, сообщалось об исполнении 17 музыкальных композиций, в том числе в обработке Богдановича (А. К. 1932: 2). Он написал музыку для нескольких популярных романсов и других музыкальных сочинений, в том числе на слова Янки Купалы «К сонцу» (Kozłowska-Głogowska 2001: 30) и знаменитой «Зорьки Венеры» на слова Максима Богдановича. Известен и ряд работ Богдановича-художника, часть которых хранится у его потомков. Сохранились два альбома его портретных рисунков членов Московского Поместного собора 1917-1918 гг. Был он и автором иллюстраций к учебникам (Русская грамота для школы и семьи 1936). Едва ли не первым Богданович стал писать агнографические произведения на белорусском литературном языке нового времени. Пожалуй, самое известное среди них «Святые Виленские мученики и чудотворцы Антоний, Иоанн и Евстафий - патроны Белоруссии». В предисловии к их житию, составленному Богдановичем, он писал о том, что «православная вера в Белоруссии всегда была сильна любовью и привязанностью к ней своих сыновей. Взрастили эту любовь, эту силу чистое, искреннее сердце белоруса, его вековое горе и недоля, его безрадостная, тяжелая жизнь, когда человеку оставляется только одна отрада - со своею печалью, со своею тоской обратиться с мольбой к небу. И в течение веков не было веры сильней, слез горячее, молитв искренней, чем вера, слезы и молитвы к своим родным небесным патронам и защитникам - Святым мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию с родной близкой и дорогой белорусам Вильны. Тяжелые переживания мировой войны и перемены, которые вызвала она, оторвали нас - да только не в чувстве, не в памяти народной - от своих святых патронов. Но опять близятся времена, когда мы сможем, как и раньше, непосредственно нести им, на их Родине, наше горе и радости, счастье и недолю, и просить их небесной защиты для нашей, как говорят, Богом и людьми забытой белорусской деревни» (Сьв. Віленскія мучанікі 1927: 35-36). В послесловии к этому житию Богданович пишет, что по прошествии веков, для белорусского народа времен тяжелых, лихих, жестоких, на протяжении которых «сменялись люди, все порядки жизни, культура, строй хозяйственный, социальный, государственный», а «сама земля приобрела другой вид... Не изменилось только то, что составляет самую душу народа - его вера, его

родной язык. До сего дня не потерял много-страдальный белорусский народ этого своего богатства. Не потерял, несмотря на то что жребием его жизни всегда были только тоска, темнота, мучение, вековечная неволя - недоля. Не потерял только благодаря тому, что группировался возле своего национального знамени, что не изменил своим историческим святыням. Виленские мученики являются одним из этих драгоценнейших знамен, величайшей национально-исторической святыней белорусского народа» (*Сьв. Віленскія мучанікі 1927: 42*).

1 сентября 1939 г. Богданович был арестован польскими властями и помещен в концлагерь Береза Картузская. 17 сентября, с началом войны, заключенные, в том числе Богданович, из лагеря разбегаются. Об этом он сам рассказал корреспонденту газеты «Віленская прада»: «Это была настоящая каторга... на день давали только 100 грамм хлеба и два раза похлебку... за провинность и без провинности избивали резиновыми палками... начальство наше убежало с 17 на 18 сентября, услышав, что немцы взяли Кобрин... ключи они оставили бурмистру местечка. Сразу 7000 заключенных стали свободными. Виленская группа решила идти на ближайшую станцию Кобрин, так как на Барановичи не шел поезд. Оттуда немцы нас отвезли в Брест. Брест был занят

22 сентября, и мы получили возможность добраться до Барановичей, а оттуда в Вильно. Теперь я ожил и увидел другой мир» (Як адбывалі катаргу 1939: 4). 26 сентября 1939 г. Богданович возвратился в Вильну уже советскую. Но и новым властям его особа представлялась опасной. Он арестовывается органами НКВД в октябре 1939 г. Последнее известие от него - трогательная записка, написанная им в гимназии им. А. С. Пушкина и переданная семье, - датируется 17 октября 1939 г.⁶ В дальнейшем семья пыталась узнать какую-либо информацию о нем: «Вячеслав Богданович учитель, был арестован НКВД в Вильне 17 октября 1939 г. и заключен в тюрьму на Лукишках. 23 октября 1939 г. был вывезен из Вильны. Если кому что-либо известно о судьбе арестованного просьба сообщить семье. Вильна, Бируте (р. Фабричная - Зверинец) 3, кв. 3» (*Poszukiwanie zaginionych 1941: 4*). Но, увы, все было безуспешно. И по сей день окончательная судьба Богдановича остается неизвестной. По одним данным, он был расстрелян тогда же в 1939 г. в Вильне, по другим - позднее в Вилейке. Со временем семья Богдановичей установила его символическую могилу на православном кладбище в Белостоке, где в настоящее время также проживают потомки В. В. Богдановича - словесного и единственного графического летописца Всероссийского церковного собора 1917-1918 гг.

Примечания

¹ Два альбома с портретами членов Собора, нарисованными В. В. Богдановичем в 1917-1918 гг., сберегаются в фонде С. Г. Рункевича, хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 257. Папки 10 и 11).

² «Сын беларуса» - белорусская газета, выходившая в Вильне с 18 мая по 19 сентября 1924 г., продолжавшая традиции запрещенной польскими властями в том же 1924 г. газеты «Голас беларуса».

³ «Возрождение» - русская эмигрантская газета, выходившая в Париже в 1925-1940 гг.

⁴ Статья представляет собой отзыв и пересказ речи, произнесенной В. В. Богдановичем на заседании Сената 23 июня 1924 г.

⁵ Выдержки из доклада, прочитанного сенатором В. В. Богдановичем в Варшаве 19-го марта 1927 г. на вечере, устроенном Союзом русских организаций по поводу 75-летия со дня смерти Н. В. Гоголя

⁶ Оригинал записки хранится в семейном архиве потомков В. В. Богдановича.

Источники и материалы

Lietuvos centrinis valstybinis istorijos archyvas. F. 605. № 1433. L. 1.

Posłowie i senatorowie 1998 – Posłowie i senatorowie Rzeczypospolitej Polskiej 1919–1939. Słownik biograficzny. Tom 1. A–D. Warszawa, 1998.

- Poszukiwanie zaginionych 1941 – Poszukiwanie zaginionych // *Goniec codzienny*. 27 sierpnia 1941 r. № 33. S. 4.
- Праваслаўная Беларусь 1927 – Праваслаўная Беларусь // *Слово*. 1927. № 279.
- W. 1928 – W. Перед собором // *Возрождение*. 1928. № 1159.
- Zwycajny gadawy schod 1932 – Zwycajny gadawy schod Bieł. Nacyjanalnaga K-tu // *Belaruskaja Krynica*. 1932. № 23. S. 1.
- A. K. 1932 – A. K. Канцэрт беларускай песьні // *Беларуская Крыніца*. 1932. № 24.
- Багдановіч* 1921 – *Багдановіч* В. На якіх варунках была б магчыма аўтаномія ці аўтокефалія Праваслаўнай Беларускай Царквы? // *Беларускі звон*. 1921. № 10.
- Багдановіч* 1927-1928 – *Багдановіч* В. 10 гадоў таму (3 успамінаў аб працы Маскоўскага Сабору) // *Праваслаўная Беларусь*. 1927. № 5. С. 8-10; № 6. С. 7-8; 1928. № 1. С. 11-13; № 2(8). С. 10-12; № 3(9). С. 7-9; № 4(10). С. 9-11; № 5(11). С. 5-6; № 7(13). С. 6-9.
- Багдановіч* 1927а – *Багдановіч* В. 10 гадоў таму (3 успамінаў аб працы Маскоўскага Сабору) // *Праваслаўная Беларусь*. 1927а. № 5.
- Багдановіч* 1927б – *Багдановіч* В. 10 гадоў таму (3 успамінаў аб працы Маскоўскага Сабору) // *Праваслаўная Беларусь*. 1927б. № 6.
- Багдановіч* 1927в – *Багдановіч* В. Царква і Дзяржава // *Праваслаўная Беларусь*. 1927в. № 1.
- Багдановіч* 1928а – *Багдановіч* В. Патрыярх Ціхан // *Праваслаўная Беларусь*. 1928а. № 9(15).
- Багдановіч* 1928б – *Багдановіч* В. Беларускі Пасольскі клуб і яго праца ў Сойме і Сэнаце ў 1922-1927 г. // *Праваслаўная Беларусь*. 1928б. № 2(8).
- Багдановіч* 1928в – *Багдановіч* В. Беларускі Пасольскі клуб і яго праца ў Сойме і Сэнаце ў 1922-1927 г. // *Праваслаўная Беларусь*. 1928в. № 3(9).
- Багдановіч* 1935 – *Багдановіч* В. Праваслаўнае Беларускае Дэмакратычнае Аб'яднаньне і Беларускі Нацыян. Камітэт // *Выясеньні. Аднаднёўка*. 3 ліпеня 1935 г.
- Багдановіч* 2019 – *Багдановіч* В. Царква і дзяржава: выбраныя артыкулы і прамовы / Вячаслаў Багдановіч; уклад., прадм., пераклад з польскай і камент. А. С. Горнага. Мінск: Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора ў Мінску, 2019.
- Богданович* 1904 – *Богданович* В. Отражение эпохи 60-х годов в русской церковной проповеди // *Учено-богословские и церковно-практические опыты студентов КДА*. Вып. 1. Киев, 1904.
- Богданович* 1927 – *Богданович* В. Трагедия Гоголя // *Временник Ставропигийского института с месящесловом* 1928. Львов, 1927.
- Богданович* 1930а – *Богданович* В. Избрание Патриарха Тихона (из записок члена Московского церковного собора во время большевистского переворота) // *Возрождение*. 1930а. № 1676. С. 3, 5; № 1677. С. 3.
- Богданович* 1930б – *Богданович* В. Первое столкновение (из воспоминаний члена Московского собора 1917-18 гг.) // *Возрождение* 1930б. № 2138. С. 3; № 2139. С. 3-4.
- Богданович* 1938 – *Богданович* В. В. Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная ценность. Ко дню 950-летия крещения Руси. 988-1938. Гродно, 1938.
- В. Б. 1926 – В. Б. Что такое соборность // *Виленский православный календарь на 1927 г*. Вильно, 1926.
- В. Б. 1927 – В. Б. Якім шляхам // *Праваслаўная Беларусь*. 1927. № 2.
- Васілевіч* 1927а – *Васілевіч* В. Виленская праваслаўная сэмінарыя // *Праваслаўная Беларусь*. 1927а. № 4.
- Васілевіч* 1927б – *Васілевіч* В. Беларускія палітычныя групы // *Праваслаўная Беларусь*. 1927б. № 1.
- Вестник* 1909 – *Вестник* Виленского Свято-Духова братства. 1909. № 3(47). С. 68; № 8(52). С. 163.
- Виленский православный календарь* 1927 – *Виленский православный календарь на 1927 год*. Издание группы православных под общей редакцией В. В. Богдановича. Вильна, 1927.
- Деяния Священного Собора 2000 – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг.* Т. 11. Деяния 152-170. М., 2000.
- Довгялло* 1903 – *Довгялло* Д. И. Полотская епархия в 1903 году. Витебск, 1903.
- З паседжаньня* 1927 – *З паседжаньня* Рады Інстытуту // *Сялянская Ніва*. 1927. № 31.
- Институт рукописи Национальной библиотеки Украины – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского. Ф. 175. Д. 1200. Л. 1-2 об.
- Мэморыял* 1927а – *Мэморыял* сяброў аб'яднанае царкоўнае камісіі з прэдстаўнікоў беларускага нацыянальнага камітэту і расейскага народнага аб'яднаньня ў Вільні // *Праваслаўная Беларусь*.

1927а. № 1.

Мэморыял 1927б - Мэморыял сяброу аб'яднанае царкоунае камісіі з прэдаўнікоу беларускага нацыянальнага камітэту і расейскага народнага аб'яднаньня у Вільні // Праваслаўная Беларусь. 1927б. № 2.

Нальянч 1934 - Нальянч С. Систематизация русской культурной работы (в порядке обсуждения мнений) // Наше время. 1934. № 58(1076). 11 марта.

Прамова сэнатара В. Багдановіча 1924 - Прамова сэнатара В. Багдановіча у Сэнаце 23.VII.24 у часе дыскусіі над бюджэтам міністэрства рэлігійных вызнаньняў і народнае асьветы // Сын Беларуса. 1924. № 22.

Речь сенатора В. В. Богдановича 1925а - Речь сенатора В. В. Богдановича // Возрождение. 1925. № 39.

Речь Сенатора В. В. Богдановича 1925б - Речь Сенатора В.В. Богдановича, произнесенная 23 июня 1925 г. на заседании Сената Польской Республики при обсуждении бюджета министерства исповеданий и просвещения (Перевод с польского стенографического отчета). Вильно, 1925.

Русская грамота для школы и семьи 1936 - Русская грамота для школы и семьи: букварь для обучения письму и чтению: составленный по новейшему методу и по новой орфографии, с указанием особенностей старой орфографии: с многочисленными оригинальными рисунками, прописями, ударениями, церковно-славянской азбукой, образцами рисунков, методологическими указаниями для учащихся и разрезной азбукой / С. К. Павлович; иллюстрировали В. В. Богданович и В. А. Отрищенко. Вильно, 1936.

Рэдакцыя 1927 - Рэдакцыя. Польскае «Słowo» аб «Праваслаўнай Беларусі» // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 6.

Скарынінская камісія 1924 - Скарынінская камісія // Сын беларуса. 1924. № 2.

Список населенных мест 1906 - Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906.

Сьв 1927 - Сьв. Віленскія мучанікі і дзіватворцы Антоній, Іоанн і Евстафій - патроны Беларусі // Віленский православный календарь на 1927 год.

Сябра 1928 - Сябра. Беларуская выбарная справа // Праваслаўная Беларусь. 1928. № 6(12).

Ульяновский 2014 - Богданович Вячеслав Васильевич // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819-1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Т. 1: А-Й. Киев, 2014.

Як адбывалі катаргу 1939 - Як адбывалі катаргу // Віленская праўда. 1939. 6 кастрычніка.

Научная литература

Kozłowska-Głogowska H. Białoruski senator // Czasopis. 2001. № 12.

Арефьева И. Владелица «Пушкинского гнезда» // Православная Москва. 2002. № 15-16.

Арефьева И., Шлевис Г. «Примите меня в свою любовь...». Вильнюс: Свято-Духов монастырь, 2008.

Гиндренас А. В. Литовская духовная семинария в период возглавления Вячеславом Васильевичем Богдановичем (октябрь 1919 - октябрь 1922 гг.) // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. 2020. № 7.

Лабынцев Ю. А. Белорусско-русская идея во II речи Посполитой: Литературная, церковная и общественная деятельность сенатора В. Богдановича // Матице српске за славистику. 1997б. № 52.

Лабынцев Ю. А. Воспоминания о Московском Церковном Соборе 1917-1918 гг. сенатора В. Богдановича // Здабыткі. Вып. 4. Мінск, 2001.

Лабынцев Ю. А. Литературное наследие В. В. Богдановича - белорусского сенатора II Речи Посполитой // Славяноведение. 1997а. № 3.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. «Белорусская душа» - пространство взаимосвязи между «польской и русской душами»: Литературное наследие сенатора В. Богдановича // Dusza polska i gosyjska. Польская и русская душа. Современный взгляд. Лодзь, 2003.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Белорусский сенатор, литератор, издатель Вячеслав Богданович - современник Янки Купалы и Якуба Коласа // Янка Купала і Якуб Колас у сістэме дзяржаўна-культурных і духоўна-эстэтычных прыярытэтаў ХХІ стагоддзя. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск: Права і эканоміка, 2007.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Литературные труды ректора Литовской духовной семинарии Вячеслава Богдановича // Vilniaus kultūrinis gyvenimas: dvasininkų vaidmuo 1900-1945. Vilnius, 2006.

Лавриниц П. В. И. Самойло в русской периодике и культурной жизни Вильно (1920-1939) // *Literatūra*. 2018. № 60(2).

Лавриниц П. К истории Виленского содружества поэтов // *Literatūra*. 2002. № 44(2).

Стародуб А. Варианты сучасних «реконструкцій» біографії білоруського громадсько-політичного діяча та публіциста В'ячеслава Богдановича (1878-1939) // Славистична збірка. Вип. І. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського НАН України, 2015.

References

Aref'eva, I. 2002. Vadelitsa «Pushkinskogo gnezda» [Owner of the «Pushkin family nest»]. *Pravoslavnaia Moskva* 15-16.

Aref'eva, I., and G. Shlevis. 2008. «Primate menia v svoiu liubov'...» [«Accept me into your heart...»]. Vilnius: Sviato-Dukhov monastery'.

Gindrenas, A.V. 2020. Litovskaya duxovnaya seminariya v period vozglavleniya Vyacheslavom Vasil'evichem Bogdanovichem (oktyabr' 1919 - oktyabr' 1922 gg.) [Lithuanian Theological Seminary under the leadership of Vyacheslav Vasilievich Bogdanovich (October 1919 - October 1922)]. *ΧΡΟΝΟΣ. Cerkovno-istoricheskij al'manax* 7.

Kozłowska-Głogowska, H. 2001. Białoruski senator [Belarusian Senator]. *Czasopis* 12.

Labyntsev, Yu. A. 1997. Belorussko-russkaia ideia vo II rechi Pospolitoi: Literaturnaia, tserkovnaia i obshchestvennaia deiatel'nost' senatora V. Bogdanovicha [The Belarusian-Russian Idea in the Second Speech of the Polish-Lithuanian Commonwealth: Literary, Church and Social Activities of Senator V. Bogdanovich]. *Matitse srpske za slavistiku* 52: 259-275.

Labyntsev, Yu. A. 1997. Literaturnoe nasledie V. V. Bogdanovicha - belorusskogo senatora II Rechi Pospolitoi [Literary heritage of V.V.Bogdanovich - Belarusian senator of the 2nd Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Slavianovedenie* 3.

Labyntsev, Yu. A. 2001. Vospominaniia o Moskovskom Tserkovnom Sobore 1917-1918 gg. senatora V. Bogdanovicha [Memories of the Moscow Church Council of 1917-1918. Senator V. Bogdanovich]. In *Zdabytki* [Commons]. Vol. 4. Minsk: Nac. b-ka Belarusi.

Labyntsev, Yu. A., and L. L. Shchavinskaja. 2003. «Belorusskaia dusha» - prostranstvo vzaimosviasi mezhdu «pol'skoi i russkoi dushami»: Literaturnoe nasledie senatora V. Bogdanovicha [«Belarusian soul» - a space of interconnection between «Polish and Russian souls»: Literary heritage of Senator V. Bogdanovich]. In *Dusza polska i rosyjska. Pol'skaia i russkaia dusha. Sovremennyi vzgliad*. [Polish and Russian soul. A modern look]. Lodz: Ibidem.

Labyntsev, Yu. A., and L. L. Shchavinskaja. 2006. Literaturnye trudy rektora Litovskoi dukhovnoi seminarii Viacheslava Bogdanovicha [Literary works of the rector of the Lithuanian Theological Seminary Vyacheslav Bogdanovich]. In *Vilniaus kultūrinis gyvenimas: dvasininkų vaidmuo 1900-1945* [Cultural life of Vilnius: the role of the clergy 1900-1945]. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

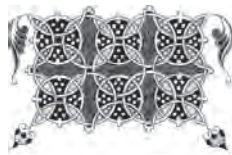
Labyntsev, Yu. A., and L. L. Shchavinskaja. 2007. Belorusskii senator, literator, izdatel' Viacheslav Bogdanovich - sovremennik Janki Kupaly i Jakuba Kolasa [Belarusian senator, writer, publisher Vyacheslav Bogdanovich - contemporary of Yanka Kupala and Yakub Kolas]. In *Janka Kupala i Jakub Kolas u sisteme dziarzhauna-kul'turnykh i dukhouna-estetychnykh pryjarytetau XXI stagoddzia. Materyialy Mizhnarodnai navukova-praktychnai kanferentsyi* [Yanka Kupala and Yakub Kolas in the system of state-cultural and spiritual-aesthetic priorities of the XXI century. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Minsk: Prava i ekanomika.

Lavrinets, P. 2002. K istorii Vilenskogo sodruzhestva poetov [To the history of the Vilna community of poets]. *Literatūra* 44(2).

Lavrinets, P. 2008. V. I. Samoilo v russkoi periodike i kul'turnoi zhizni Vil'no (1920-1939) [Samoilo in Russian periodicals and cultural life of Vilna (1920-1939)]. *Literatūra* 60(2).

Starodub, A. 2015. Varianti suchasnikh «rekonstruktsii» biografii bilorus'kogo gromads'ko-politichnogo diiacha ta publitsista V'iacheslava Bogdanovicha (1878-1939) [Variants of modern «reconstructions» of the biography of the Belarusian public and political figure and publicist Vyacheslav Bogdanovich (1878-1939)]. In *Slavistychna zbirka. Vyp. 1*. [Slavistic collection. Vol. 1]. Kyi'v: Instytut ukrai'ns'koi' arheografii' ta dzhereloznavstva imeni M.S. Grushevs'kogo NAN Ukrainy.

CHRONICLER OF THE ALL-RUSSIAN CHURCH COUNCIL 1917-1918.

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. Статья посвящена характеристике общего и особенного в исторических представлениях русских и белорусов о Речи Посполитой. Автор рассматривает народные тексты, противопоставляя их произведениям, вышедшим из-под пера представителей нобилитета, анализирует формирование предрассудков и стереотипов жителей Польши. Сведение мозаичной картины истории к четким образам «своего» и «чужого» в народных представлениях в статье увязано с влиянием определенных конфессиональных, идеологических, политических и этнокультурных ситуаций.

Ключевые слова: народные исторические представления, Речь Посполитая, белорусы, русские крестьяне, поляки, этноконфессиональные стереотипы, предания, фольклорные образы, шляхта.

Abstract. The article is devoted to the characterization of the general and special in the historical ideas of Russian and Belarusians about the Commonwealth. The author considers the folk texts, opposing their works that came out from under the pen of representatives of the nobility, analyzes the formation of prejudice and stereotypes of the residents of Poland. The reduction of the mosaic picture of history to clear images of «familiar» and «foreign» in the people's ideas is linked to the influence of certain confessional, ideological, political and ethnocultural situations.

Keywords: folk historical ideas, Polish-Lithuanian Commonwealth, Belarusians, Russian peasants, Poles, ethnoreligious stereotypes, legends, folklore images, nobility.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-00017 «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом»

Матвеев Олег Владимирович (Matveev Oleg Vladimirovich) - профессор Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, ovm1965@list.ru
Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 52-66

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 394.91; ББК – 63.3 (2) 46; 64-36; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/52-66>

Образы соседей, врагов, союзников, представителей иного вероисповедания в народных представлениях помогают многое понять в проецировании идей и ценностей, принятых в «своем» обществе. У истоков направления в русской этнографии, которое обозначило перспективы систематического изучения народных исторических представлений, стояла М. М. Громыко (Громыко 1991; Громыко, Буганов 2000). Сегодня это направление успешно продолжает развиваться в исследованиях ученика Марины Михайловны А. В. Буганова. В докторской диссертации, монографиях, статьях А. В. Буганова, посвященных историческим взглядам русских крестьян, важное место уделено восприятию иноземцев и иноверцев (Буганов 2009а: 70–87; Буганов 2009б: 7–27; Буганов 2012; Буганов 2013).

В статье предпринята попытка характеристики общего и особенного в исторических представлениях русских и белорусов о Речи Посполитой. Это государство, созданное в результате Люблинской унии 1569 г. и просуществовавшее до его третьего раздела в 1795 г., сыграло важную роль не только в истории двух восточнославянских народов, но и наложило отпечаток на формирование этноконфессиональных стереотипов, поведенческих установок и исторических предпочтений.

С точки зрения русского православного сознания XVI–XVII вв., образ Речи Посполитой складывался как образ конфессионально чуждого и потому изначально враждебного государства (Левкиевская 2000: 231). И поведение, и одежда, и бритые подбородки его жителей не просто ассоциировались в глазах русского человека с нехристианским миром, но совершенно однозначно увязывались с нечистой силой. Е. Е. Левкиевская справедливо отмечает, что массовые случаи осквернения польскими солдатами церквей в ходе русско-польских войн, надругательства над иконами и мощами святых укрепляли в русском сознании представление о католиках, как о безбожниках и нехристях (Левкиевская 2000: 233). Подобный мотив часто присутствует в русских преданиях о панах. Так, в предании «Свадебный камень», записанном Н. А. Криничной в Карелии, поляки грабят монастырскую церковь (Азбелев 1992: 100). В

Стефан Баторий.
С европейской гравюры

предании о нападении панов на Кижи поляки трижды пробивают образ Спасителя, «после этого осквернения служение в церкви надолго оставили, и, наконец, она сгорела от молнии» (Азбелев 1992: 102).

В «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков», приписываемой псковскому иконописцу Василию, эпитеты в адрес польского короля и его воинов служат созданию доминанты битвы за веру: «неистовый зверь и

Баторий под Псковом. С картины Я. Матейко 1872 г.

Польский шляхтич и ротмистр

неумолимый аспид», «агарянин», «литовский безбожный король», «ты, Оботура, в безбожной своей ереси» (Мочалова 2000: 38). В предании, зафиксированном П. И. Якушкиным в Псковской губернии, защитить Псково-Печерскую лавру от войск польского короля помогает Свя-

той Николай: «Подступал Стефан Баторий под наш монастырь, так Николай Угодник днем верхом ездил вокруг монастыря, а по ночам пешой ходил; а с угодником было сорок мучеников - Баторий ничего и не сделал» (Площук 2020: 163). Н. Ф. Окулич-Казарин рассказывал о происхождении названия «Выползова слобода»: «В народе живет предание, будто находящаяся сейчас же за Покровской башней Выползова слобода названа так от того, что во время штурма 8 сентября Матерь Божия ослепила поляков, а те поползли назад» (Филюшкин 2016: 219-220).

Е. Е. Левкиевская справедливо указывает на обвинения в связях выходцев из Речи Посполитой с нечистой силой, которые звучат в русских народных текстах (Левкиевская 2000: 233). В адрес Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек в песне «Гришка-Расстрижка» говорится: «Они свадьбу играли в Филиппов пост, / Венец принимали в Миколин день». В Христов день, когда «все князья-бояре Богу молятся», вор Гришка-Расстрижка «в мыльни моется», «со Маринушкой блуд творит» (Азбелев 2001: 113). Имя Марины Мнишек напрямую увязывалось с оборотничеством. В одном из преданий москвичей утверждалось, что после гибели первого Самозванца она обернулась сорокой и вылетела из окна (Левкиевская 2000: 234). Поэтому, согласно преданию, чтобы избавиться от Марины Мнишек, москвичам пришлось перебить всех сорок.

Польская шляхта в XVII в.

Как признак демонической природы воспринимались русскими людьми и бритые подбородки поляков. В народном сознании бритый подбородок как бы уподоблял мужчину женщине. Люди, бреющие бороду, как бы постоянно находятся в состоянии травести, а любая травестия выступала формой оборотничества и однозначно связывалась с демонизмом. В сочинениях русских авторов начала XVII в. в перечне грехов, за которые Господь наказал русских, настав на них поляков, бритые бороды встречается наряду с такими прегрешениями, как оскорбление имени Божьего, обращение к бесам, колдовство (Левкиевская 2000: 236-237).

Ещё в период независимого существования Великого княжества Литовского оформился духовный раскол между нобилитетом и низшими сословиями белорусских земель. С оформлением унии этот процесс усиливается, и белорусская шляхта приобщается к польской духовной культуре, языку и католицизму. Белорусским крестьянам и мещанам, по сути дела, противостоит новое этносоциальное сообщество – «польский народ шляхетский», объединенный католической верой, сарматской идеологией, правами и привилегиями. Как справедливо указывает специалист в области белорусской имагологии А. М. Кротов, шляхта не только порвала с традициями своего народа, но и продвигала «польскость» во всех проявлениях, что не могло не сказаться и на формировании народных исторических представлений белорусов о правителях Речи Посполитой, её внутренней и внешней политике (Кротау 2004: 206).

Речь Посполитая в народных представлениях белорусов однозначно наделена чертами потустороннего мира в отличие от «своей земли». Соотношение Польши с адской, пагубной сферой мироздания особенно ярко отражено в легенде «Вековечная межа»: «Жыў калісь у нашай зямлі князь Радар, які спярша кавалём быў, а пасля ж яго выбралі у князі. А у Ляцкай старане жыў кароль Лях, у якога быў змей

Белорусский нищий с лирой. Минская губ. Игуменский уезд

Белорусские крестьяне. Начало XX в.

Крагавей. Панадзіўся змей Крагавей у нашу старану хадзіць: прыдзе, людзей паядае, а што не з'есть – пабівае» (Лобач 2009: 56). Результатом поединка мифологических героев стала победа Радара, когда он поймал змея, вспахал на нем долину Буга, ставшего границей между Речью Посполитой и белорусскими землями.

Исследовательница белорусской идентичности Ю. В. Чернявская считает, что окатоличивание крестьян, а затем распространение униатства приводит к двум трансформациям в картине мира белорусов. Во-первых, к отдалению от храмов, где царили молитвы на чужом языке и неизвестные обряды. Поэтому белорусы вновь обращаются к пантеону народных

Белорусы.
С картины Паули

верований, персонажи которых то помогали, то мешали жить, но, по крайней мере, не меняли своих привычек и облика. Следствием этой трансформации стали фольклорные образы крестьянского Бога и внецерковного «святого человека» (Чернявская 2010: 47). Во-вторых, по мнению Ю. В. Чернявской, Речь Посполитая воспринималась как отечество панов-католиков, поэтому белорусы укрываются в другом, метафизическом отечестве – униатской церкви, ставшей духовной скрепой белорусского народа (Чернявская 2010: 52).

Нам представляется подобный подход несколько искусственным. Народная демонология существовала всегда и органически вписалась в христианскую картину мира. Что же касается русской веры, то память о ней не исчезала и во время насаждения католичества и униатства. В белорусской народной песне говорится: «Ад ксендза Радзивила / Понайшла нячыста сила / Понайшла нячыста сила / Руску веру паглумила... / Не было к нам ані слова / Ни из Слуцка, ни з Турова» (Кабашников 1958: 323). В белорусских поговорках также зафиксировано

противопоставление католицизма и православия: «Каталік – у неба мык, русь – у пекла шусь» (Середа, Иноземцева 2019: 341).

Среди методов окатоличивания в Речи Посполитой имело место заманивание и постепенный отъем прав у православных (Чернявская 2010: 47). В белорусских сказках высмеивается хитрый ксёндз, который пытается вовлечь в католическую веру крестьян различными мистификациями. В одной из сказок ксёндз, чтобы произвести впечатление на селян во время воскресной службы, заставляет парубка купить белого голубя и по его, священника, знаку впустить в костел через отверстие в чердаке. Однако голубя съел кот. «А тым часом ксендзь у косцэле казау казаньня і подняўшы рукі до неба, каже: “Духу Свенты, зэйць на мене!”. А парубок с горы крычыць: “Не машь, добродзею, кот з’ядл!”» (Шейн 1893: 323)

Ю. В. Чернявская высказала мнение, что доверие к православию на белорусских территориях Речи Посполитой было «подорвано военной политикой восточного соседа – крайней жестокостью Ивана IV на оккупированных в годы Ливонской войны землях» (Чернявская 2010: 50). Действительно, в эпической поэме XVI в. на новолатинском языке «Радзивиллада», создание которой сегодня приписывается автору белорусского происхождения (Лушневская 2017: 202), описываются жестокости московских войск: «Енкі чуваць адусюль, галашэнні і плач па забітых. / Прагнае полымя жне усе сады пладаносныя й нівы. / Попел пакрыў гарады, скрозь свавольная зброя лютуе. / Гіне народ, над якім Марс літоўскі раней злітаўбуся. / Хто зможа тут ацаніць вашы страты пры гэткай паразе, / Меру лівонскіх пакут, ліхадзейныя учынкi тырана?» (Лушневская 2017: 202).

Однако это очевидный взгляд представителя «народа шляхецкого», вдохновленного «литовским Марсом» на борьбу с «тираном». Белорусские народные тексты о жестокости войск Ивана IV нам не известны. В топонимических преданиях белорусов образ Ивана Грозного вовсе не несет негативного содержания: «Паводле народных аповедаў, у вёсці Зябкі Верхнядзвінскага раёна на мясцовай гары у час сваіх лівонскіх і польскіх паходаў “апачываў” Іван Жахлівы. “Апачываў” ён і в былым мястэчку Грозава Капыльскага раёна, толькі ужо пад дубам. А у Домжарыцах Лепельскага раёна на месцы цяперашніх курганову, паводле легенды, некалі быў “лагер рускага войска пад кіраўніцтвам цара Івана Жахлівага”» (Дучыц, Клімковіч 2011:

Донской казак.
С гравюры европейского художника

Кубанские казаки.
Начало XX в.

Русские крестьяне.
Начало XX в.

326-327). Более того, в белорусских вариантах песни о Кострюке Иван Грозный наделяется ролью асилка-богатыря, воспевается роль Московского государства в борьбе с иноземными захватчиками (Васілёнак 1959: 14).

Главной причиной польско-католического засилья народ считал измену белорусских помещиков: «Дай к нам за грэхі / Понайшлы ляхі, / Занялі нам край / Аж до Ляховіч. / Ой, ляхи б ни прышлы, / Шчоб паны іх не свелы, / Ой, паны, шчобы пропалы, / Шчо ляхам нас запродады; / Ой, паны, шчоб вы сгинулы / Шчо вы веру покінулы» (Беларускі эпас 1959: 187).

Политический аспект народных представлений о Речи Посполитой связан прежде всего с войнами. Известно несколько вариантов записей песни об обороне Пскова. Б. Н. Путилов весьма скептически отнесся к изображению реалий в этих текстах (Путилов 1960: 189), тем не менее, определенный историзм песни об обороне Пскова несет. Так, здесь присутствует эпизод пересмотра сил королем в песне, когда ему докладывают, что «Убыло силушки со-

рок рот, / А прыбыло силушки сорок полков» (Азбелев 2001: 103). Народный текст внимателен в описании «силы королевской»: «Всех латничков, сиповщичков, / Кольчужничков, барабанщичков» (Азбелев 2001: 104). Это находит аналогии в таком источнике, как «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», где король, чтобы устроить защитников Пскова, производит на виду у горожан смотр своему войску.

Немало реалий несут топонимические предания, связанные с Ливонской войной. Так, о происхождении названия горы Королевка жители деревни Яколевское Новоржевского района рассказывали, что на этой горе находилась ставка короля Стефана Батория. Хотя это место не совпадает с маршрутом похода короля на Псков, подробно описанного в дневнике Станислава Пиотровского, достоверно известно, что в 1581 г. вся местная округа была разорена королевскими отрядами. В деревне Бардово топоним «Вязовщина» местные жители связывают с тем, что в болотистых истоках реки Великой завяз обоз Батория (Семенов 2018).

Для белорусских преданий, по мнению историка и фольклориста В. А. Лобача, не характерен негативный образ Стефана Батория, который предстает в фольклорной истории культурным героем: прокладывает дороги, строит мосты, выкапывает колодцы, носящие впоследствии его имя. В предании о Батуровой горе говорится: «...Ёсць ішчэ места - Батурава гара. Дауней гаварылі, што на тым месці пагіб і пахаронен ні то цар, ні то бальшой палкаводзіц Батура. Цяпер зруйнавалі, а тады бальшая была гара. Яно людзі паслі гібілі шлемамі нанасілі зямлі, насып шлемамі нанасілі зямлі, насып здзелалі, штоб места ні паціралася» (Лобач 2019: 372). Однако необходимо обратить внимание, что традиционный мотив о насыпании могильного кургана шлемами (шапками) связан в русских и в белорусских преданиях чаще всего с турками, татарами, шведами, которые однозначно предстают захватчиками (по-белорусски - *захопнікамі*), врагами, обещают вернуться за оставленной шапкой и пр. Так, исследователи белорусской народной топонимии Л. В. Дучиц и И. Е. Климович справедливо отмечают: «Вельмі часта узвядзенне гарадзішчау або замчышчау прыпісваецца *захопнікам*, асабліва татарам, шведам і французам. <...> Гетыя горы-гарадзішчы захопнікі нанасілі сваімі ботамі або шапкамі» (Дучиц, Климович 2011: 194).

Реальная история белорусов в русско-польском противостоянии, конечно, была сложнее и мозаичнее, чем это откладывалось в народной памяти. И. Марзалюк указывает, что в годы Ливонской войны православные русины из белорусских земель принимали активное участие в разведывательных акциях против Московского государства, составляя костяк «шпегов» и «рыскунов», которые добывали ценную информацию, захватывали московских «языков». Так, информация о русских войсках, собранная православным гражданином г. Борисова Фёдором Якимовичем, способствовала победе польско-литовских войск на р. Уле в июне 1564 г. За свои заслуги Ф. Якимович в 1568 г. был нобилитирован. Тогда же за аналогичные дела по рекомендации оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского получил «два селца за Днепром на границы Московской» оршанский мещанин Игнат Михайлович. На этом основании И. Марзалюк делает вывод, что Польско-Литовское государство воспринималось православным населением Речи Посполитой как «свое», и оно готово было проливать за него кровь (Марзалюк 2004: 551-552).

В народной памяти откладывались тексты, связанные с крестьянским взглядом на события. Показательно, что в топонимическом предании о происхождении названия имения со Стефаном Баторием имеет дело не крестьянин, а шляхтич, пан, получивший за свои услуги землю от короля: «Каралёва войска размясцілася каля засценка беднаго шляхціца. Разгуляюшыся жаунеры парэзалі усіх гапсатарскіх кароу і бараноу, абабралі сховішчы. Няшчасны шляхціц узяў жонку, малых дзяцей і пайушов у прочки. А ішов ён па той самай дарозе, пая якой мусіу ехаць кароль. Шляхціц убачыў Стафана Баторыя, крыкнуў: “Стань, Круль!” - і спыніў ягонаго каня. Здзівіўся кароль і пытае у небаракі, чаго яму трэба. Тады шляхціц і расказаў каралю пра зласчынствы ягоных жаўнераў дэ папрасіў адплату.

- Чым жа мне цябе узнагародзіць? - спытаўся кароль.

Шляхціц нізка уклечыў, і ціха кажа:

- Каролю! Зямля, на якой ты стаішь, справядліва належыць табе. Але твая мосць можа і мне яе падарыць!

- Бяры і маучы! - крыкнуў кароль і паехаў прэч.

На падараванай зямлі побудаваў два засценкі і адзін назваў Каралеўскім Станам, або Крулеўскім Станам, а другі - Мільчам» (Дучиц, Климович 2010: 310-311).

В «Радзивиллиаде» воины Речи Посполитой отвечают на боевой призыв Николая Радзивилла: «Шанец ваенны цябе ахінае сваімі крыламі. / Хто гэtkі ж спрытны, як ты, у рамёствах суровага Марса? / Слава твая паляціць, панясецца на крылах нястомных / З гэтага месца, а лаур вечны гонар надасць па заслугах» (Лушневская 2017: 202). Однако здесь и в других подобных произведениях скорее нашла отражение сарматская идеология шляхты (Климуц 2013: 94). Подобная воинственность, любование «суровым Марсом» не свойственны народным текстам белорусов. Как справедливо отметил белорусский исследователь О. В. Лицкевич, «зусім не уласцівы беларускаму фальклору гэtkі “ура-патрыятызм”, праслаўленне вайны і кровапраліцця» (Лицкевич 2009: 95). Главной темой белорусских баллад с историческими реалиями эпохи Речи Посполитой стали не войны против Московского государства, а неприятие татарского нашествия или «турецкого плена». Главными героями подобных текстов являются мать или жена, у которых забирают в войско сына или мужа на войну, вдова, узнавшая о гибели супруга. Такие песни глубоко-

Северин Наливайко.
Портрет XVII в.

ко укоренились в памяти крестьян, потому что описанные в них человеческие ситуации были близки и понятны простым людям, находили в них живую симпатию.

В героической поэме «Кароломахия» минского воеводы Кшыштафа Завиша, посвященной событиям Смутного времени, продвигаются идеи сарматских рыцарей о священной войне с деспотизмом: «Димитрий попытался взойти на престол отца, он благополучно взошел – так вы, о боги, захотели, – захватил власть в Московии, победив Годунова. Он избрал себе в спутницы жизни польку, чрезвычайно набожную девицу необыкновенной красоты, дочь благородного отца, из рода Мнишек: ему, воеводе, радуется знаменитый Сандомир» (Некрашевич-Короткая 2012: 28).

Здесь противопоставляется Лжедмитрий, оцениваемый как законный престолонаследник, «московскому тирану» Борису Годунову; победа войск Лжедмитрия над войском князя Ф. И. Мстиславского под Новгородом Северским в 1604 г. трактуется как победа свободы над тиранией, и такая победа предопределена небесами.

Но и это произведение, вышедшее из-под пера представителя нобилитета, мало отвечало подлинным чаяниям белорусского народа. В белорусских народных песнях воспеты отнюдь не те казаки, которые вместе с польскими захват-

чиками разорвали Русское государство в эпоху Смутного времени, а славится казачество, сражавшееся против польского гнета. В академический сборник «Белорусский эпос» включен текст песни «У городзи Магилёве дымом поцягнуло», воспевающей подвиг казаков под руководством Наливайки. В преданиях, которые записывал в Белорусском Полесье местный краевед М. В. Шелехов, Северин Наливайко изображается уроженцем города Острога, служил в охране княжеского замка, затем перешел на сторону казаков и поднял восстание против польских панов и заключения унии (Шелехов 2012: 26). Наливайко, которого четвертовали 21 апреля 1597 г. в Варшаве при большом стечении горожан, стал в глазах белорусов мучеником за веру и свободу. В белорусской песне говорится: «Не так тая позора, як козакам порада, / Што краучыну шануючи, ляхам далась зрада / Далась ляхам зрада, із самого рана, / Ад гецьмана Налівайка, шановнаго пана» (Беларускі эпас 1959: 183).

В русских исторических песнях казаки, поддерживающие поляков, характеризуются эпитетами «вор-собачушка» (Лжедмитрий II и поддерживавшие его казаки), «злы изменники» (казаки, убившие Прокопия Ляпунова по велению «Гужмонда») (Азбелев 2001: 115, 124). Народные симпатии на стороне тех казаков, которые помогли освободить страну от нашествия интервентов в 1612 г.: «Пришли казаки с Дону да погнали ляхов до дому» (Краюшкина 2017: 48).

Казаки предстают одними из главных героев освобождения Москвы в рассказе, зафиксированном нами в 1996 г. в ст. Надежной Отрадненского района Краснодарского края от Сопотова Михаила Харитоновича 1910 г.р.: «Када поляки зашли вже в ету, в Москву, в Кремль... када уже опять организовали Минин-Пожарский, бьются, а казаки шашлык жарять. А казак запарожский прибегаєт, да: “Што же вы, братцы? Што же вы не помогаєте?” – “Да нас не попросил Минин-Пожарский”. Да как развернули полки, да как ударили поляка, смяли. Две недели сидели поляки в Кремле, голодные, надо сдаваться... Которые пошли до Минина-Пожарского, эти остались живыми, которые пошли до казаков, казаки всех парубали. И вот они злые поляки, сейчас, на казаков» (ПМА 1996).

В русских пословицах Польша как государство оценивается не в его пользу. Свое, естественно, позиционируется как правильное: «У нас не Польша: есть и больше (т. е. больше пана, вельможи, своевольника)». Несоблюдение закона изображается чертой всего государства, причем, по нарастающей, связанной с отдаленностью от территории нашего: «Что дальше в Польшу, то разбою больше». Военные действия поляков на территории России отразились в поговорке, построенной на игре слов: «Экое лихолетье» и «Экое ляхолетье», т. е. между мором и разорением – «лихолетьем» – и польским владычеством ставится знак равенства (Краюшкина 2017: 48).

В представлениях белорусов образ польской власти также носит явно чуждый характер: «Што пан, то собака», «Гаварыу бы па-польску, але язык конскі» (Середа, Иноземцева 2019: 341). Пан и мужик в белорусских сказках и в прямом, и в переносном смысле разговаривают на разных языках. Речь пана почти всегда переводится на белорусский язык, что маркирует его «нечеловеческую» природу (Чернявская 2010: 161). Задиристость и конфликтность, гонорливость шляхты, ввязавшейся в авантюрные предприятия на Востоке, чужды рядовым белорусам: «Мазур то анно да гуляння зух»; «Мазуру біцца, так як людям хлеб з маслам з'есць»; «Па чым пазнаць ляха? Што на чэраве бляха» (Лобач 2019: 565). Поскольку белорусские земли во множестве осваивала шляхта из польской области Мазовии, мазуры становились воплощением всех негативных черт польского владычества.

Белорусские пословицы отразили эпоху разделов Речи Посполитой: «Палякі былі гайдамакі, мала аб край дбалі і для таго прапалі»; «Наша Польша была дауней шмат больша» (Середа, Иноземцева 2019: 341).

В преданиях белорусов имя императрицы Екатерины II, разгромившей поляков и присоединившей к России белорусские земли, нередко представляется либо в образе христианской святой, либо в архаическом образе богатырши-асилки (Дучыц, Клімковіч 2011: 318). В XIX веке в селе Безздедавичи в окрестностях Пскова было записано следующее предание: «Гэтым краем калісіці валодау Батура. А як даведалася пра гэта асілак Кацяры-

на, дык пасбірала рускае войска і накіровала яго на польскую раць Батуры. Потым разбіла рэшткі палякаў і пагнала іх у Дзвіну» (Дучыц, Клімковіч 2011: 318).

В русских исторических песнях взятие Варшавы выливается в здравицу полководцу А. В. Суворову (Литвин 1959: 46).

Его действия предстают исторически оправданными, при их изображении используется поэтическая гипербола (Литвин 1959: 45). В песне о взятии Варшавы говорится: «Как Аршав-город узнала, / Что Суворов к ней идёт, / Воздохнул тяжко Аршава. / Все заплакали места: / “Лучше сквозь земли пройтить, / От Суворова уйтить!”» (Азбелев 2001: 259). А. В. Буганов справедливо отмечал, что в народных представлениях русских Суворов выступал выразителем воли Божьей, богатырем, который знал «Планиду небесную» (Буганов 2013: 199). Поэтому падение Речи Посполитой воспринималось как исторически оправданное действие, направленное на воссоединение с православными, находившимися под польским владычеством.

Схожие настроения встречаем и в белорусском фольклоре. В записанной у пинчуков песне говорилось: «Ой, колы б, колы / Москалі б прышлы, / Москалі прышлы, / Наши сродные, / Веры одныя! / Добрэ нам было, / Шчасно нам было, / Колі Русь уся, / Трымаючыся / Одной сілою. / За одно была!» (Беларускі эпас 1959: 187). В нынешней Беларуси нередки попытки навязать белорусской исторической памяти польский взгляд на события, связанные с

Памятник в честь 300-летия героической обороны Пскова

разделом Речи Посполитой и восстанием под предводительством Т. Костюшко. Представляется справедливым мнение белорусского исследователя А. Д. Гронского: «Не воспринимали крестьяне, жившие в конце XVIII в., Костюшко своим защитником, поэтому и не сделали из него культа, поэтому и нет в белорусской естественной исторической памяти упоминаний о восстании как о чём-то «своём». Лишь конструируемая историческая память формирует образы Костюшко – белорусского героя и Суворова – белорусского врага» (Гронский 2016: 21).

В. В. Мочалова справедливо отмечает, что в русском сознании существовал и иной образ Речи Посполитой, связанный с представлениями о свободе и просвещении (Мочалова 2000: 40–42).

Однако здесь имеется в виду просвещенное меньшинство: Андрей Курбский и другие беглые бояре, гонимые на родине печатник Иван Фёдоров, вольнодумец-еретик Фёдор Косой и его единомышленники, которые находили убежище в польских землях.

Для нас в данном случае более важны срезы народного исторического сознания, связанные с полиэтничным характером Русского государства, особенностями восприятия польской власти украинцами, литовцами, белорусами, русскими пограничных земель, ряд которых (Смоленщина, Брянщина) на протяжении длительного времени входили в состав Речи Посполитой.

В русском фольклоре нашли отражение образы польских городов как нечто достойное удивления: «Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал». В другой пословице вновь возникает образ чудесного города: «Азов был славен, Смоленск – грозен, а Вильна – дивна» (Новиков 2008: 18).

Речь Посполитая и Москва часто упоминаются в одном ряду в волшебных сказках, осознаются как крайние полюса обжитого людьми

мира. Подчеркивая уникальность какого-либо чудесного предмета, сказочники употребляли стереотипную формулу: ничего подобного нет ни у царя в Москве, ни у короля в Литве (Новиков 2008: 19).

В белорусском обрядовом фольклоре польские города приобретают символику мифологических центров, откуда к девушкам приходят необычные сваты: «Адзін кракавячак, а другі палячак, / Кракавяк з Кракова, а паляк з Вяльбова. / Пазнаш кракавяку па сівым каняку. / Добрае убранне – то перша каханне, / Поляк на каштане – то друге каханне» (Лобач 2009: 57).

Таким образом, при характеристике представлений у русских и белорусов о Речи Посполитой необходимо иметь в виду конкретно-историческую ситуацию, влияние определенных конфессиональных, идеологических, политических и этнокультурных условий на формирование предубеждений и стереотипов. В результате, сложная, мозаичная картина прошлого, неоднозначные аспекты военно-политических взаимоотношений двух соседних славянских государств сводились к традиционному противопоставлению «своего» и «чужого» в народной картине мира. Глядя в польское зеркало, русские и белорусы начинали больше любить и уважать себя, отстаивать свою веру и землю предков. Защитники Пскова, Минин и Пожарский, казаки, гетман Наливайко, оставившие родные святыни, приобретали статус народных героев, а Польско-Литовское государство устойчиво ассоциировалось с враждебным, чуждым пространством и нечистой силой. Не всегда вписывались в эту картину представления жителей пограничья, поэтому отдельные польские короли и магнаты в белорусских преданиях и «паны» в русских текстах наделены в ряде случаев ролью «культурного героя», преобразующего местный ландшафт.

Источники и материалы

Азбелев 1992 – Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелев. М.: Русская книга, 1992.

Азбелев 2001 – Исторические песни / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелев. М.: Русская книга, 2001.

Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебка, І. В. Гутарау. Минск: Выдавецтва АН БССР, 1959.

ПМА 1996 – Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 1996 года. А/к № 1231. Станица Надежная Отрадненского района Краснодарского края Инф. Сопотов Михаил Харитонович, 1910 г.р.

Семенов 2018 – Семенов М. По следам войны Стефана Батория // Псковская лента новостей. 26.10.2018. <https://pln-pskov.ru/culture/326873.html> Дата обращения 12.01.2021.

Шейн 1893 – Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края

/ собр. и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 2: Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893.

Научная литература

- Буганов А. В.* (отв. ред.). Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / авторы А. В. Буганов, М. Г. Вандалковская, Л. А. Сидорова, А. Д. Соколова. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2012.
- Буганов А. В.* Исторические представления и самоидентификация русских Рязанского края // Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова. Т. I. М.: Индрик, 2009а.
- Буганов А. В.* Личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013.
- Буганов А. В.* Народный взгляд на историю Отечества (XIX — начало XX в.) // Очерки русской народной культуры / отв. ред., сост. И. В. Власова. М.: Наука, 2009б.
- Громыко М. М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000.
- Гронский А. Д.* А. В. Суворов и формирование образа врага в современной Белоруссии // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / под. ред. Д. Ю. Алексева, А. В. Арановича. Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2016 г. СПб.: СПбГУПТД, 2016.
- Дуцьц Л. У., Клімковіч І. Я.* Сакральная географія Беларусі. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011.
- Кабашников К. П.* Традиции героического эпоса в белорусском народном творчестве // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Клімуц Л. Я.* Сармацкая культура беларускай шляхты у XVI–XVIII стагоддзях. Мінск: Беларусь, 2013.
- Краюшкина Т. В.* Образ европейца в традиционном представлении русского народа (на материале пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем) // Филология и человек. 2017. № 4.
- Кротау А. М.* Польшча і палякі у светауспрыманні беларусаў (XVI–XVII ст.) // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию исторического факультета БГУ. Минск, 15–16 апреля 2004 г. / отв. ред. В. Н. Сидорцов. Минск: БГУ, 2004.
- Левкиевская Е.* Конфессиональный образ поляка в русской народной и письменной традиции // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000.
- Литвин Э. С.* Образ полководца Суворова в русском народном творчестве // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. IV. М.-Л., 1959.
- Лицкевіч А.* «Слава Воршы ужо не горша...» // Беларуская думка. 2009. № 3.
- Лобач В. А.* Богатыри, осилки и девы-воительницы в топонимических преданиях восточных славян // Балто-славянские исследования – XX. Сб. науч. трудов. М.: Изд-во Института славяноведения РАН, 2019.
- Лобач У. А.* Рускія, украінскія і польскія землі у міфапаэтычных уяўленнях беларусаў XIX – пачатку XX стагоддзя // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия. А. Гуманитарные науки. Культурология. 2009. № 1.
- Лушневская Е. В.* Героический эпос Беларуси XVI века (на примере Радзивиллиады Я. Радвана) // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы I Республиканской научно-практической конференции с международным участием. Минск, 23–24 февраля 2017 г. / отв. ред. О. Г. Прохоренко. Минск: Изд. центр БГУ, 2017.
- Марзалюк И.* Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов-русинов: от средневековья к модерну // Ab imperio. 2004. № 4.
- Мочалова В.* Польская тема в русских памятниках XVI в. // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000.
- Некрашевич-Короткая Ж. В.* События и лица российской истории второй половины XVI – второй половины XVII вв. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского // Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 2 (12).
- Новиков Ю. А.* Литва в русском фольклоре // Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. 2008. № 6.

Площук Г. И. Народные предания в заметках путешественников по Псковской губернии // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. № 11.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII-XVI вв. М.-Л.: АН СССР, 1960.

Середа Л. М., Иноземцева А. Э. Белорусы и европейцы: этнические гетеростереотипы в контексте межкультурной коммуникации // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт., прысвеч. 80-годдзю Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-годдзю гіст. адукацыі у Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы : у 2 ч. Ч. 1 / гал. рэд. А. А. Каваленя. Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2019.

Филлюшкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5: к 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / под ред. А. В. Петрова. СПб., 2016.

Чернявская Ю. В. Белорусы: от «тутэйшых» - к нации / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск: УАинформ, 2010.

Шелехов М. В. За Веру и Волю: Памяти героев и жертв Освободительной борьбы Белой Руси в XVI-XVIII веках против уничтожения Православия посвящается. Минск: А. Н. Вараскин, 2012.

References

Buganov, A. V. 2009. Istoricheskie predstavleniia i samoidentifikatsiia russkikh Riazanskogo kraia [Historical views and self-identification of the Russians of the Ryazan region]. In *Russkie Riazanskogo kraia* [Russians of the Ryazan Territory] / edited by S. A. Inikova. Vol. I. Moscow: Indrik.

Buganov, A. V. 2009. Narodnyi vzgliad na istoriiu Otechestva (XIX — nachalo XX v.) [Folk view of the history of the Fatherland (XIX - early XX centuries)]. In *Ocherki russkoi narodnoi kul'tury* [Essays on Russian folk culture] / edited by I. V. Vlasova. Moscow: Nauka.

Buganov, A. V. 2013. *Lichnosti i sobytiia v massovom soznanii russkikh krest'ian XIX – nachala XX v.: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Personalities and events in the mass consciousness of Russian peasants in the 19th - early 20th centuries: Historical and ethnographic research]. Moscow: Printsipium.

Buganov, A. V., ed. 2012. *Istoricheskaia pamiat' russkogo naroda ob Otechestvennoi voine 1812 goda* [The historical memory of the Russian people about the Patriotic War of 1812] / avtory A. V. Buganov, M. G. Vandalkovskaia, L. A. Sidorova, A. D. Sokolova. Tula: ZAO «Grif i K».

Cherniavskaia, Yu. V. 2010. *Belorusy: ot «tuteishykh» – k natsii* [Belarusians: from «Tuteyshih» to the nation] / edited by A. E. Tarasa. Minsk: UAinform.

Duchyts, L. U., and I. Ya. Klimkovich. 2011. *Sakral'naia geografiia Belarusi* [Sacred geography of Belarus]. Minsk: Literatura i Mastatstva.

Filiushkin, A. I. 2016. Zavoieniia Ivana Groznogo v pamiati potomkov [Conquests of Ivan the Terrible in the memory of descendants]. In *Paleorossia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh. Al'manakh. Vypusk 5: k 80-letiiu professora Igoria Iakovlevicha Froianova* [Paleorossia. Ancient Russia: in time, in individuals, in ideas. Almanac. Issue 5: to the 80th birthday of Professor Igor Yakovlevich Froyanov] / edited by A. V. Petrova. St. Petersburg.

Gromyko, M. M. 1991. *Mir russkoi derevni* [The world of the Russian village]. Moscow: Molodaia gvardiia.

Gromyko, M. M., and A. V. Buganov. 2000. *O vozzreniiakh russkogo naroda* [On the views of the Russian people.]. Moscow: Palomnik.

Gronskii, A. D. 2016. A. V. Suvorov i formirovanie obraza vraga v sovremennoi Belorussii [A. V. Suvorov and the formation of the image of the enemy in modern Belarus]. In *Voennaia istoriia Rossii XIX–XX vekov. Materialy IX Mezhdunarodnoi voenno-istoricheskoi konferentsii* [Military history of Russia in the XIX-XX centuries. Materials of the IX International Military History Conference] / edited by D. Yu. Alekseeva, A. V. Aranovicha. Sankt-Peterburg, 25–26 noiabria 2016 g. St. Peterburg: SPbGUPD.

Kabashnikov, K. P. 1958. Traditsii geroicheskogo eposa v belorusskom narodnom tvorchestve [Traditions of the heroic epic in Belarusian folk art]. In *Osnovnye problemy eposa vostochnykh slavian* [The main problems of the epic of the Eastern Slavs]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

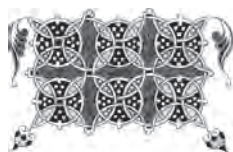
Klimuts, L. Ya. 2013. *Sarmatskaia kul'tura belaruskai shliakhty y XVI–XVIII stagoddziakh* [Sarmatian culture of the Belarusian nobility in the XVI-XVIII centuries]. Minsk: Belarus'.

- Kraiuschkina, T. V. 2017. *Obraz evropeitsa v traditsionnom predstavlenii russkogo naroda (na materiale poslovits i pogovorok, sobrannykh V. I. Dalem [The image of a European in the traditional representation of the Russian people (based on proverbs and sayings collected by V. I. Dal]. *Filologiya i chelovek* 4.*
- Krotay, A. M. 2004. *Pol'shcha i paliaki y svetaisprymanni belarusay (XVI-XVII st.) [Poland and Poles in the worldview of Belarusians (XVI-XVII centuries)]. In *XXI vek: aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu istoricheskogo fakul'teta Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta [XXI century: actual problems of historical science: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the history faculty of the Belarusian State University]. Minsk, 15-16 aprelia 2004 g. / edited by V. N. Sidortsov. Minsk: BGU.**
- Levkievskaya, E. 2000. *Konfessional'nyi obraz poliaka v russkoi narodnoi i pis'mennoi traditsii [The confessional image of the Pole in the Russian folk and written tradition]. In *Poliaki i russkie v glazakh drug druga [Poles and Russians in each other's eyes] / edited by V. A. Khorev. Moscow: Indrik.**
- Litvin, E. S. 1959. *Obraz polkovodtsa Suvorova v russkom narodnom tvorchestve [The image of the commander Suvorov in Russian folk art]. In *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniia [Russian folklore. Materials and research]. Vol. IV. Moscow-Leningrad.**
- Lobach V. A. 2019. *Bogatyri, osilki i devy-voitel'nitsy v toponimicheskikh predaniakh vostochnykh slavian [Heroes, donkeys and warrior maidens in toponymic legends of the Eastern Slavs]. In *Balto-slavianskie issledovaniia – XX. Sbornik nauchnykh trudov [Balto-Slavic studies - XX. Collection of scientific papers]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta slavianovedeniia RAN.**
- Lobach, U. A. 2009. *Ruskiia, ukraiinskiia i pol'skiia zemli y mifapaetichnykh uiaylenniakh belarusay XIX - pachatku XX stogoddzia [Russian, Ukrainian and Polish lands in the mythopoetic representations of Belarusians of the XIX - early XX centuries]. In *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. A. Gumanitarnye nauki. Kul'turologiya 1.**
- Lushnevskaya, E. V. 2017. *Geroicheskii epos Belarusi XVI veka (na primere Radziviilliady Ia. Radvana) [Heroic epos of Belarus of the 16th century (on the example of Y. Radvan's Radziwilliada)]. In *Linguvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiia: materialy I Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Linguistics, linguodidactics, cultural linguistics: topical issues and development prospects: materials of the I Republican scientific and practical conference with international participation]. Minsk, 23-24 fevralia 2017 g. / edited by O. G. Prokhorenko. Minsk: Izdatel'skii tsentr Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta.**
- Litskevich, A. 2009. «Slava Vorshy yzho ne gorsha...» [«The glory of Vorsha is not bitter ...»]. *Belaruskaya dumka* 3.
- Marzaliuk, I. 2004. *Velikoe kniazhestvo Litovskoe v istoricheskoi pamiati belorusov-rusinov: ot srednevekov'ia k modernu [The Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of Belarusians-Rusyns: from the Middle Ages to modernity]. *Ab imperio* 4.*
- Mochalova, V. 2000. *Pol'skaya tema v russkikh pamiatnikakh XVI v. [The Polish theme in Russian monuments of the 16th century.]. In *Poliaki i russkie v glazakh drug druga [Poles and Russians in each other's eyes] / edited by V. A. Khorev. Moscow: Indrik.**
- Nekrashevich-Korotkaya, Zh. V. 2012. *Sobytiia i litsa rossiiskoi istorii vtoroi poloviny XVI - vtoroi poloviny XVII vv. v pamiatnikakh latinoiazychnoi poezii Velikogo kniazhestva Litovskogo [Events and faces of Russian history in the second half of the 16th - second half of the 17th centuries. in the monuments of Latin-language poetry of the Grand Duchy of Lithuania]. *Peterburgskie slavianskie i balkanskie issledovaniia* 2 (12).*
- Novikov, Yu. A. 2008. *Litva v russkom fol'klore [Lithuania in Russian folklore]. *Khudozhestvennyi tekst: Vospriiatie. Analiz. Interpretatsiya* 6.*
- Ploshchuk, G. I. 2020. *Narodnye predaniia v zametkakh puteshestvennikov po Pskovskoi gubernii [Folk legends in the notes of travelers in the Pskov province]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»* 11.*
- Putilov, B. N. 1960. *Russkii istoriko-pesennyi fol'klor XIII–XVI vv. [Russian historical song folklore of the XIII-XVI centuries.]. Moscow-Leningrad: AN SSSR.*
- Sereda, L. M., and A. E. Inozemtseva. 2019. *Belorusy i evropeitsy: etnicheskie geterostereotipy v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii [Belarusians and Europeans: Ethnic Heterostereotypes in*

the Context of Intercultural Communication]. In *Belarus' u kantekestse eyrapeiskai gistoryi: asoba, gramadstva, dziarzhava* [Belarus at kantekestse eyrapeyskay history: asoba, gramadstva, dzyarzhava]: zb. navuk. art., prysvech. 80-goddzium Grodzen. dziarzh. un-ta imia Ianki Kupaly i 65-goddzium gist. adukatsyi y Grodzen. dziarzh. un-tse imia Ianki Kupaly: u 2 pt. Pt. 1. / edited by A. A. Kavalenia. Grodna: GrDU imia Ianki Kupaly.

Shelekhov, M. V. 2012. *Za Veru i Voliu: Pamiati geroev i zhertv Osvoboditel'noi bor'by Beloi Rusi v XVI–XVIII vekakh protiv unichtozheniia Pravoslaviia posviashchaetsia* [For Faith and Freedom: Dedicated to the memory of the heroes and victims of the Liberation struggle of White Russia in the 16th-18th centuries against the destruction of Orthodoxy]. Minsk: A. N. Varaskin.

THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH IN THE NATIONAL HISTORICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: GENERAL AND SPECIAL

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ТРИПТИХА ПАВЛА КОРИНА «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Аннотация. Статья посвящена истории написания П. Д. Кориним известной его картины-триптиха «Александр Невский». Картина писалась в нелегких условиях идеологической цензуры, поэтому художнику пришлось вносить изменения в первоначальный замысел. Образ главного героя был связан с прообразом ветхозаветного царя и псалмопевца пророка Давида и отражал целый комплекс сложных символических представлений автора о власти и ее значении для общества. Автор статьи опирается на редкие, не публиковавшиеся материалы, которые позволяют в значительной степени реконструировать весь творческий путь художника, связанный с данной картиной.

Ключевые слова: художник Павел Корин, картина-триптих «Александр Невский», советская идеологическая цензура, послевоенное время, ветхозаветный прообраз царя Давида, символика, реконструкция, первоначальный замысел художника.

Abstract. The article is devoted to the history of P. D. Korin's writing of his famous painting-triptych «Alexander Nevsky». The painting was painted in difficult conditions of ideological censorship, so the artist had to make changes to the original design. The image of the protagonist was associated with the prototype of the Old Testament king and psalmist prophet David and reflected a whole complex of complex symbolic representations of the author about power and its significance for society. The author of the article relies on rare archival, unpublished materials, which make it possible to largely reconstruct the entire creative path of the artist associated with this painting.

Key words: Artist Pavel Korin, painting-triptych «Alexander Nevsky», soviet ideological censorship, post-war period, the Old Testament prototype of Tsar David, symbolism, reconstruction, the artist's original idea.

Энеева Наталья Тимуровна (Eneeva Natalia Timurovna) - научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН, кандидат искусствоведческих наук

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 67-75

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК — 821.161; ББК — 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/67-75>

«Не в силе Бог, а в правде»
св. блгв. кн. Александр Невский

Данная статья посвящена реконструкции первоначального замысла художника Павла Дмитриевича Корина при работе его над триптихом «Александр Невский», осуществлявшейся в 1942-1943 г. Вот его общий вид, как он существует сейчас.

В центральной части изображен св. благоверный князь Александр Невский, левая часть называется «Северная баллада» и отсылает зрителя в глубь истории, к древним народным корням русской земли; правая часть сейчас носит название «Старинный сказ».

час, а две фигуры: святитель Николай Мирликийский, в иконографии так называемого «Николы Можайского»², показанный как фресковое изображение на стене храма, и юноша с пращей в руке в русском costume, прототипом которого был один из героев эскизов Корина к задуманной им картине «Русь уходящая» - «Молодой монах отец Федор».

Этим молодым монахом был прославленный ныне в лике новомучеников Российских преподобномученик Федор (Богоявленский, память 19 июля)³, скончавшийся в тюрьме в 1943 г. Когда

«Северная баллада»

«Александр Невский»

«Старинный сказ»

Триптих был заказан Корину Комитетом по делам искусств в 1942 г. в связи с подготовкой в Третьяковской галерее выставки под названием «Великая Отечественная война». Согласился он не сразу, говоря, что это тема для исторического живописца, однако осенью 1942 г. приступил к работе. По собственным словам Корина, он «писал в мастерской... и думал» о героях «народных былин. О таких говорилось в древних повестях: «Се бо люди крылаты!». Это они выстояли и вражеские нашествия... сохранив нетленной возвышенную, благородную душу нации» (Дом П. Д. Корина 1975: 72-73).

Источником дальнейшей информации, о которой пойдет речь, является Прасковья Тихоновна Корина, жена художника, с которой автор статьи лично общалась в 1975 г.¹

По словам Прасковьи Тихоновны, первоначально правая часть триптиха выглядела иначе - на ней были изображены не четыре, как сей-

Правая часть триптиха «Александр Невский»
с выделенной позднейшей записью

П. Д. Корин. «Русь уходящая». Эскиз. 1935–1959 гг.

П. Д. Корин писал его портрет в 1932 г., непосредственно перед первым арестом и ссылкой, последовавшими в 1933 г., о. Федор говорил художнику, что от него требуют снять рясу и что, если он не придет на очередной сеанс писания портрета, это значит, что он арестован. Интересно, что Корин переносил его изображение в правую часть триптиха «Александр Невский» в 1943 г., именно в то время, когда о. Федор был замучен в тюрьме, о чем Корин тогда, конечно, не знал.

П. Д. Корин. «Молодой монах отец Федор». Портрет прпмч. о. Феодора (Богоявленского). 1932 г. (справа)

Таким образом, как видно, правая часть триптиха «Александр Невский» была посвящена православной святости и духовному подвижничеству. По сути, это была «парафраза» «Руси уходящей» - попытка дать краткую формулу содержания огромной задуманной, но не написанной картины, все эскизы к которой были закончены Кориним до начала войны.

Очевидно, что приемочная комиссия поняла православный контекст правой части триптиха и потребовала ее переписать. Прасковья Тихоновна рассказывала о том, каким тяжелым потрясением было для Павла Дмитриевича это решение. В конце концов, чтобы спасти свою работу, он решил ее записать, сохранив основные фигуры не уничтоженными. Изменить что-либо в содержательной структуре картины означало для него загубить смысл всего триптиха. Тогда он поступил иначе - он загубил художественную форму, сохранив содержательную структуру в основе нетронутой. Перед ним стояла, очевидно, тройная задача. Во-первых, убедить комиссию художественного совета, что картина кардинально переделана; во-вторых, дать искусствоведам будущего профессиональный ключ к раскрытию тайны картины; и в-третьих, оставить будущему художнику максимально ясные указания к восстановлению истинного облика полотна.

Фрагмент эскиза картины «Русь уходящая». Преподобномученик Федор (Богоявленский) – третий справа в первом ряду

плечом ему в грудь) фигуру «первого кто попадет во дворе»⁴ – местного дворника, а позже в центре картины очень искусно вписал портрет знаменитой тогда в Москве сказительницы русских преданий и сказок Марии Дмитриевны Кривоколеновой, хрупкая фигура которой позволила максимально сохранить образ заслоняемого ею свт. Николая.

Осуществлению второй цели – привлечению внимания профессионалов-искусствоведов – должна была послужить очевидная неестественность получившейся композиции и четкая расслоенность ее изобразительных планов и цветовой гаммы: все позднейшие записи выполнены в более теплых тонах и, по сути, наложены, как аппликация, «поверх» оригинального изображения.

Осуществление Кориним третьей задачи поистине удивительно: он сумел так разместить громадные массы краски – а записана практически половина полотна – что основные «сюжетные» линии картины оказались либо незаслоненными, либо ясно угадываемыми, так что их легко мысленно восстановить почти только одним продлением видимых линий на записанные части картины. Более того, в складках одежды крайней справа фигуры прочтываются контуры заслоненной ею руки

Вариант позднейшей авторской редакции триптиха «Александр Невский» с замененной правой частью

Первая цель достигнута Кориним, главным образом, перебоем в масштабах фигур – из-за их разновеликости картина, при беглом взгляде на нее, меняется до неузнаваемости. В правой части Корин поставил (заметим – нарочито грубо, прямо на ноги о. Федору, «упираясь»

о. Федора. Таким образом, Корину удалось оставить основные конструктивные линии картины прочтываемыми и первоначальный замысел восстанавливаемым.

Но все это было рассчитано на будущую реставрацию. На момент сдачи работы (в

измененном варианте ее приняли) общий вид триптиха был композиционно испорчен, правая часть перегружена и, кроме того, колористически выбивалась из целого. Общий смысл изображения кардинальным образом сместился в сторону фольклора - жанра, Корину, вообще говоря, совершенно не свойственного. Павел Корин - не бытописатель народных типов, его интересует другое - духовная жизнь в ее историческом и национальном воплощении. В данном же случае фольклорная тема стала непроходимой стеной между нами и подлинным обликом картины, заслоняя, но и защищая до времени ее реальное содержание.

Корин позже даже предпринимал попытки заменить правую часть триптиха новой композицией, главный смысл которой заключался в том, чтобы сохранить двухчастный ритм и симметрию сторон триптиха в целом: художник создал эскиз, на котором был изображен сюжет типа «Пьета» - «Оплакивание», - отсылавший зрителя к одноименным сюжетам, распространенным в позднем европейском Средневековье. Но попытка эта была, в конечном счете, неудачной, не признанной самим мастером - результат ее был неравнозначен утраченному первоначальному образу.

В дальнейшем, на выставках экспонировались зачастую только две части триптиха -

Образ святителя Николая Мирликийского в иконографии «Никола Можайский» на Никольской башне Московского Кремля (слева)

жение пытались спасти тем, что правую часть повесили в центр. Композиционное целое от этого, конечно, не выиграло, однако, возможно, создатели выставки хотели таким образом привлечь внимание зрителя к особой смысловой значимости правой части композиции.

Мы приводим здесь нашу собственную, очень приблизительную, компьютерную реконструкцию правой части триптиха «Александр Невский» с целью дать хотя бы самое общее представление о первоначальной композиции как ее, так и триптиха в целом.

Что же видим мы, условно «удалив запись»: перед нами «Русский Давид» - юноша с пращей. Праща в руке - очевидная отсылка к образу ветхозаветного Давида, поразившего Голиафа пращей.

Причина появления в картине П. Д. Корина образа святого пророка и царя Давида в значительной мере обусловлена тем, что как художник он ориентировался прежде всего на искусство итальянского Возрождения, в профессиональном плане бывшее для него эталоном⁵. Юноша с пращей в его картине есть, безусловно, реплика «Давида» Микеланджело, огромная фотография которого висела в его мастерской среди других фотографий и гипсовых копий античной и ренессансной классики. Надо заметить, что появление этого образа в традиционном русском историческом и, так сказать, идеологическом контексте довольно необычно: образ чудесной победы устойчиво связывался в русском искусстве с великомучеником Георгием Победоносцем; этой традиции не изменил даже скульптор-француз Фальконе, выполняя парадный портрет Петра Великого на набережной в Санкт-Петербурге (называемый, с подачи А. С. Пушкина, «Медным всадником»).

Приблизительная реконструкция правой части триптиха «Александр Невский» (справа)

центральная и левая, как, например, на выставке «Культура и искусство Древней Руси» в начале 1970-х гг. (Дом П. Д. Корина 1975: 73). Интересно, что на юбилейной выставке 1993 г., к столетию со дня рождения художника, поло-

В традиционном русском православном сознании Давид ассоциировался прежде всего с образом пророка и псалмопевца и изображался с лютней. Но «Давид» Микеланджело - это еще не царь и не пророк, а почти безоружный пастух, вышедший на бой с вооруженным гигантом и победивший его, - это символ победы силой веры. Действительно, ведь «праща в руках

лог будущей победы». Отец Федор (Богоявленский) предстает в картине Корина как «воин Христов», то есть одним из «воинов» в триптихе Корина изображен монах, верный своему обету. Не случайно, поэтому, говоря в официальной прессе о смысле своей работы о войне, Корин употребил слова: «Се бо люди крылаты!». Ведь монашеский чин - «ангельский».

Примерная реконструкция первоначального вида триптиха «Александр Невский»

Давида» есть символ победы «во имя Божие»: «Ты идешь на меня с мечом, копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, говорит Давид Голиафу <...> ныне предаст тебя Господь в руку мою <...> и узнает земля, что есть Бог в Израиле; и узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это война Господа и Он предаст вас в руки наши» (1 Цар. 17: 45-47). Иначе говоря, в данном сюжете образ Давида синонимичен понятию «победитель», особенностью же картины Павла Корина является то, что это определение относится им к образу христианского мученика. Семантическое поле картины обладает формульной ясностью, построено с четкостью логического высказывания: «субъектом» его является образ преподобномученика Феодора; «предикатом» - «Давид-победитель»; «заключением» - «иеромонах отец Федор - победитель».

Таким образом, опираясь на общепризнанный авторитет мировой художественной классики⁶, Корин, во-первых, вводит в свою картину библейский сюжет, во-вторых, указывает на подвиг российских новомучеников, на протяжении четверти века служивших целью самой яростной атаки безбожной власти, как на «за-

Не случаен, в этом контексте, и выбор художником второго персонажа правой части триптиха - святителя Николая Чудотворца. «Правило веры и образ кротости» - так именуется он в богослужебных текстах. Но и о ветхозаветном Давиде Псалтырь говорит: «Помяни, Господи, Давида и всю кротость его!» (Пс. 131, 1). Корин указывает на духовные качества, прямо противоположные грубой силе, которая тем самым выявляется как тот враг, которому и противостоит «воинство Христово».

Безусловно неслучайно и то, что образ святителя Николая Корин дает в той именно иконографии, что и икона на Никольской башне Московского кремля, расстрелянная революционерами в 1917 г. и ко времени написания картины замурованная в стену башни.

Обратимся теперь к образному строю первоначального замысла коринского триптиха в целом, как он предстает из проведенной нами со слов вдовы художника П. Т. Кориной реконструкции.

Содержание триптиха «Александр Невский» можно было бы назвать «формулой нашей победы» - ее слагаемыми являются народность (в левой части) и вера (в правой).

Триптих может быть прочитан и как образная презентация формулы «Православие-самодержавие-народность» (только в обратном порядке, если читать слева направо - «народность-самодержавие-православие», по возрастающей). Но в то же время очевидно, что, по первоначальному замыслу художника, смысловым центром, задающим глубину образному строю всей композиции и создающим ее особенность, является именно ее правая часть, говорящая о духовной составляющей победы. «Не в силе Бог, а в правде», - такой подзаголовок можно было бы дать этой работе.

В этой связи, значимым представляется первоначальный отказ П. Корина принять заказ на картину со ссылкой на то, что здесь нужен «исторический живописец». Себя он, следовательно, таковым не считал. Это мы сейчас в его полотнах видим запечатленную историю Церкви XX века, он же писал живую, современную ему святость. Он изначально был иконописцем, то есть писателем ликов святых и событий Священной истории, то есть был, собственно, запечатлителем действий Святого Духа в людях и в истории. И в эскизах к «Руси уходящей» он продолжал свое дело - писание ликов святых, только уже не перешедших в мир иной, а живых - своих современников. В этом смысле, можно сказать, что «Русь уходящая» есть портрет Церкви и, одновременно, портрет «Святой Руси» - той же, которая в одноименной картине его наставника и учителя М. В. Нестерова, но - в новых условиях, во время гонений. В то же время можно сказать, что «Русь уходящая» - это «явление» Церкви, то есть активное обращение Церкви к миру, «выявление» себя для мира, - обратим внимание, что все персонажи на общем эскизе стоят спиной к иконостасу (хотя по сюжету картина должна изображать последнее богослужение в Успенском соборе перед его закрытием и, следовательно, молящиеся должны стоять лицом к алтарю) - то есть, в сущности, они являются частью иконостаса собора, обращенного к нам, зрителям. Иначе говоря, по своему смыслу «Русь уходящая» есть именно «Иконостас» или икона Церкви новомучеников Российских XX века.

Исследователями отмечалась эсхатологическая составляющая образного строя «Руси уходящей». Здесь очевидна еще одна переключка с мировыми шедеврами. В данном случае это - «Снятие пятой печати» Эль Греко, хотя выполненное совершенно другими средствами и в иной культурной и духовной традиции, - сю-

жет, представляющий собой собрание пред престолом Божиим мучеников гонений на христиан. Иными словами, картина Корина, известная под названием «Русь уходящая», - откровение апокалиптической Церкви - Церкви «последних времен», образ сбывающегося пророчества.

Митрополит Ювеналий (Поярков), говоря о картине П. Корина «Русь уходящая», сказал однажды, что следовало бы ее назвать «Русь непреходящая». Продолжая эту мысль, можно, наверное, назвать картину Корина также - «Церковь воинствующая и торжествующая»⁷, триптих «Александр Невский» - «Русь непобедимая», а правую часть триптиха - «Сим победиши!». Включая имплицитно сюжет «Руси уходящей» в состав триптиха «Александр Невский», Корин хотел, очевидно, сказать, что залогом победы является святость, чистота и величие души народа, неоднократно являвшейся в историческом прошлом и ныне являемой непомерным духовным подвигом исповедания Православной веры Российской Церковью; народ, в котором есть такие исповедники, как преподобномученик Федор (Богоявленский), не может быть побежден, потому что его война «становится войною Господа» (1 Цар. 17-47); народ победит силою духа, который возделала в нем Церковь, а Церковь - это те, кто стоит за Истину вплоть до смерти.

Корин писал свой триптих осенью 1942 - весной и летом 1943 г. 4 сентября 1943, как мы знаем, произошел резкий поворот в отношении тогдашней российской власти к Церкви. Можно, и правомерно, задаться вопросом, не внес ли и Павел Дмитриевич Корин свою лепту в то, что этот поворот стал возможен. И хотя картину в то время не приняли, и ее пришлось переписать, но смысл ее, очевидно, был понятен тогда всем.

Публикуя данную статью, мы очень надеемся на то, что в конце концов «Старинный сказ» будет подвергнут современным средствам просвечивания, по которым возможна будет научная реконструкция работы. Авторскую запись счищать, конечно, невозможно, она сама по себе виртуозна, а образ М. Д. Кривоколеновой представляет собой самостоятельное выдающееся произведение портретного жанра. Однако, может быть, по итогам реальной компьютерной реконструкции кто-нибудь из художников возьмет на себя труд создания восстановленной копии первоначального вида правой части работы Павла Дмитриевича Корина.

Примечания

¹ Доверительный тон общения был обусловлен тем, что встречу инициировал один из ближайших друзей семьи Павла Дмитриевича и Прасковьи Тихоновны Кориных – художник и ученик Павла Дмитриевича Серафим Александрович Зверев, сын священномученика прот. Александра Зверева. Одним из участников беседы был Николай Алексеевич Желтухин, ближайших друг и душеприказчик Зверевых, супруг Марины Михайловны Громыко, памяти которой посвящен данный выпуск журнала «Традиции и современность».

² По преданию, иконография «Никола Можайский» ведет свое происхождение от чудесного видения, бывшего жителем осажденного татарами Можайска в XIII в., – свяtitель явился в небе с мечом в одной руке и городом в другой, как бы защищая его и грозя врагам, которые после этого видения бежали. Эта иконография впоследствии стала одной из самых любимых и распространенных на Руси.

³ Прпмч. Федор (Олег Павлович Богоявленский, 1905–1943) – иеромонах. Родился в семье российского консула в Персии. Рано потеряв отца, убитого персами в 1911 г., он вернулся в Россию с матерью, сестрой и братом. С 1923 по 1926 г. учился на медицинском факультете Московского университета, который вынужден был оставить из-за необходимости содержать мать и сестру. До 1929 г. был прихожанином Высокопетровского монастыря, по благословению настоятеля которого, архиепископа Варфоломея (Ремова), духовным наставником его стал насельник Зосимовой пустыни архимандрит Никита (Курочкин). В 1930 г. принял постриг с именем в честь прп. Федора Студита. Первый раз арестован 28 марта 1933 г. по доносу одного из бывших насельников Высокопетровского монастыря. Отличался необыкновенным мужеством и твердостью во время допросов, о чем свидетельствуют его следственные дела. Три года ссылки отбывал на Дальнем Востоке. По освобождении из ссылки принял священство в 1937 г. в храме апостолов Петра и Павла на Преображенской площади в Москве. Служение его отличалось «великой ревностью и самоотверженностью». За отказ доносить на прихожан был выслан из Московской области. Арестован второй раз 8 июля 1941 г., скончался в тюрьме города Балашиха 19 июля 1943 г. Причислен к лику святых новомучеников Российских юбилейным Собором Русской православной Церкви 2000 г. (*Дамаскин* 2001: 105–130).

⁴ Собственные слова Павла Дмитриевича, как их передавала Прасковья Тихоновна.

⁵ Обсуждение причин, по которым П. Д. Корин ориентировался именно на Возрождение, выходит в данном случае за рамки нашей конкретной задачи. Заметим только, что и сознательно, и по своему психологическому складу, П. Корин самую суть искусства понимает, как преимущественно «титаническую деятельность», а эпоху Возрождения как наиболее адекватное, внятное выражение этой художественной сверхзадачи. Постоянная тема П. Корина, во всех его работах, – «титаны духа», или, иначе, «сила духа», «духовная сила». «Сила» в творчестве П. Корина выступает как одна из ключевых категорий христианской духовности. Действительно, апостол Павел употребляет это понятие как одно из имен Божиих: «А мы проповедуем Христа распятого <...> Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор. 1: 23–24); «Царство Божие не в слове, а в силе» (1 Кор. 4: 20). Но в определение «силы» как положительной категории христианской духовности, непрменной составляющей входит «немошь»: «Господь сказал мне <...> сила Моя совершается в немощи. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова <...> когда я немощен, тогда силен». (2 Кор. 12: 9–10). Поэтому так важны горбуны и калеки в этюдах к большой картине Корина. Они присутствуют здесь не столько для того, чтобы продемонстрировать призыв к странноприимству и милосердию, но как самые «титаны духа», как равноправные среди героев картины и даже, более того, как герои буквально «первого плана»: кажется, что они как вратарники или ключари имеют власть впустить или не впустить нас во внутривхрамовое пространство, потому что через отношение к ним как бы проверяется отношение зрителя к Самой Истине, то есть ко Христу, сказавшему: «Так как вы сделали [или не сделали] это [то есть добро] одному из сих братьев Моих меньших, то сделали [или не сделали] Мне» (Мф. 25: 40–45). Эти коринские нищие служат как бы неким «знаменателем» для всех остальных персонажей картины. В конечном счете, все персонажи картины Корина оказываются приравнены мерой подвига, силой духа и веры. В образах коринских нищих, видимо, нашел осуществленной свою цель А. М. Горький, некогда пытавшийся изображать «босняка» как человека, очищенного от житейской пошлости; однако, лишенные духовного христианского

наполнения, созданные Горьким образы смогли лишь послужить Д. С. Мережковскому материалом для написания книги «Грядущий хам». В этом смысле, ту опеку, помощь и заботу, которую Горький оказывал Корину и без которой автор «Руси уходящей» не избежал бы репрессий, можно считать продолжением творческой биографии писателя. Большая картина Корина служит в то же время своего рода «ответом» «Крестному ходу» И. Е. Репина и вообще искуплением безусловной моральной вины, лежащей на русском искусстве XIX в., так называемых «передвижниках», за ту тенденциозность, которую они допускали в своем творчестве в угоду нигилистическим настроениям общества, когда касались церковной темы. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить этюды Репина к его «Крестному ходу на Пасху» с

конечным вариантом картины: например, центральный ее персонаж - горбун с мрачным выражением «бессмысленной устремленности» - в написанном с натуры этюде представляет собой молодого человека с мягким, кротким, добрым лицом.

⁶ Интересно, что для Микеланджело образ ветхозаветного Давида был также символом прежде всего духовного подвига: «Давид - пращою, я - резцом», - строка одного из стихотворений Микеланджело.

⁷ Ср.: прот. Георгий Флоровский писал в 1922 г.: «На наших глазах поместная русская церковь, не выступая ни на шаг из самим временем освященных форм и одеяний, стала действенной, горячей, властной и учительной - снова, как древле, сделалась церковью торжествующей - в силе Духа...» (Флоровский 1998: 161).

Научная литература

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы. Т. 5. Преподобномученик Феодор (Богоявленский). Тверь, 2001.

Дом П. Д. Корина. М., 1975.

Флоровский Георгий. Из прошлого русской мысли. М., 1998.

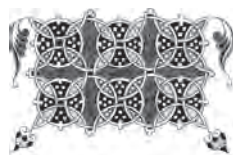
References

Orlovskii, Damaskin. 2001. *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX stoletia. Zhizneopisaniia i materialy*. Vol. 5. Prepodobnomuchenik Feodor (Bogoiavlenskii) [Martyrs, confessors and devotees of piety of the Russian Orthodox Church of the 20th century. Biographies and materials. Volume 5. The Monk Martyr Theodore (Bogoiavlenskii)]. Tver.

Dom P. D. Korina [House of P. D. Korin]. 1975. Moscow.

Florovskii, Georgii. 1998. *Iz proshlogo russkoi mysli* [From the past of Russian thought]. Moscow.

THE INITIAL CONCEPT OF THE TRIPTYCH OF PAUL KORIN «ALEXANDER NEVSKY»

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2021 Н. П. Матханова
Россия, Новосибирск

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О МАРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ГРОМЫКО И ЕЕ РАССКАЗ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Текст включает в себя воспоминания о М. М. Громько как научном руководителе автора статьи, а также запись интервью, где воспроизводятся важные биографические данные из жизни Громько и академической среды Новосибирска 1960–1970-х годов. Автор отмечает причины, по которым Громько не писала своей биографии, в том числе – в связи с репрессиями, через которые прошли семья ее отца и ее родственники, и сложностью жизни советского времени для вынесения определенных оценок происходящего.

Ключевые слова: воспоминания о М. М. Громько, интервью, научное руководство, академическая среда, историки в Новосибирске в 1960-е – 1970-е годы, мифы вокруг имени ученого.

Abstract. The text includes memories of M. M. Gromyko, as the scientific advisor of the author of the article, but includes a recording of an interview, which reproduces important biographical data from the life of Gromyko and the academic environment of 1960–1970s in Novosibirsk. The author notes the reasons why Gromyko did not write her biography, due to the repressions through which the family of her father and their relatives went through, the complexity of life in Soviet times for making certain assessments of what was happening.

Key words: Memories of M. M. Gromyko, an interview with her, scientific leadership, the academic environment of historians in Novosibirsk in the 1960s–1970s, myths that arose around the name of the scientist.

Матханова Наталья Петровна (Matkhanova Natalia Petrovna) – главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, доктор исторических наук, pmatkhanova@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 76–85

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 821.161; ББК – 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/76-85>

Горестная весть о кончине Марины Михайловны Громько вызвала чувство осиротелости. Она сыграла огромную роль в моей жизни. Еще не познакомившись с нею лично, я и многие сибирские студенты-историки моего и нескольких следующих курсов знали («проходили») ее работы. Кое-кто из новосибирцев слышал о необыкновенной ученой даме - историке, молодой (ей не было еще 40 лет) красавице, защитившей докторскую диссертацию и тогда же разведшейся и вновь вышедшей замуж. А вскоре шепотом начали рассказывать о ее участии в политическом деле.

Вероятно, необходимы некоторые пояснения.

М. М. Громько перешла на работу в Новосибирск в 1959 г., став одним из первых сотрудников «Постоянной комиссии по общественным наукам Сибирского отделения АН СССР». Это было необычное и оригинальное подразделение. Первоначально «отцы-основатели» Академгородка вообще хотели обойтись без общественных наук, опасаясь идеологических контролеров. По мнению специалистов по истории Сибирского отделения, причинами создания гуманитарных учреждений стали, помимо давления парторганов, и практические потребности - надо было принимать кандидатские экзамены и преподавать общественные дисциплины в НГУ. Как вспоминала сама М. М. Громько, необходимо было еще и руководить теми гуманитарными институтами, которые находились в составе филиалов, вошедших в состав Сибирского отделения. Постоянная комиссия вскоре была преобразована в Отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства, преемником которого стал созданный в 1966 г. Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ).

М. М. Громько, прошедшая в МГУ прекрасную школу под руководством академика С. Д. Сказкина, почти сразу после переезда в Новосибирск стала ключевой фигурой в определении основных направлений исторических исследований. Она являлась одним из основных авторов и членом редколлегии второго тома «Истории Сибири», консолидировала вокруг себя людей, которые стремились серьезно заниматься наукой. Академик Н. Н. Покровский отмечал, что М. М. Громько одной из первых в отечественной исторической науке обратилась к изучению «тех явлений общественного сознания сибирских крестьян, которые формировали

их трудовые навыки, привычки умелого ведения хозяйства, мирскую солидарность». При этом «впервые в годы господства официального атеизма она осмелилась акцентировать внимание на сведениях выявленных ею источников, свидетельствовавших о том, что основой этих навыков являлась искренняя и прочная православная вера сибиряков».

Нонконформизм, самостоятельность мышления и поведения, присущие Марине Михайловне, проявились и в другом эпизоде из ее жизни, когда она, наряду с несколькими учеными Академгородка, подписала в 1968 г. известное «письмо 46-ти». В нем был высказан протест против «нарушения принципа гласности и законности» во время одного из процессов против диссидентов. Последовали «проработки» и отстранение от преподавания в университете, а негласно - и от руководства аспирантами в Институте. Кажется, я стала ее первой аспиранткой очного обучения после 1969 г. При этом научный авторитет Громько был непререкаем, профессиональная репутация высочайшей.

В аспирантуру к Марине Михайловне я попала благодаря настойчивым хлопотам моей

мамы Е. И. Матхановой. Историк, некогда студентка ИФЛИ и выпускница МГУ, преподаватель Новосибирского пединститута, она была знакома с Громыко, как и с другими сотрудниками ИИФиФ. В 1971 г. я окончила пединститут с красным дипломом и рекомендацией в аспирантуру, но пришлось «отрабатывать» по распределению в школе в далеком городке Новосибирской области. За три года удалось сдать все кандидатские экзамены - тогда это разрешалось, и в таком случае не надо было сдавать вступительные. Это было важно еще и потому, что на вступительных сдавали историю КПСС, а в числе кандидатских сдавали менее политизированный экзамен по философии. Почти все это время велись переговоры об аспирантуре. Марина Михайловна согласилась практически сразу, но предупредила, что ее могут не утвердить. Она даже предложила оформить руководителем кого-нибудь другого, например, Л. М. Горюшкина, сказав, что она с ним договорится и что фактически руководить будет сама. После некоторых колебаний мы отказались. В конце концов было получено разрешение директора Института А. П. Окладникова и заведующего сектором Л. М. Горюшкина, и в декабре 1974 г. состоялись мое зачисление в аспирантуру и утверждение Громыко научным руководителем. К тому времени, когда я начала заниматься под ее руководством - а это произошло за несколько месяцев до официального оформления, - Марина Михайловна уже несколько лет изучала историю общественной мысли и общественного движения в Сибири. В списке ее трудов значится несколько статей конца 1960-х - начала 1970-х гг., относящихся к этой тематике (*Громыко 1968: 20-31; Громыко 1971а: 121-132; Громыко 1971б: 58-71; Громыко 1974: 259-298; Громыко 1975: 131-152*).

Ориентируясь на эти свои новые интересы и учитывая, что моя дипломная работа была посвящена педагогической деятельности народников в сибирской ссылке, Марина Михайловна предложила мне тему «Воспитанники декабристов в Сибири». Сразу указала, на кого следует обратить внимание: дети священника С. Я. Знаменского, друга Фонвизиных и других декабристов (напомню, что в это время Громыко изучала историю пребывания Ф. М. Достоевского в Сибири), дети купца П. К. Боткина, ведшего торговлю в Кяхте (предположение не оправдалось), и, наконец, ученик декабристов Н. А. Белоголовый. В том же разговоре настойчиво рекомендовала, не откладывая, от-

правляться в Москву, в Отдел рукописей Ленинки (ныне РГБ), где хранился архив Белоголового. Материалы этого фонда стали основой для кандидатской диссертации «Кружок Белоголовых в общественно-политической жизни Восточной Сибири 1850-х - 1860-х годов». Сразу после возвращения Марина Михайловна пригласила меня к себе домой (это было нормой в Академгородке) для подробного рассказа об архивных находках. Отчет и его обсуждение продолжались довольно долго, она вообще щедро тратила на своих учеников и силы, и время. В ходе беседы прозвучал совет (скорее требование): составить план-проспект будущей работы и расписать, как обеспечены источниками отдельные пункты, что из этих

источников уже изучено, а что и когда будет изучаться. Дала еще одну практическую рекомендацию: во время работы в архивах и библиотеках делать записи не в тетрадях, а на отдельных листах, и лучше только с одной стороны - тогда по мере накопления выписок их легче будет сортировать. Такие встречи-беседования проходили регулярно, обсуждались и результаты архивных и библиотечных разысканий, и фрагменты диссертации - по мере их написания.

Приведу еще несколько эпизодов из аспирантских лет. В 1976 г. мы обе работали в Рукописном отделе Пушкинского дома, и во время обеденного перерыва Марина Михайловна повела меня в академическую столовую, при-

чем в профессорский зал. В те времена в Ленинграде поехать командировочному, да еще и с больным желудком, было не очень просто. Я пыталась отказаться, так как в профессорском зале аспирантам питаться не полагалось. Окончательно в смущение меня вогнало ее решение заплатить за нас обеих, причем попытки сопротивляться были пресечены решительно. Марина Михайловна сказала: «Вот когда Вы станете профессором, тоже сможете платить за своих аспирантов». Понятно, что тогда эти слова не могли быть восприняты всерьез... В том же 1976 г. я отдала первую статью в институтский сборник и вдруг получила выговор от своего научного руководителя: «Пока Вы моя аспирантка, я за Вас отвечаю. И ничего в печать без моего разрешения не отдавайте, сначала я должна прочесть». Марина Михайловна читала и правила все мои тексты вплоть до защиты диссертации. Машинописные странички первого варианта доклада на одной из конференций с ее правкой попросил Государственный архив Иркутской области - как автограф М. М. Громько. Так со своими аспирантами возились далеко не все.

В 1977 г. Громько уехала в Москву. Этому предшествовали довольно неприятные объяснения с местным партийным начальством - ей не могли простить бескомпромиссности, смелости и принципиальности. После ее отъезда встречи с Мариной Михайловной случались только во время моих командировок в Москву для работы в архивах. Мы виделись и в Ленинке, и в Институте этнографии, и у нее дома на улице Правды, и в Щербинке. Иногда я являлась со скромными подарками, на что, как правило, мне выговаривали, что не надо тратить. Но было исключение. И Марина Михайловна, и особенно ее муж, Юрий Борисович Стракач, занимавшийся православной педагогикой, были довольны привезенным от о. Бориса Пивоварова учебным пособием по истории православной культуры (Православная культура 2002, 2004). Это была электронная версия на CD, и Марина Михайловна оценила удобство ее использования в преподавании. Регулярно мы разговари-

М. М. Громыко и Ю. Б. Стракач в квартире в г. Щербинка. Фото Н. П. Матхановой

вали по телефону. Иногда она рассказывала о своих детях и обожаемом внуке, о своей работе. Очень интересовалась и моей работой, и ситуацией в Институте, и занятиями других сотрудников нашего сектора археографии. Подробно расспрашивала, чем мы занимаемся, и очень бывала довольна, когда узнавала о тех исследованиях, которые были связаны с историей православия, – Н. Д. Зольниковой, С. Г. Петрова и, конечно, Н. Н. Покровского. Очень рада была Марина Михайловна, узнав о публикации мною писем св. Иннокентия (Вениаминова) к Н. Н. Муравьеву-Амурскому и М. С. Корсакову. Предложив подготовить статью о первом енисейском епископе Никодиме (Казанцеве) для журнала «Традиции и современность», обсуждала и редактировала текст, приговаривая: «Вот и вспомним старое время». С некоторым удивлением относилась к моим рассказам о том, что в Сибири (не только в Новосибирске) ее работы и имя известны даже молодым историкам. Еще один важный и трудный разговор состоялся в связи с подготовкой в Институте «Исторической энциклопедии Сибири». В ней, разумеется, должна была быть статья о М. М. Громыко. Однако она, узнав об этом, категорически возражала. Никакие мои резоны

к успеху не приводили. Решающим стал такой аргумент: статья все равно будет написана, но если другим автором, а не Н. К. Чернышовой, то ничего не будет сказано о последних работах, связанных со значением православной веры в истории России.

Я долго и настойчиво уговаривала Марину Михайловну написать воспоминания, предлагала записать их на диктофон, но она неизменно отказывалась. Наконец, во время одного из визитов, уже в 2015 г., она все же согласилась ответить мне на конкретные вопросы. Вечером того же дня, вернувшись в гостиницу, я записала услышанное так, как запомнила. Так как запись сделана через некоторое время, по памяти, изложение ведется не от ее имени.

Поводом для интервью стала необходимость комментировать письма Н. Н. Покровского (для статьи о его приезде в Сибирь), а также информация о ней в ряде воспоминаний разных старожилов Академгородка. На деле хронологические рамки рассказа оказались шире.

Мои вопросы и уточнения выделены курсивом.

Рассказ Марины Михайловны Громыко, записанный 30 августа 2015 г.

Вопрос об отце, репрессированном белорусском поэте.

Отец жил в Одессе, был специалистом по горному делу¹. По призыву советской власти поехал в Белоруссию развивать национальную культуру, начал писать на белорусском языке, изучал фольклор. Был арестован. Помнит, как трехлетней девочкой ходила с матерью² к отцу в тюрьму. После отбытия срока ссылки в Иваново³, в отличие от своих товарищей, отец не вернулся в Белоруссию (вернувшиеся были арестованы повторно), а поехал с семьей на Кольский полуостров, в Кировск. Там семья провела несколько лет до войны.

Она и старшая сестра⁴ были дружны с финскими детьми – одноклассниками, очень плакали, когда их выслали перед войной в Казахстан. Но, может быть, благодаря этому финны уцелели. О начале войны узнала, услышав «объявление» по радио в магазине, где покупала продукты. Пришла домой и спросила: что это? Сказали – война. Родители уже знали, тоже слышали по радио.

Местные власти, опасаясь наступления финнов (Кировск был около границы), решили: всех детей эвакуировать⁵, а взрослым идти в партизаны – в Хибины. Уезжала в эвакуацию вместе с детским домом, где работала сестра отца (музыкальным работником и еще кем-то). Уезжали трое детей: Марина Михайловна, ее старшая сестра, которая только что окончила школу и подала документы в Ленинградский университет, и маленький брат⁶. После погрузки в товарные вагоны, где были оборудованы нары для лежания, началась бомбардировка. Милиция и военные оттеснили провожающих, и поезд тронулся очень быстро. Спешка и огромная скорость были обоснованы: спешили перебраться через мост. И, действительно, почти сразу после переезда через него мост разбомбили. *О пребывании в эвакуации в Удмуртии ничего не рассказала.*

Еще из воспоминаний о Кировске.

Там жило много ленинградцев – горных инженеров и других, приехавших сюда, так как в Заполярье были большие зарплаты, а в Ленинграде уехавшим туда бронировалась жилплощадь.

С другой стороны, были бараки со ссыльными. Жизнь ссыльных поэтому узнала очень рано.

О возвращении из эвакуации не рассказывала⁷.

Когда познакомилась с Н.Н. Покровским?

С Николаем Николаевичем⁸ познакомилась еще студенткой, хотя учились на разных курсах. Запомнила его по совместным заседаниям в профкоме – оба были беспартийными.

Еще одна деталь: при поступлении в университет в анкете по совету отца не указала, что он был репрессирован⁹. Правда, впоследствии ей сказали, что срок давности уже истек, и она имела право не указывать этот факт.

С первым мужем Н. А. Желтухиным¹⁰ познакомилась, так как брат был конструктором, работал в оборонке и был хорошо знаком с Глушко. Имелось в виду, что Н. А. Желтухин и Б. М. Громыко работали в одном ОКБ под руководством В. П. Глушко.

О том, как попала в Новосибирск, о Постоянной комиссии СО АН СССР.

Создание комиссии объяснялось тем, что Президиуму СО АН СССР нужны были экспертные оценки отчетов, поступавших из филиалов, где были институты гуманитарного профиля. Это было поручено Громыко – по досоветскому периоду, и Соскину¹¹ – по советскому.

Очень возмущалась распространенным в интернете мнением, что работу в Новосибирске ей обеспечило положение жены видного ученого, а не собственные профессиональные качества.

О том, почему Николай Николаевич в письме к М. Н. Тихомирову назвал ее «своей начальницей».

Ей были поручены контакты с Тихомировым, она встречалась с ним и с М. А. Лаврентьевым, была поручена организация переезда Н. Н. Покровского в Новосибирск¹².

О московских друзьях. Познакомилась и была дружна с Наташей Горской, и в связи с этим на аграрных симпозиумах была в одной с ней группе, куда входили еще Ковальченко

и Милов¹³. Вспоминала об Улащике¹⁴. Он был знаком и, вероятно, дружен с отцом, бывал в доме. Мама, однажды увидев его фамилию в программе одной из конференций, спросила: это не тот ли Улащик? Конечно, это был именно он. В перерыве одной из конференций он публично вдруг сказал, указывая на Марину Михайловну: «А вот эта дама сидела у меня на коленях». К счастью, сразу же пояснил, при каких обстоятельствах это было и сколько «даме» было тогда лет.

Объясняя свой категорический отказ писать воспоминания, сказала: «При этом необходимо что-то объяснять и кого-то судить. Все это было настолько сложно, что я не могу, не имею права этого делать».

Соглашаясь с моими словами о недостоверности многих анкет советского периода, добавила: я была не одна такая, кто скрывал сведения о своих родных, не только о репрессированных. Умалчивали о своем происхождении дети дворян, купцов, зажиточных крестьян («кулаков», по терминологии того времени). Люди, которые этого не понимают, не понимают, какой была эпоха.

Категорически возражала против утверждения В. Л. Соскина о близости его и Марины Михайловны взглядов. «Я отношусь к нему с полным уважением, но это не соответствует действительности. Вот с Николаем Николаевичем у нас, действительно, были близкие взгляды и позиции».

Отрицала, что была первым заведующим сектором дооктябрьского периода (поиски объяснения, почему Н.Н. Покровский в письме назвал ее «начальницей»). Утверждала, что никогда не хотела занимать никаких административных должностей. Кстати, упомянула, что уже в Москве, в Институте этнографии, отказалась, когда ей предложили выдвигаться в член-корреспонденты. О заведовании сектором в Новосибирске все же признала, что «два-три месяца» была и. о. до назначения Горюшкина¹⁵. Я попросила трудовую книжку и обнаружила, что Громыко исполняла обязанности заведующей сектором 1 год и 1 месяц (с 12 февраля 1968 до 22 марта 1969 г.). Даже после этого продолжала говорить, что это лишь формально, на самом деле срок исполнения обязанностей заведующего сектором был короче.

Отказываясь писать мемуары, в то же время возмущалась появлением в интернете ложных сведений о ней и призналась, что согласилась дать краткую информацию о себе для сборника о лауреатах Макарьевской премии¹⁶.

Примечания

¹ В Белорусской советской энциклопедии приведены следующие сведения (даются в переводе на русский язык, в тексте - на белорусском): Громыко Михаил Александрович (31.10(12.11).1885-1.7.1969), белорусский советский писатель, ученый. Окончил физико-математический факультет Московского университета. В 1905-1907 гг. вел агитационную работу среди крестьян Могилевской губ. С 1911 преподавал в Одессе. В 1921 переехал в Минск. Работал в Инбелкульте (Институте белорусской культуры, впоследствии в Белорусской АН), Белпедтехникуме и Белорусском государственном университете. Участвовал в поисках нефти в Полесье. Литературную деятельность начал в 1907 г. (*Березкин* 1971: 602). В современных справочных изданиях указывается: Громыко Михаил Александрович (31.10.1885, д. Черное Речицкого р-на Гомельской обл. - 30.6.1969, г. Химки Московской обл.), прозаик, поэт, ученый-геолог. Член Союза писателей Беларуси с 1965 г. После окончания гимназии в 1905 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. Недостаток средств вынудил перейти на отделение природоведения. После окончания университета в 1911 г. учительствовал в Одессе, в частном кооперативном училище, в женских гимназиях, в 1920 г. был заведующим школы-интерната для белорусов-беженцев. 13.7.1930 г. был незаконно осужден по сфабрикованному делу «Союза освобождения Беларуси», в 1931 г. был сослан на 5 лет в Иваново-Вознесенск (Иваново). После окончания срока ссылки (1936) переехал с семьей в г. Кировск (Мурманская обл.), работал в горном техникуме. В начале Великой Отечественной войны в эвакуации в г. Чаусы (Пермская обл.), через год переехал в Удмуртию, в Ижевск, где преподавал в горном техникуме. В 1948-1952 гг. снова работал в горном техникуме в Кировске. С 1952 г. на пенсии. Последние годы жил в г. Химки. 15.8.1957 г. был реабилитирован. Литературную деятельность начал в 1907 г. новеллой «Белый камень», опубликованной в московском журнале «Белый камень». Стихи, небольшие рассказы, новеллы помещались в московской и одесской печати (Громыко Михаил 2016). Л. Рублевская характеризует литера-

турное творчество М. А. Громыко: «На три года младше Купалы и Коласа, он стал лидером белорусского литературного движения, экспериментатором, автором первой пьесы о Франциске Скорине. А параллельно - видным ученым, геологом, автором первого белорусского учебника по географии». Она же замечает, что ученый и поэт, как и другие виднейшие представители белорусской научной и творческой интеллигенции, был арестован по вымышленному делу «Саюза вызвалення Беларусі» (*Рублевская* 2016).

Как сообщили Анна Юрьевна и Алексей Куликовы (дочь и зять М. М. Громыко), Михаил Александрович был реабилитирован 15 ноября 1957 г. Верховным Судом БССР и только тогда смог прописаться в Подмосковье.

² В официальной автобиографии М. М. Громыко в 1959 г. писала: «Мать, Громыко Лидия Ивановна, белоруска, родилась в г. Одессе в 1897 г., до революции была учащейся, после революции - педагогом, в настоящее время - пенсионер». Как сообщили Куликовы, Громыко (урожденная Ритор) Лидия Ивановна (21.12.1897 ст. ст. - 27.05.1989) - дочь железнодорожного служащего. После окончания в 1915 г. в Одессе гимназии была преподавательницей в женской гимназии. Сотрудничала с белорусским землячеством, где познакомилась с будущим мужем. В 1922 году они поехали поднимать белорусскую культуру. Лидия Ивановна работала педагогом. Когда детей из Кировска отправили в эвакуацию в детский дом в с. Якшур-Бодья, она приехала и работала там завучем. В 1949 завуч детского дома в Мамонтовке. В 1951 вышла на пенсию по состоянию здоровья и поселилась в Химках.

³ В автобиографии указывалось: «В 1935 г. поступила в школу в г. Иваново, где проживала с родителями. В 1936 г. родители переехали в Кировск, где продолжала учиться в школе до 1941 г.»

⁴ Ростислава Михайловна (1923-2008), в замужестве Севрук, врач. Как сообщили Куликовы, работала в Боткинской и «Кремлевской» больницах.

⁵ Согласно решению Мурманского облисполкома, эвакуация детей Мурманска, Кировска, Кандалакши и пр. была обязательной. По воспоминаниям одной из воспитательниц детского сада, эвакуация началась 2 июля 1941 г. (1941 год в истории 2014).

⁶ Громыко Борис Михайлович (1939-2018) - доктор технических наук, лауреат премии Правительства РФ, Заслуженный конструктор РФ, Заслуженный деятель науки и техники Московской области, ведущий специалист в области разработки агрегатов автоматики ЖРД, начальник отдела НПО «Энергомаш».

⁷ В автобиографии 1959 г. указано: «В июле 1941 г. была эвакуирована из г. Кировска в Удмуртскую АССР, село Якшур-Бодья, где в 1945 г. окончила среднюю школу с золотой медалью. В сентябре 1945 г. поступила на первый курс исторического отделения историко-филологического факультета Казанского государственного университета. В 1946 г. перевелась на второй курс исторического факультета Московского государственного университета». Как сообщили Куликовы, в Казань поехала вместе со старшей сестрой и ее мужем Д. Д. Севруком. В Москву перевелась, когда Севрука (репрессирован в 1938 г., работал в группе инженеров под руководством В. П. Глушко) перевели в Химки. В личном листке по учету кадров М. М. Громыко указаны два адреса: в г. Химки Московской области и в Новосибирске.

⁸ Покровский Николай Николаевич (1930-2013), доктор исторических наук, академик РАН (1992). Вскоре после окончания аспирантуры в МГУ (1955) был арестован (1957) по «делу молодых историков», в 1963 г., по отбытии наказания, по рекомендации своего учителя, академика М. Н. Тихомирова, был принят на работу во Владимиро-Суздальский музей-заповедник, а в 1965 г., по настойчивой просьбе Тихомирова, с согласия главы Сибирского отделения Академии наук академика М. А. Лаврентьева, начал работу в Новосибирском Академгородке.

⁹ В автобиографии 1959 г. также указано: «Репрессированных родственников не имею».

¹⁰ Желтухин Николай Алексеевич (1915-1994), доктор технических наук, ведущий конструктор в КБ «Энергомаш», лауреат Ленинской премии, в 1959-1988 - заведующий лабораторией, заместитель директора Института теоретической и прикладной механики СО АН СССР, член-корреспондент АН (1968). Арестован в 1937 г. по политическому обвинению, с 1939 г. - в «шарашке», с 1940 - в ОКБ под руководством В. П. Глушко, как и Б. М. Громыко.

¹¹ Соскин Варлен Львович (род. в 1925), доктор исторических наук (1964), с 1959 г. сотрудник Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР, в 1965–2012 гг. в ИИФиФ и Институте истории СО РАН.

¹² Письма Н. Н. Покровского к матери подтверждают, что М. М. Громько играла активную роль в организации его перевода в Сибирь.

¹³ Горская (урожденная Кожина) Наталья Александровна (1930–2004), доктор исторических наук (1978); Ковальченко Иван Дмитриевич (1923–1995), доктор исторических наук (1966), академик (1987); Милов Леонид Васильевич (1929–2007), доктор исторических наук (1978), академик (2000). Все они участвовали в работе Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы – международного научного форума историков-аграрников.

¹⁴ Улащик Николай Николаевич (1906–1986), доктор исторических наук (1964), выпускник Белорусского государственного университета. Четыре раза арестовывался по политическим обвинениям, впервые – в 1930 г., по тому же сфабрикованному делу «Союза освобождения Беларуси», что и М. А. Громько. В 1955–1986 гг. работал в Институте истории АН СССР.

¹⁵ Горюшкин Леонид Михайлович (1927–1999), доктор исторических наук (1976), член-корреспондент РАН (1990), с 1969 г. заведующий сектором истории дооктябрьского периода, в 1991–1997 гг. директор Института истории СО РАН.

¹⁶ Премии памяти митрополита Макария (Булгакова) М. М. Громько была удостоена в 2001 г. за монографию «О воззрениях русского народа».

Источники и материалы

1941 год в истории 2014 – 1941 год в истории города Кировска. По документам Государственного архива Мурманской области в г. Кировске // Государственный архив Мурманской области в г. Кировске. 31.10.2014. <http://www.archive-kirovsk.ru/activity/reports-2/434-1941-god-v-istorii-goroda-kirovsk-a-po-dokumentam-gamo-v-g-kirovsk> Дата обращения: 19.11.2020.

Громько Михаил 2016 – Громько Михаил Александрович // Знаменитые люди Гомельщины. 02.12.2016. <http://www.person.goub.by/?p=680> Дата обращения: 19.11.2020.

Научная литература

Березкин Р. С. Громько М. А. // Белорусская советская энциклопедия. Т. III. Минск, 1971.

Громько М. М. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского как источник по истории сибирской каторги 50-х годов XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1975.

Громько М. М. Вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971а.

Громько М. М. Г. М. Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н. И. Новикова // Города Сибири. Новосибирск, 1974.

Громько М. М. К характеристике социальной психологии сибирского крестьянства XVIII в. // История СССР. 1971б. № 3.

Громько М. М. Социальное настроение как категория общественно-исторической психологии // Бахрушинские чтения 1966 г. Вып. 1. Методология истории. Всеобщая история. Археология. Новосибирск, 1968.

Православная культура России: Учебное пособие для учащихся старших классов школ, гимназий и лицеев. Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2002. Электронная версия – 2004 г.

Рублевская Л. Поэт, геолог, изгнанник // Советская Белоруссия – Беларусь сегодня. 13 января 2016 г. https://nlb.by/content/news/library-news/poet-geolog-izgnannik__8686/ Дата обращения: 19 ноября 2020 г.

References

Berezkin, R. S. 1971. *Gromyko M. A.* [Gromyko M. A.]. In *Belorusskaia sovetskaia entsiklopediia* [Belarusian Soviet Encyclopedia]. Vol. III. Minsk.

Gromyko, M. M. 1975. «*Zapiski iz Mertvogo doma*» F. M. Dostoevskogo kak is-tochnik po istorii sibirskoi katorgi 50-kh godov XIX v. [«Notes from the House of the Dead» by F. M. Dostoevsky as

a source on the history of the Siberian penal servitude in the 50s of the XIX century]. In *Ssylka i katorga v Sibiri. XVIII – nachalo XX v.* [Exile and hard labor in Siberia. XVIII - early XX century]. Novosibirsk.

Gromyko, M. M. 1971. Voprosy obshchestvennogo soznaniia v izuchenii dosovetskoi Sibiri [Questions of public conscience in the study of pre-Soviet Siberia]. In *Itogi i zadachi izucheniia istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Results and tasks of studying the history of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk.

Gromyko, M. M. 1974. *G. M. Pokhodiashin v «Druzheskom uchenom obshchestve» N. I. Novikova* [G. M. Pokhodyashin in the «Riendly Scientific Society» by N. I. Novikov]. In *Goroda Sibiri* [Siberian cities]. Novosibirsk.

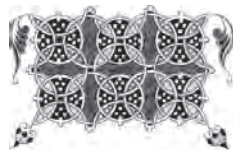
Gromyko, M. M. 1971. *K kharakteristike sotsial'noi psikhologii sibirskogo kre-st'ianstva XVIII v.* [On the characterization of the social psychology of the Siberian peasantry in the 18th century]. *Istoriia SSSR* 3.

Gromyko, M. M. 1968. Sotsial'noe nastroyenie kak kategoriia obshchestvenno-istoricheskoi psikhologii [Social mood as a category of socio-historical psychology]. In *Bakhrushinskie chteniia 1966 g. Iss. 1. Metodologiya istorii. Vseobshchaia istoriia. Arkheologiya* [Bakhrushin readings 1966. Issue 1. Methodology of history. General history. Archeology]. Novosibirsk.

Pravoslavnaia kul'tura Rossii: Uchebnoe posobie dlia uchashchikhsia starshikh klassov shkol, gimnazii i litseev [Orthodox Culture of Russia: A Textbook for High School Students, Gymnasiums and Lyceums]. Novosibirsk: Pravoslavnaia Gimnaziia vo imia Pre-podobnogo Sergiia Radonezhskogo, 2002.

Rublevskaia L. Poet, geolog, izgnannik [Poet, geologist, exile]. *Sovetskaia Belorussia – Belarus' sego-dnia*. 13 ianvaria 2016 g. https://nlb.by/content/news/library-news/poet-geolog-izgnannik__8686/ Data obrashcheniia 19 noiabria 2020 g.

MY MEMORIES ABOUT MARINA MIKHAILOVNA GROMYKO
AND HER STORY ABOUT HER LIFE

О МАРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ГРОМЫКО

Аннотация. В воспоминаниях о М. М. Громыко автор отталкивается от «канонического образа», который сложился в Новосибирске в академической среде в связи с научной деятельностью Громыко и ее личностью (в поступках, поведении, взаимоотношениях с коллегами). Автору удалось познакомиться с Мариной Михайловной, и общение с ней подтвердило, что образ соответствует реальности. В воспоминаниях присутствует важная информация о деталях складывания научной школы Н. Н. Покровского в Новосибирске и роли М. М. Громыко в этом процессе.

Ключевые слова: воспоминания о М. М. Громыко, новосибирский образ Громыко - ученого и человека, опыт личного общения, научная школа Н. Н. Покровского, роль М. М. Громыко в ее создании.

Abstract. In the memoirs of M. M. Gromyko, the author starts from the «canonical image» that has developed in Novosibirsk in the academic environment in connection with the scientific activities of Gromyko and her personality (in actions, behavior, relationships with colleagues). The author managed to get to know Marina Mikhailovna and communication with her confirmed that the image corresponds to reality. The memoirs contain important information about the details of the formation of the scientific school of N. N. Pokrovsky in Novosibirsk and the role of M. M. Gromyko is in this process.

Key words: Memories of M. M. Gromyko, the Novosibirsk image of Gromyko as a scientist and a person, the experience of personal communication with her, the scientific school of N. N. Pokrovsky and the role of M. M. Gromyko in its creation.

Петров Станислав Геннадьевич (Petrov Stanislav Gennadievich) - старший научный сотрудник Сектора археографии и источниковедения Института истории Сибирского отделения РАН, кандидат исторических наук, petrov__istochnik@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 86-89

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК — 821.161; ББК — 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/86-89>

В конце августа 2020 г. из Москвы пришло скорбное известие о новопреставленной рабе Божией Марине Михайловне Громыко – замечательном российском историке и этнографе, крупном знатоке хозяйственной, бытовой и духовной жизни русского крестьянства. Уход в мир иной наших коллег и учителей из старшего поколения всегда застаёт врасплох, очень уж хочется, чтобы век их длился как можно дольше. В истории развития гуманитарных наук и высшего образования в Сибири Марина Михайловна была человеком особенным. Она стояла у истоков сибирской академической исторической науки и гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (НГУ). К ней у гуманитариев-сибиряков всегда было уважительное отношение, как к представителю легендарной когорты ученых-основателей, заложивших научные традиции гуманитарных наук в Сибирском отделении РАН. В сознании своих сибирских коллег она оставила глубокий след.

О Марине Михайловне я узнал в конце 1980-х гг., будучи студентом исторического отделения гуманитарного факультета НГУ. В одной из поточных аудиторий, расположенной около деканата в лабораторном корпусе НГУ, на стенах были развешаны стенды, посвященные факультетской истории. Среди множества фотографий на этих стендах, которые изучались студентами, поступившими только что в университет, внимание привлекли снимки с высокой стройной блондинкой, идентифицировать которую с уже известными нам преподавателями, работавшими на факультете, мы не смогли. Не помню, кто из преподавателей удовлетворил наше любопытство, но после пояснений мы точно знали, что эта красивая женщина – профессор Громыко, которая раньше работала на факультете, а теперь живет в Москве.

Так, с факультетского стенда в мою профессиональную жизнь вошла Марина Михайловна, с которой позже мы познакомились и общались вплоть до ее кончины. В бурлящей общественно-политической атмосфере рубежа 1980–1990-х гг. имя ее оказалось в центре дискуссий сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР о недалеком прошлом, о прожитых советских десятилетиях. Помню слова замечательного филолога-фольклориста С. П. Рожновой, человека исключительной порядочности и отзывчивости, которая, как и Марина Михайловна, подписала в 1968 г. письмо в защиту диссидентов. Она говорила, что именно четкая и принципиальная позиция

Громыко, которая, не теряя своего достоинства, отстаивала право на собственную точку зрения, ее научный и человеческий авторитет придали силы выстоять на разного рода собраниях, призванных проработать и наказать отступников, и пережить трудные времена.

Вспоминал о Громыко достаточно часто и профессор В. Л. Соскин, рассказывая о начале ее работы в Сибирском отделении. Она одной из первых была принята в Постоянную комиссию по общественным наукам при Президиуме СО АН СССР, зародыш будущего гуманитарного института, где он работал ответственным секретарем, и оказалась не просто женой выдающегося советского теплотехника и механика, но еще и крупным ученым. Своей принципиальностью и бескомпромиссностью она явно диссонировала с конформистскими позициями большинства ее коллег, так что спустя годы Соскин с улыбкой образно говорил о ней – «гордая полячка».

Говорил Соскин и о том, что через некоторое время после ее изгнания из НГУ тогдашний ректор предлагал какими-то окольными путями возобновить преподавание, но Марина Михайловна категорически отвергла подпольный вариант возвращения в университет. Поводом же для отъезда из Сибири, по его словам, стало ее обращение к секретарю Новосибирского обкома Ф. С. Горячеву с просьбой о пересмотре ее дела. Партийный хозяин области, «царь Федор», приветливо принял опального историка, выслушал ее и обещал помочь, но, как только она закрыла за собой дверь, тут же позвонил директору института академику А. П. Окладникову и раздраженно потребовал, чтобы духа ее больше не было в Новосибирске. Вызвав к себе в кабинет, Окладников поведал Громыко о звонке, сказав, что зря она ходила к Горячеву, только себе сделала хуже. После этого было уже невозможно оставаться в Новосибирске.

Из всех этих рассказов старших коллег сформировался ее образ как человека независимого и самостоятельного, который придерживался взглядов, зачастую не совпадавших с требованиями высокого начальства. Вопреки нашему компромиссному времени, когда особенно высоко ценится и активно внедряется в массовое сознание умение мобильно адаптироваться к быстро меняющейся реальности, она была из тех немногих, кто занимал свои собственные позиции при решении принципиальных вопросов. Сложилось ощущение, что для нее существовало либо «да-да», либо «нет-нет», а все, что сверх этого, – от лукавого.

В конце 1990-х гг., когда вышли из печати первые две книги из серии «Архивы Кремля», в которых были опубликованы секретные ранее документы об антирелигиозной политике и практике большевиков в первые советские годы, академик Н. Н. Покровский сказал, что нам, как составителям, нужно обязательно подписать их и отправить с оказией в Москву М. М. Громыко. Николай Николаевич подчеркнул при этом, что Марина Михайловна настоящий, серьезный исследователь, сделавший много добрых дел для науки в Сибири, и человек порядочный и честный, подвергнувшийся несправедливым преследованиям. И в последующем он всегда с большой теплотой и симпатией отзывался о ней. Не могу утверждать точно, но думаю, что уже тогда он знал, что Марина Михайловна вступила на непростой путь духовного переосмысления своей предыдущей жизни и воцерковления.

Видимо, передала ей «Архивы Кремля» ее новосибирская ученица – профессор, доктор исторических наук Н. П. Матханова, которая поддерживала со своим учителем тесные дружеские контакты, не исключая, что она рассказала Марине Михайловне и об авторе этих строк. Именно через Наталью Петровну было передано приглашение Марины Михайловны посетить Институт этнологии и встретиться с ней. Приглашение это было принято мной с большим волнением и, я бы даже сказал, с некоторым трепетом.

В ближайшую по времени командировку в Москву я приехал в здание Президиума РАН на Воробьевых горах и, преодолев охрану, этажи и запутанные коридоры, наконец-то оказался в Институте этнологии, в Отделе русского народа. Помню внимательный взгляд ее пронзительных голубых глаз и приветливую улыбку. Представив сотрудникам отдела, она усадила меня рядом со своим рабочим местом, напротив которого находился книжный шкаф, уставленный весь иконами и похожий на огромный киот или домашний иконостас. Ничего подобного в академических институтах я не видел, но мгновенно стало понятно, что Марина Михайловна глубоко верующий православный человек. Сразу как-то пришло в голову, что это тот самый идеальный вариант в науке, когда человек не отстраненно изучает свой предмет, а сам целиком и полностью растворен в нем, неотделим от него.

Об этой встрече и состоявшемся долгом разговоре в памяти остались рассказы Марины Михайловны о родной ей Беларуси, о на-

учных проблемах, над решением которых она тогда работала, о трудах сибирских историков по истории русского православия. Оживилась она, когда я сказал ей, что родители моего отца переселились в Сибирь из Могилевской губернии по столыпинской реформе. Из тех, с кем она работала в Сибирском отделении АН СССР и кто продолжал к тому времени еще трудиться в Институте истории СО РАН, она проявила интерес только к Н. Н. Покровскому, его сотрудникам и к своим собственным ученикам, живущим в Новосибирске. В частности, речь зашла об истории сибирской приходской общины и докторской монографии Н. Д. Зольниковой. Марина Михайловна посетовала, что в этой замечательной книге практически ничего не говорится о каждодневной будничной жизни общины. После моих роптаний, что было бы жалко и непростительно, если остался бы неизученным или плохо освоенным такой обширный массив замечательных документов консисторского делопроизводства XVIII в., с которым работала Н. Д. Зольникова и который, к сожалению, не дает сведений о повседневной жизни прихода, она согласилась с тем, что в этой монографии таких задач не ставилось и исследователь всегда ограничен информативными возможностями своих источников.

Попытки мои говорить о времени, когда она жила в Новосибирске, Марина Михайловна отвергла сразу, сказав, что этот период своей жизни она коренным образом переосмыслила и не видит там ничего заслуживающего какого-либо внимания. Помню, я возразил ей, что не могу перечеркнуть все сделанное ею для исторической науки в Новосибирске, где ее воспринимают человеком из сибирской легенды.

После вручения моих работ она подарила мне свою книгу о сибирских знакомых и друзьях Ф. М. Достоевского, ответственным редактором которой был Н. Н. Покровский. Несмотря на отказ от каких-либо дарственных надписей, она все-таки сделала исключение и написала ее: «Станиславу Геннадиевичу Петрову с радостью. М. Громыко. 7/ХІІ-99». После чего последовало приглашение к чаепитию, предваренное молитвой, за которым Марина Михайловна угощала чудесной, собственного посола красной рыбой. За трапезой она интересовалась, что мне известно о новомученике, московском протоиерее Александре Звереве и членах его семьи, и просила обязательно сообщить ей, если в ходе работы в московских архивах удастся найти сведения о них.

Перед моим уходом она поделилась своими переживаниями по поводу духовного развития своих сибирских учеников, особенно тех, кто был чужд религиозности. Невоцерковленность их вызывала у нее чувство тревоги и искреннего волнения. Она даже просила меня содействовать ей в этом непростом вопросе.

В результате этой встречи общение с Мариной Михайловной стало регулярным. Общались и по телефону, и через ее новосибирских учеников, навещавших своего учителя в Москве. Радостно было получить от нее две последние ее книги о русском православном старчестве в XX в. и о духовном возрасте ученых. А потом по телефону, после слов благодарности за щедрый дар, делиться с нею своими впечатлениями от прочитанного и ощущать ее бодрый голос, удовлетворенный от свершенных и востребованных у коллег научных трудов. Своей неутомимой трудоспособностью и преданностью профессии она, конечно, вдохновляла и нас, своих младших коллег. Не забываются ее звонки с поздравлениями по поводу выхода моих монографий, посвященных истории Русской Православной Церкви в XX в. Помню данную

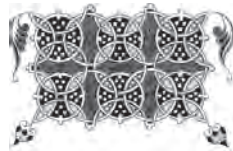
ей оценку моей исследовательской работы и доброжелательную конструктивную критику этих трудов. Знаю, что она и по телефону, и при личных встречах с Н. П. Матхановой торопила меня с защитой, наставляла и удивлялась, как это так долго можно не защищать докторскую диссертацию.

Не могу забыть последнего ее телефонного звонка ранним апрельским утром 2018 г., в это время в Москве была глубокая ночь, когда она срывающимся от волнения голосом говорила со мной о загробной судьбе окончившей свой земной путь Натальи Дмитриевны Зольниковой, накануне ее отпевания.

Несмотря на расстояния, здесь в Новосибирске всегда ощущалось незримое присутствие Марины Михайловны и доброжелательный настрой к нам, сибирякам. Впечатление было такое, что она, находясь и в Москве, не сняла с себя ответственности за состояние академической исторической науки в Сибири, интересовалась ее развитием, опекала и поддерживала нас.

Вечная память! Пусть упокоится душа ее в селениях праведных!

ABOUT MARINA MIKHAILOVNA GROMYKO

МОЯ ВСТРЕЧА С МАРИНОЙ МИХАЙЛОВНОЙ ГРОМЫКО

Аннотация. Воспоминания монахини Зосимы (Верховской) о М. М. Громыко касаются обстоятельств обращения автора к семейно-родовым преданиям, связанным с подвижником XIX в. монахом Зосимой (Верховским). К этому ее подвигла книга М. М. Громыко «Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского». Знакомство с автором книги перешло в плодотворное, многолетнее научное сотрудничество с Громыко, в написание трудов по истории монастырей, основанных святым. Автор отмечает выдающиеся личные качества М. М. Громыко, позволяющие ей работать по религиозной тематике.

Ключевые слова: воспоминания монахини Зосимы (Верховской), М. М. Громыко, семейно-родовые предания, святой Зосима (Верховский), литературный герой Достоевского, история женских монастырей.

Abstract. Memories of nun Zosima (Verkhovskaya) about M.M. Gromyko refer to the circumstances of the author's appeal to family and clan legends associated with the ascetic of the 19th century monk Zosima (Verkhovsky). To this she was prompted by Gromyko's book «Siberian acquaintances of F. M. Dostoevsky». Acquaintance with the author of the book turned into fruitful, long-term communication with Gromyko, into writing works on the history of monasteries founded by the saints. The author notes the outstanding personal qualities of M. M. Gromyko, allowing her to work on religious topics.

Keywords: memoirs of nun Zosima (Verkhovskaya), M. M. Gromyko, family and clan legends, Saint Zosima (Verkhovsky), Dostoevsky's literary hero, the history of women's monasteries.

Зосима Верховская, монахиня (Sossima Verkhovskaja) - Верховская Людмила Александровна (монахиня Зосима) — кандидат технических наук, специалист по истории православных монастырей и истории России XIX века, zosima7@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 90-94

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК — 821.161; ББК — 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/90-94>

С Мариной Михайловной Громыко познакомил меня старец Зосима. Который? Оба: и преподобный Зосима Верховский, и литературный герой Достоевского из романа «Братья Карамазовы».

В начале 1990-х годов я узнала о существовании в моём роду схимонаха Зосимы, пустынножителя, утешителя страждущих, духовного писателя, основателя двух женских монастырей. А одна из родственниц, которая намного старше меня, помнившая дореволюционные разговоры в семье, ответила на мои вопросы об этом так: «Кто-то из наших Верховских был прототипом старца Зосимы в романе Достоевского “Братья Карамазовы”».

Начала искать сведения о прототипах героя Достоевского. В Петербурге, в музее Достоевского, мне назвали имя исследователя, занимающегося именно старцами, – Украинский Геннадий Владимирович. Он мне подтвердил, что литературоведы считают Зосиму Тобольского¹ одним из прообразов старца Зосимы у Достоевского. Правда, в записных книжках писателя такой информации не нашлось. Но сомнений у литературоведов нет. Больше всего тема Зосимы Тобольского разработана у исследовательницы Марины Михайловны Громыко в книге «Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского» (Новосибирск, 1985).

В книге Марины Михайловны Громыко, изданной в Новосибирске, наиболее разработан и исследован сибирский период жизни нашего Зосимы. Приведены доводы в пользу того, как и когда Достоевский узнал житие Зосимы Тобольского, – на поселении под Кузнецком после своей каторги. В современных краеведческих работах краеведы из Новокузнецка так и пишут, что Достоевский «не мог не знать» про монаха Зосиму, жившего в лесу под Кузнецком двадцать лет в начале XIX века (*Шадрина 1995; Кушникова 1996*).

Когда в 1859 г. газета «Тобольские губернские ведомости» опубликовала статью Г. А. Варлакова «Туринск» с изложением истории Зосимы Тобольского (Верховского), Достоевский был ещё в Сибири. Многие об отце Зосиме Верховском мог узнать Достоевский от своего семипалатинского знакомого, сибирского краеведа Н. А. Абрамова. Историей Туринского женского монастыря Н. А. Абрамов занимался специально в течение нескольких лет, и в центре опубликованной им в 1865 г. статьи стояла фигура Зосимы Верховского (*Абрамов 1865: 289–290*). К первичным сведениям о Зосиме Верховском, полученным Достоевским в

Сибири, позднее прибавились впечатления от изданного его Житиеописания и отрывков из его сочинений.

Образ старца Зосимы Верховского запечатлен для нас его духовной дочерью матушкой Верой, ставшей первой игуменьей подмосковного Троице-Одигитриевского монастыря «Зосимова пустынь». Ученица и сподвижница старца, очевидец его богоугодной жизни за последние десять лет, с которой он делился своими мыслями, впечатлениями, которую сам наставлял и учил, душу которой направлял и воспитывал, сумела передать нам образ этого смиренного Божиего угодника, жизнь и подвиги которого учат нас выбирать в земной жизни правильный путь. Первое издание Житиеописания схимонаха Зосимы и его изречений вышло в свет при матушке Вере в 1860 г.

Это Житиеописание старца Зосимы Верховского оказало, безусловно, своё влияние на Фёдора Михайловича Достоевского при создании им образа старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы». Как стало уже общеизвестно, старец Зосима в романе списан Достоевским во внешнем облике и в обстановке скита с оптинского старца Амвросия. Но только внешне. Сами монахи Оптиной Пустыни не признавали внутреннего сходства. Неоднократно высказывался о том же в 1950-х годах Ново-Валаамский схиигумен Иоанн в своих письмах к ученику, называя среди делателей Иисусовой молитвы и «достопамятного Зосиму Верховского, с которого Достоевский списал своего старца Зосиму, а вовсе не со святителя Тихона² или отца Амвросия. Прочтешь житие старца Зосимы – сам увидишь» (*Большаков 2003: 27*).

Мы повторим здесь некоторые доводы, разработанные М. М. Громыко по поводу близости литературного Зосимы к Зосиме Верховскому. Прежде всего, бросается в глаза идентичность заголовка Жития, данного Достоевским: «Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составленного с собственных слов его Алексием Федоровичем Карамазовым», – с заголовками книг о самом старце Зосиме Верховском и книги, что написана отцом Зосимой Верховским о его духовном отце и сподвижнике, – «Жизнь монаха и пустынножителя Василиска (писанная учеником его Зосимой Верховским)». Но ещё более убедительна похожесть стиля речи старцев и некоторые биографические данные.

Семинар «Православие и русская народная культура» в ИЭА РАН. Участники семинара слева направо в нижнем ряду: М. М. Громыко, монахиня Зосима (Верховская), священник Георгий Павлович (докладчик), Г. Н. Мелехова, М. А. Некрасова. Верхний ряд – Х. В. Поплавская, К. В. Цеханская, А. И. Юренко, И. А. Кремлева, Т. А. Листова

Старец Зосима у Достоевского – тоже из дворян, также служил в Гвардейском полку в столице, также ушёл в монастырь прямо с военной службы. А ещё – рядом старец Анфим, почитаемый отцом Зосимой, «простенький монашек, из беднейшего крестьянского звания... молчаливый и тихий, редко с кем говоривший, между самыми смиренными смиреннейший. Этого как бы трепещущего человека старец Зосима любил и во всю жизнь относился к нему с необыкновенным уважением. Когда-то многие годы провёл в странствиях с ним вдвоем по всей святой Руси». Дружба с отцом Анфимом с оттенком подчинения, обучения у скромнейшего и молчаливого своего товарища – существенная параллель литературных героев Достоевского с пустынножителями Василиском и учеником его Зосимой Верховским.

Темы нестяжания и послушания, выделенные Зосимой Верховским в его сочинениях, также важны и для Достоевского. Кроме всего прочего, можно увидеть некоторые параллели между образами Алеши Карамазова и, особен-

но, Маркелла (брата старца Зосимы у Достоевского) с Петром Мичуриным, жизнь и подвиги которого описал о. Зосима Верховский. Всё сказанное убеждает нас в том, что схимонах Зосима Верховский был одним из основных лиц в богатой галерее прототипов героя романа Достоевского.

Первый анализ старческого опыта и изречений схимонаха Зосимы провёл аспирант Марины Михайловны Громыко Алексей Юрьевич Андрианов в своей работе «Скитская и монастырская жизнь первой трети XIX века в трудах отца Зосимы (Верховского)» (Андрианов 1993: 44-62). Автор исследования остановился на трёх аспектах проявления личности, формировавшейся под влиянием православной культуры: отношении к собственной жизни, к труду и к людям. Отмечается, что «у такой личности имеется цель, сформулированная как спасение души. Соответственно сразу отпадает вопрос о смысле жизни, о поисках, ввиду его отсутствия, многими нашими современниками способов заполнения “экзистенциального вакуума” и

связанных с этим неврозом и самоубийств». Второй аспект высвечивается «в случае со схимонахом Зосимой как поразительный духовный путь, пройденный им самим, и труд строительства двух монастырей». В-третьих, «отец Зосима явился достойным учеником старца Василиска, которого никогда не видели во гневе; а если надобно было где негодование показать или гнев явить, то он показывал без внутреннего возмущения».

А. Ю. Андрианов впервые опубликовал в том же сборнике «Письмо о. Зосимы (Верховского) к монаху Павлу из сибирских лесов» (ОР РГБ. Ф. 214. Д. 446. Л. 17 об. - 21 об.; Д. 448. Л. 21 об. - 27), через которое раскрываются многие черты богопосвящённости будущего преподобного Зосимы. Следует подчеркнуть, что эти публикации 1993 г. о старце Зосиме Верховском были именно одними из первых в послереволюционной России; схимонах Зосима Верховский ещё не был прославлен, его мало знали в церковных кругах (и тем более - за пределами Церкви). Духовное чутьё Марины Михайловны позволило ей дать такую малоизученную тему своему аспиранту. Ведь страницы романа «Братья Карамазовы», рассказывающие многое о жизни монастыря с высоким примером истинного монашеского подвижничества, ревности по Бозе, уединения, молитвы, аскезы, были для советского читателя единственными доступными страницами по этой теме. Чуткость Марины Михайловны к своему времени и к традициям народа, а также к окружающим её людям были уникальны. Марина Михайловна воплощала любовь не словами, а внутренним настроем, манерой разговора и общения с людьми. Марина Михайловна не ошиблась с выбором темы для своего аспиранта. В 2000 г. схимонах Зосима Верховский был канонизирован, и оба основанные им монастыря «точно знают», что их покровитель преподобный Зосима послужил прототипом старца Зосимы у Достоевского.

В заключение хотелось бы подчеркнуть возможность взгляда на монашеское подвижничество как на доминанту в истории христианства, который высказал в своей работе «Очерки из истории церкви» талантливый русский историк и богослов священник Сергей Мансуров (*Мансуров* 1971; *Мансуров* 1991: 13-27). В этом же ключе высказывался и священномученик Иларион Верейский: «Богословие для многих есть только знание богословских истин, но не зна-

ние Бога. Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием» (*Троицкий* 1909)³. Отцом Сергием Мансуровым сделана попытка «отобразить жизнь Церкви, указать в каждом поколении, начиная от Спасителя и Апостолов, кончая нашим временем, к кому нужно прийти, на кого благоговейно смотреть, кого слушать, чтобы узреть истину в истории - Святую Православную Церковь». В интересующий нас период отец Сергий выделил следующих:

XVIII век, 3-е поколение: Саровские старцы - Пахомий, Назарий Валаамский, Феодор Санаксарский, святитель Тихон Воронежский, митрополит Гавриил Новгородский, старец Паисий Величковский, подвижники Брянских лесов - старцы Адриан, Василиск, Никодим святогорец.

XIX век, 1-е поколение: Преподобный Серафим Саровский, архиепископ Антоний Воронежский, старец Лев Оптинский, старец Зосима Верховский, архиепископ Платон и митрополит Филарет Московские, затворник Георгий Задонский, старец Филарет - игумен Глинский.

«Вот те люди, в которых и через которых их Глава Богочеловек Иисус Христос строил Свою Церковь, Храм Божий на земле, достигающий до неба, Царствие Божие. Их много больше, *их неисчислимо много*, они как звезды небесные, но здесь сделана попытка выбрать тех, которые яснее и более осязательно, по-человечески осязательно, проявились в жизни Церкви земной, в церковной письменности, в памяти современников, как наиболее выдающиеся строители таин Божиих. Это они - сердце и ум Церкви, в которых обретает и действует Дух и Ум Христов».

Не дерзая обсуждать правила, по которым общество и институт Церкви выбирает наиболее выдающихся и прославляет их, обратим внимание на три слова в цитируемой работе отца Сергия Мансурова: «*их неисчислимо много*». Я просто верю, что душа Марины Михайловны, отлетевшая в бескрайние просторы духовного поля, сияет, как звездочка, именно в этом сонме достойнейших, которых «неисчислимо много».

Примечания

¹ Зосима Тобольский назван так по епархиальному центру для места его двадцатилетнего пустынночества под Кузнецком Тобольской епархии.

² Некоторые находят черты сходства старца Зо-

симы у Достоевского со святителем Тихоном ³Троицкий Владимир - впоследствии архиепископ Иларион Верейский.
Задонским (*Украинский* 1989: 69-73).

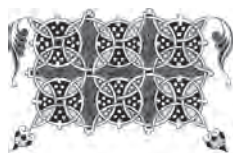
Научная литература

- Абрамов Н. А. Туринск. Николаевский девичий монастырь // Тобольские губернские ведомости. 1865. № 45.
- Андрианов А. Ю. Скитская и монастырская жизнь первой трети XIX века в трудах отца Зосимы (Верховского) // Православие и русская народная культура. Кн. 2. М.: издание Координационно-методического центра Прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1993.
- Большаков Сергей. На высотах духа // Православная жизнь (Джорданвилль, США). 2003. № 6 (641).
- Кушникова М., Тогулев В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах Сибирских архивов. Новокузнецк, 1996.
- Мансуров Сергей, священник. Очерки из истории церкви // Богословские труды. 1971. № 6.
- Мансуров Сергей, священник. Очерки из истории церкви // Даниловский благовестник. 1991. № 1.
- Троицкий Владимир. Да не будут тебе божи инии! Сергиев Посад, 1909.
- Украинский Г. Святитель Игнатий Брянчанинов и образ старца Зосимы у Ф. М. Достоевского // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 6.
- Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского (г. Кузнецк, 1856-1857 годы). Новокузнецк, 1995.

References

- Abramov, N. A. 1865. Turinsk. Nikolaevskii devichii monastyr' [Turinsk. Nikolaevsky nunnery]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti* 45.
- Andrianov, A. Yu. 1993. Skitskaia i monastyr'skaia zhizn' pervoi treti XIX veka v trudakh ottsa Zosimy (Verkhovskogo) [Skete and monastery life in the first third of the 19th century in the works of Father Zosima (Verkhovsky)]. In *Pravoslavie i russkaia narodnaia kul'tura* [Orthodoxy and Russian folk culture]. Bk. 2. Moscow.
- Bol'shakov, Sergei. Na vysotakh dukha [On the heights of the spirit]. 2003. *Pravoslavnaia zhizn'* 6 (641). Jordanville, USA.
- Kushnikova M., and V. Togulev. 1996. *Zagadki provintsii. «Kuznetskaia orbita» Fedora Dostoevskogo v dokumentakh Sibirskikh arkhivov* [Mysteries of the province. «Kuznetsk orbit» by Fyodor Dostoevsky in the documents of the Siberian archives]. Novokuznetsk.
- Mansurov, Sergei, priest. 1971. Ocherki iz istorii tserkvi [Essays on the history of the church]. *Bogosllovskie trudy* 6.
- Mansurov, Sergei, priest. 1991. Ocherki iz istorii tserkvi [Essays on the history of the church]. *Danilovskii blagovestnik* 1.
- Shadrina, A. S. *Dvadtsat' dva dnia iz zhizni F. M. Dostoevskogo (g. Kuznetsk, 1856-1857 gody)* [Twenty-two days in the life of F. M. Dostoevsky (Kuznetsk, 1856-1857)]. Novokuznetsk, 1995.
- Troitskii, Vladimir. 1909. *Da ne budut tebe bozi inii!* [May you have no other gods!]. Sergiev Posad, 1909.
- Ukrainskii, G. 1989. Sviatitel' Ignatii Brianchaninov i obraz startsa Zosimy u F. M. Dostoevskogo [St. Ignatius Brianchaninov and the image of Elder Zosima by F. M. Dostoevsky]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* 6.

MY MEETING WITH MARINA MIKHAILOVNA GROMYKO

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МАРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГРОМЫКО: ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

Аннотация. Краткие воспоминания представителя второго поколения учеников М. М. Громыко подчеркивают важный факт преемственности этого опыта ученичества, его долгосрочной природы. Автор воспоминаний подчеркивает, как важна была для нее личная встреча с человеком, о котором она до того много слышала и труды которого читала. Отмечается важность соединения в ученом двух начал: профессионального и личного, что ярко присутствовало в М. М. Громыко.

Ключевые слова: краткие воспоминания о М. М. Громыко, второе поколение учеников Громыко, важность личной встречи с прославленным ученым, профессиональное и личное в ученом.

Abstract. Brief memoirs of the second generation of M.M. Gromyko's students emphasize an important fact about the continuity of this discipleship experience, about its long-term nature. The author of the memoirs emphasizes how important it was for her to meet a person about whom she had previously heard a lot and whose works she had read. The text emphasizes the importance of combining two principles in a scientist: professional and personal, which was clearly present in M.M. Gromyko.

Key words: Brief memories of M.M. Gromyko, the second generation of Gromyko's students, the importance of a personal meeting with a renowned scientist, professional and personal in a scientist.

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна (Kazakova-Apkarimova Elena Yurievna) - ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, доктор исторических наук, apkarimova@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 95-97

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК — 821.161; ББК — 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/95-97>

«Сейчас скажу красиво: хочешь быть мастером, макай свое перо в правду. Ничем другим больше не удивишь», – эти слова В. М. Шукшина я вспомнила, думая о Марине Михайловне Громько, докторе исторических наук, профессоре, выдающемся этнографе и историке, широко известном в России и за рубежом русском ученом, основательнице научной школы, занимающейся исследованием русской (православной) культуры, талантливым преподавателем и удивительном человеке с острым умом и светлой душой. Как легко обмакнуть свое перо в правду воспоминаний о ней. Для меня Марина Михайловна является эталоном, идеалом, примером настоящего ученого и человека, знатоком и носителем отечественной культуры.

Бывают в жизни встречи, которые оставляют глубокий след в человеческой памяти и оказывают значительное влияние на мировоззрение личности. К таким встречам можно с уверенностью отнести мою первую встречу с Мариной Михайловной. Будучи молодым исследователем, я оказалась у нее в гостях с подарком – книгой от Н. А. Миненко (научного руководителя моей дипломной работы и кандидатской диссертации). Стоит сказать, что, уже будучи крупным специалистом, известным исследователем, Нина Адамовна Миненко всегда высоко ценила и уважала мнение своего учителя, стараясь получить отклик на каждую свою новую книгу. А с какой искренней и глубокой любовью и теплом она поздравляла Марину Михайловну по тем или иным поводам, подписывая ей свои труды или поздравительные открытки. Я много слышала от Нины Адамовны о Марине Михайловне, это были слова восхищения и глубочайшего уважения. Особое впечатление на меня, еще студентку, произвел рассказ Нины Адамовны о том, что Марина Михайловна Громько была одним из сорока шести ученых, подписавших в 1968 г. знаменитое письмо в Верховный Суд и Прокуратуру СССР с требованием гласности, которая, по их мнению, не соблюдалась в политических процессах. Помню, что в этом Письме сорока шести сотрудников новосибирского Академгородка говорилось о чувстве гражданской ответственности, заставившем их действовать самым решительным образом. Вот это чувство гражданской ответственности и уверенность в праве личности на собственное мнение, желание жить по совести были всегда присущи Марине Михайловне. Тогда за эту принципиальность ее отстранили от преподавания в Новосибирском университете, хотя она являлась одной из

основательниц гуманитарного факультета. Вот с таким человеком мне предоставился случай встретиться.

Не без волнения я позвонила в дверной звонок, как быстро улетучилось это волнение при взгляде в глаза Марины Михайловны, излучающие доброту, спокойствие и мудрость. Марина Михайловна приняла меня как «научную внучку» (ее фразеологизм), и мы долго за чаем с ароматным и душистым медом беседовали о новых направлениях, подходах и концепциях в исторической науке (эта встреча была в самом конце 1990-х гг., сказывалась смена веж, научный плюрализм и влияние зарубежной историографии на отечественные гуманитарные науки). За критическими, а порой резко скептическими аргументами Марины Михайловны стояли огромный исследовательский опыт и глубокое знание первоисточников. Мы успели поговорить об изучении православной культуры русского народа, эта тема стала стержнем научных изысканий ее и коллектива ее учеников и единомышленников. Как помогли мне ее фундаментальные труды, когда я некоторое время читала курс этнографии русского народа. Теперь мои представления о «мире русской деревни» и «воззрениях русского народа» дополнялись яркими свидетельствами автора этих публикаций. При личном знакомстве с Мариной Михайловной я с большей очевидностью поняла истоки той глубины и живости восприятия историко-этнографической реальности (предмета ее исследований), обусловленные искренней и горячей любовью к истории страны, традициям русского народа, Православной Церкви. Если отметить особенности ее научно-исследовательского почерка, то я указала бы на умение безошибочно определить главное, стержневое и при этом быть внимательной к деталям, а еще принципиальность, честность и добросовестность, идущие от сердца и души. Безусловно, эти свойства, а также искренние забота и желание помочь словом и делом проявлялись и по отношению к людям, особенно ученикам. Ее ненавязчивые советы я всегда очень ценила и старалась им следовать, а жизнь и новый исследовательский опыт лишь доказывали их правоту. Личных встреч с Мариной Михайловной у меня, к сожалению, было не так много, их компенсировали подаренные книги и телефонные переговоры.

Марина Михайловна являлась для меня олицетворением настоящего профессионального ученого и высоко нравственного человека, притягивая своей духовностью и благород-

ством, эти свойства непосредственно сказывались на ее научных трудах. Она была сильной личностью, глубоко верующим православным человеком, цельным, порядочным и честным до предела, принципиальным в духовных вопросах, что часто оказывалось контрастом на фоне ослабления в обществе (да и в научной среде) нравственности и моральных устоев. Громыко пережила непростую советскую эпоху, сохранив и укрепив свои религиозные убеждения. Д. С. Лихачев в заметках «О жизни и смерти» писал: «Религия либо занимает основное место в жизни человека, либо у него ее нет вовсе. Нельзя верить в Бога “попутно”, “между прочим”, признавать Бога как постулат и вспоминать о Нем только, когда спрашивают». В жизни Марины Михайловны так и было – православие занимало в ее жизни ключевое, стержневое, самое главное место, проявляясь в ее научной и просветительской деятельности. В ее научных трудах явственно проступает нравственность и духовная зрелость автора. К слову сказать, академик Лихачев высоко оценивал ее «замечательные» книги. Удачный и емкий эпитет! Их действительно нельзя не заметить, каждая ее книга – свежее, яркое явление, новый особый взгляд и весомый вклад в гуманитаристику.

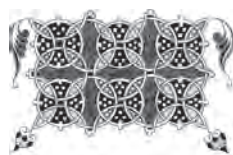
Несмотря на выдающиеся научные достижения, Марина Михайловна, будучи авторитетным специалистом, оставалась простым и скромным человеком, открытым и доступным для многих, кто к ней тянулся. Широкий научный кругозор и эрудиция сочетались в ней с духовной зрелостью и мудростью. Нет необходимости перечислять ее широко известные научные труды, ставшие классикой для исследователей Урала и Сибири (особенно в исследовании тем освоения Западной Сибири русским населением, культуры русского крестьянства и т.д.). Однако ее научные горизонты были намного шире региональной истории, поднимаясь до уровня осмысления всей православной культуры и мировоззрения русского народа. Для нее быть русским означало быть право-

славным, что доказывала она в своих трудах, такова была и ее самоидентификация. Особо следует отметить ее личный вклад в создание журнала «Традиции и современность» (научного православного журнала), инициатором которого являлась Марина Михайловна. Получив от нее в дар один из первых экземпляров, я сразу оценила высокий научный уровень этого издания.

Стоит указать на творческое долголетие Марины Михайловны. Ее последняя монография «О духовном возрасте ученых и изучаемых. Очерки по материалам России XIX-XXI веков» (М.: Индрик, 2018) показывает духовную зрелость самого автора, в книге идет речь об уровне духовного развития ученого и тех личностей и общностей, которые входят в предмет его исследования. Громыко была не согласна с противопоставлением науки и веры, показывая на конкретном историческом материале возможности, которые обеспечивает православное мировоззрение ученых. По ее убеждению, оно должно быть основано на собственном воцерковлении исследователя. Отсутствие понимания религиозности изучаемых может приводить к грубому искажению их характеристик и событий. Ее глубоко интересовал вопрос об общественном значении православной веры ученого. Особое место уделено в этой книге взаимодействию Церкви и науки в современном развитии гуманитарных исследований. Если говорить о близкой ей методологии исследования, в полной мере проявившейся в ее последней монографии, то это, прежде всего, аксиологический подход, приобретающий в ее работах четкие религиозно-нравственные очертания, дополняющийся классическими этнографическими и историческими методами исследования источников и научной литературы. Ее труды являются актуальными и востребованными в любое время, имея особую значимость для будущих поколений.

Светлая память талантливому ученому и удивительному человеку!

ADDITIONS TO THE PORTRAIT OF MARINA MIKHAILOVNA GROMYKO: MAN AND SCIENTIST

© 2021 Н. В. Чепелева
Россия, Москва

ПАМЯТИ МАРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГРОМЫКО

Аннотация. Краткая памятная заметка включает в себя воспоминания прихожанки храма преподобномученицы Елизаветы о М. М. Громыко, также посещавшей этот храм по месту жительства. Автор останавливается на характеристике личных качеств М. М. Громыко, ее религиозности и участии в приходской жизни.

Ключевые слова: воспоминания прихожанки храма, религиозная жизнь, М. М. Громыко, приходская жизнь, личные качества Громыко.

Abstract. A short memorandum includes the recollections of a parishioner of a church in Shcherbinka, Moscow region, about M. M. Gromyko, who also visited this temple at his place of residence. The author dwells on the characteristics of Gromyko's personal qualities, her religiosity and participation in parish life together.

Key words: Memories of a parishioner of the church, religious life of M. M. Gromyko, parish life and personal qualities of Gromyko.

Чепелева Наталья Владимировна (Chepeleva Natalia Vladimirovna) - прихожанка храма преподобномученицы Елизаветы, chepelev.yuri@vniizht.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 98-99

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК — 821.161; ББК — 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/98-99>

В начале 2017 г., к 25-летию образования православной общины в честь святой преподобномученицы Великой княгини Елисаветы в Щербинке (город в Московской обл., в 2012 г. включен в состав Москвы), получив благословение на сбор материала по истории церкви, я в первую очередь стала встречаться с прихожанами и людьми, которые стояли у истоков создания общины. Обратилась к Марине Михайловне Громько за воспоминаниями, потому что ее муж, Юрий Борисович Стракач, принимал активное участие в образовании общины, оформлении документов и строительстве еще деревянной церкви. Через некоторое время Марина Михайловна позвонила и пригласила меня к себе домой, таким образом, в феврале 2017 г. состоялась моя первая встреча с Мариной Михайловной. К моему приходу она подготовила и передала мне папку Юрия Борисовича с материалами по церкви для снятия копий, затем охотно и подробно поделилась своими воспоминаниями. Одной беседы было недостаточно, и мы начали встречаться. Марина Михайловна находила и передавала мне новые материалы (статьи, вырезки из газет и др.) о церкви и продолжала делиться своими воспоминаниями. Я в свою очередь показывала ей то, что удалось мне найти на тот момент по истории церкви. Марина Михайловна просматривала все с большой заинтересованностью. Постоянно ощущалась поддержка и забота Марины Михайловны, ее стремление максимально помочь. Она подавала идеи в поисках материала, давала необходимые рекомендации, оказывала неоценимую помощь в том, как работать с документами, архивами, на что обращать внимание, как правильно работать с текстом.

Постепенно и незаметно наши встречи стали регулярными и переросли в дружеские доверительные отношения. Через небольшой промежуток времени мы знали друг о друге почти все. Мне было легко, просто и интересно общаться с Мариной Михайловной на любые темы (богословские, исторические, личные). Я могла задать любой вопрос и получить на него точный исчерпывающий ответ. Чаше Марина Михайловна сама звонила мне, и мы договаривались о встрече. У Марины Михайловны к моему приходу всегда был составлен список-памятка о том, что она хотела мне сказать

или передать. Часто меня ждала стопочка книг и журналов, которые Марина Михайловна давала мне почитать или просто дарила. Она общалась со мной, когда в печать выходили книги, на которые нужно обратить внимание. Давала рекомендации по выбору книг. Время за беседами пролетало быстро и незаметно. Беседы были долгими, интересными, духовными.

С Мариной Михайловной мне посчастливилось общаться не очень большой промежуток времени. Здоровье ее ухудшалось, и последний раз мы встретились у нее дома 1 февраля 2019 г. Она позвонила и сказала, что надо обязательно встретиться, так как неизвестно, в каком состоянии она будет в конце февраля. Беседа была как всегда светлая, духовная, но с ноткой грусти и печали. Понимали, что это последняя встреча. Дальше мы общались только по телефону. Последний наш разговор состоялся на праздник Жен Мироносиц в 2020 г.

Марина Михайловна любила наш приход, она «болела» всей душой за него. Ее интересовало все, что происходило там. Она сопереживала всем текущим событиям, старалась чем могла помогать. В нашей церковной библиотеке сохранились книги Марины Михайловны, которые она дарила. Связь Марины Михайловны с первой в России православной общиной в честь святой прмч. великой княгини Елисаветы (община была образована в октябре 1992 г.) не прерывалась до самой ее кончины.

Последняя Литургия, на которой она побывала, прошла в Щербинке. Отпевали Марину Михайловну в храме-памятнике (церковь воздвигли в память великого князя Сергея Александровича Романова) в честь иконы Божией Матери «Отрада и утешение», и мне было приятно узнать, что в строительстве этого храма принимала активное участие св. прмч. великая княгиня Елисавета. Вот такая удивительная, интересная связь прослеживается.

Знакомство с Мариной Михайловной оставило в моей душе неизгладимый след. Марина Михайловна была очень скромным человеком, не любила подписывать свои книги, фотографироваться, говорила: «Я же не кинозвезда». Удивительно светлый человек, стяжала смиренномудрие и любовь. Светлая память о Марине Михайловне останется в наших сердцах! Царствие Небесное рабе Божией Марине!

IN MEMORY OF MARINA MIKHAILOVNA GROMYKO

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

© 2021 В. А. Звонкова
Россия, Москва

ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ МИХАИЛА ЕЖОВА К ВАЛЕНТИНЕ АНДРЕЕВНЕ ЗВОНКОВОЙ (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. Письма, адресованные В. А. Звонковой, мы печатаем вслед за ее воспоминаниями, чтобы еще более выпукло представить ту ситуацию в церковно-приходской жизни 1950–1970-х гг., которую описывает их автор. Священник, являвшийся духовником юной девушки, раскрывает перед читателем внутренний мир церковного человека в его молодые годы, полные испытаний. Также здесь публикуются письма того же священника Михаила Ежова к двум другим адресатам, сохранившиеся в архиве Звонковой. Это эпистолярное наследие содержит в себе ценные материалы о духовной жизни в советские годы, позволяющие нам говорить о высокой культуре духовничества среди белого духовенства.

Ключевые слова: письма, священник Михаил Ежов, адресат писем В. А. Звонкова, советская эпоха 1950-х - 1970-х годов, православная вера, духовенство, приходское духовенство.

Abstract. We are publishing the Letters addressed to V. A. Zvonkova following her memoirs in order to present even more vividly the situation in the parish life of the 1950s–1970s, which their author describes. The priest, who was the confessor of a young girl, reveals to the reader the inner world of a church person in his young years, full of trials. It also publishes letters from the same priest Mikhail Yezhov to two other addressees, preserved in Zvonkova's archive. This epistolary legacy contains valuable materials about spiritual life in the Soviet years, allowing us to talk about the high culture of clergy among the white clergy.

Key words: letters, priest Mikhail Yezhov, addressee of letters V. A. Zvonkova, Soviet era 1950–1970s, Orthodox faith, clergy, parish clergy.

Звонкова Валентина Андреевна (Svonkova Valentina Andreevna) – регент, хранитель архива прот. Михаила (Труханова), издатель богословских и прочих трудов, связанных с его именем, популяризатор духовного творчества прот. Михаила, vazvonkova@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 100–122

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 2.21.215; ББК – 86.372.7; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/100-122>

Предисловие Валентины Андреевны Звонковой

В трудные послевоенные годы и годы хрущевского гонения на Церковь Господь хранил среди мира своих угодников, которые остались Ему верными. Они многих людей укрепляли и помогали им найти себя в то непростое время.

В свои восемьдесят лет я с большой любовью перечитываю письма дорогого отца Михаила Ежова, советы которого мне помогали в годы юности устоять перед соблазнами и сохранить веру. Слезы и молитвы отца Михаила ко Господу и Его Пречистой Матери не остались неслышанными. Его горячие молитвы за меня я ощущала в течение всей жизни, они мне помогали в трудные часы. Пришло время и ему сказать слово благодарности.

Личное наше знакомство произошло в 1958 г. Познакомил меня с батюшкой мой знакомый по храму Димитрий Прохорович - духовное чадо о. Михаила. Знакомство поначалу было заочным, через письма, начиная с 1957 г., в ту пору, когда мне было 18 лет. Впервые я встретила с о. Михаилом в селе Красное Боровского р-на Калужской обл., где он служил в храме Архистратига Михаила. Встречались мы редко, в основном наше общение шло через письма. При встречах, как правило, я решала свои вопросы. О его жизни у меня было мало сведений, по молодости я считала неудобным этим интересоваться. Сейчас же, при подготовке писем к публикации, воспользовалась той информацией, которая имеется о нем в интернете (Оптина пустынь; Церкви Коломны; Храм архангела Михаила).

Слава Богу, письма сохранились! И теперь считаю своим долгом поделиться с читателями. Сначала скажу немного об обстоятельствах переписки и о лицах, там упоминаемых.

Период переписки охватывает время с 1958 по 1966 г. Батюшке тогда уже было около 80 лет. Письма публикуются практически без купюр, но с небольшими орфографическими поправками. Некоторые части писем могут показаться труднопонимаемыми, но было решено их тоже печатать как есть, зато в них - весь батюшка, с его речью, наполненной церковно-славянскими словами, со своей пастырской любовью и переживаниями, молитвой за духовных чад. Перед нами живой язык, который благодаря его живости и гибкости, словно он молодая цветущая ветка, можно приспособлять к разговору, к конкретному случаю и теме.

Скажу и о тех, кто часто вспоминается в

письмах. Друг о. Михаила - Иван Митрофанович Беляев. Они вместе начинали свой жизненный путь в Оптиной пустыни перед её закрытием. Далее их дороги разошлись, а в конце жизни они встретились, и дружба продолжилась, что так ценно. Ведь иметь хорошего друга - это бесценный клад.

Моя встреча с Иваном Митрофановичем, по Промыслу Божию, произошла в гостях у моего знакомого Дмитрия Прохоровича. В то время я ничего не знала об Иване Митрофановиче, но теперь, прочитав о нем в разных источниках¹, расскажу немного. Думаю, это будет интересно. У меня осталось несколько писем о. Михаила, адресованных Ивану Митрофановичу и Димитрию Прохоровичу. Они тоже представляют интерес, и я их здесь публикую с краткими комментариями.

В письмах упоминаются имена двух священников: о. Димитрия (настоятеля Московского храма Всех святых, что на Соколе) и священника этого же храма о. Владимира Родина. Первый передал в дар храму Архистратига Михаила в с. Красное Калужской обл. (где служил о. Михаил с сентября 1957 г. по август 1959 г.) икону Божией Матери «Нечаянная Радость», а второй пожертвовал на ремонт храма 1000 рублей. В то время это были огромные деньги. Можете себе представить размер этой суммы при доходе батюшки за одну службу около 5 рублей. Деньги очень помогли о. Михаилу в период ремонта храма.

Удивителен Промысл Божий! В последние годы жизни отец Михаил сильно болел и ежедневно «умирал». Он всех так усердно просил за него молиться по кончине, а получилось, что и о. Димитрий, и о. Владимир (который был моложе его на двадцать лет), и моя подруга Полина (которой всего было тридцать с небольшим) почил, и ему пришлось молиться за них. Господь его хранил. Дивны дела Твои, Господи, и уму человеческому непостижимы! Как мы видим из этой переписки, батюшка даже в свои 80 лет деятельно трудился, восстанавливал храмы, что было не по нраву власти, поэтому его часто переводили с места на место, отправляли порой далеко от Московской области, но ничего не могли с ним поделать. Кратко остановлюсь на биографии о. Михаила.

Михаил Михайлович Ежов родился в 1882 г. в с. Пушкино Московской обл. В юности бывал у о. Алексия Зосимовского, в 1903 г. присутствовал на торжествах прославления прп. Серафима в Сарове. В декабре 1907 г., будучи двадцати пяти

Протоиерей Михаил Ежов.
Фото из архива В. А. Звонковой

лет от роду, по благословию 112-летней монахини Зачатьевского монастыря Сарры (Бородиной), известной подвижницы и прозорливицы, предсказавшей ему священство, ушел в Оптину пустынь, где стал послушником у старца Варсонофия Оптинского вместе с братьями Беляевыми, Николаем (будущим прп. Никоном Оптинским) и Иваном. В апреле 1913 г. был отправлен в Коломну вместе с казначеем иеромонахом Гавриилом для сопровождения гроба с телом схииеримандрита Варсонофия в родную Оптину.

В 1914 г. после начала войны был мобилизован в ополчение и служил в военном госпитале старшим палатным надзирателем. Пережил фронт, голод, холод, тиф. После 1917 г. окончил пастырские курсы. В 1922-1924 гг. сражался с церковными обновленцами, за что и был арестован в 1924 г. В заключении и ссылках пробыл 23 года - до 1947 г. Последним местом

Михаил Ежов с посохом около гроба старца
Варсонофия. 1913 г.
Источник: <https://www.optina.ru/>

Храм Архангела Михаила в с. Красное.
Источник: <http://gazeta-balabanovo.ru/>

ссылки был г. Архангельск, и там 21 ноября 1947 г., в день своего Ангела, он принял священство. В то время ему было 65 лет.

Господь сохранил своего избранника. В священническом сане прослужил 20 лет, до своей кончины.

Одно время, как уже было сказано, о Михаилу пришлось служить в селе Красное Боровского р-на Калужской обл., в храме Архистратига Михаила, построенном в 1910 г.

Храм сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны. В период боевых действий (октябрь 1941 г. – январь 1942 г.) он обстреливался. Был закрыт. В 1944 г. его вновь открыли, начались службы. Но восстанавливать его было некому, он находился в полном запустении. Число прихожан постоянно уменьшалось, а молодые вообще не хотели сюда ходить. О. Михаил всю душою радел о храме и о своем приходе. Молился и прилагал много сил для восстановления святыни.

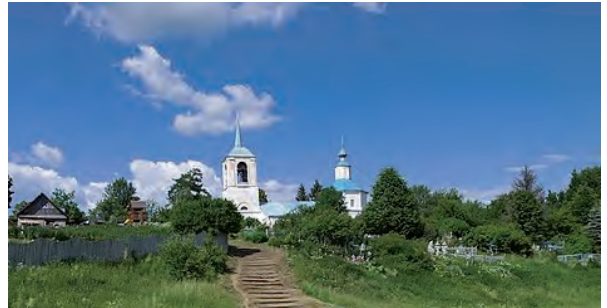
Отцы храма «Всех святых, что на Соколе», прихожанкой которого я была в то время, пожертвовали для храма иконы, семисвечник, деньги на ремонт. Храм постепенно восстанавливали, к нему вернулось благолепие. В сентябре 1958 г. о. Михаил пишет: «Был владыка, в удивлении сказал: “Одно чудо Михаила Архангела в Хонех, второе – в Красном”». В письме от 22 августа 1959 г.: «Леса сняли. Красавец стоит!». Но тогда уполномоченные зорко следили за происходящим в церкви, не давали приходским священникам подолгу служить на одном месте, чтобы с прихожанами не устанавливались сердечные отношения, чтобы не росло число новых прихожан. И вот уже в сентябре 1959 г. о. Михаила переводят служить в храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Карижа Малоярославецкого р-на Калужской обл. А храм Архангела Михаила, куда был назначен новый настоятель, в мае 1960 г. закрыли под предлогом малой его посещаемости и, как следствия – мало доходности прихода. Закрытый храм был разорен духовно опустошенным местным населением и дачниками. Вновь был возвращён Русской Православной Церкви в 1994 г. Началось его медленное восстановление (Село Красное).

Современный вид храма Архангела Михаила в с. Красное. Источник: <http://gazeta-balabanovo.ru/>

Каменная церковь на погосте Карижа была построена в 1701 г. В храме было два престола: главный – во имя Покрова Пресвятой Богородицы и придельный – во имя святого пророка Илии. Приход на Кариже считался местом глухим (Село Карижа). При батюшке храм отремонтировали, заменили кресты на куполах, сделали отопление, ограду.

2 августа 1961 г., на престольный праздник Ильи пророка, о. Михаил отслужил там последнюю свою Литургию. Ночью его дом был подожжен. Слава Богу, обошлось без человеческих жертв.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Карижа. Источник: <https://kalugaestates.ru/id131>

Мозаика и памятная доска на фасаде храма Покрова с упоминанием имени о. Михаила. Источник: <https://kalugaestates.ru/id131>

Отец Михаил жил на приходах, где служил, а прописан был в г. Пушкино Московской обл., в общежитии, в комнате не более 14 м². В конце 1961 г. мне пришлось там побывать, когда мы провожали батюшку в Сыктывкар - его, восьмидесятилетнего, неожиданно отправили служить туда.

Около дома о. Михаила в Пушкино. 1961 г.
Фото из архива В. А. Звонковой

Ярославский вокзал, проводы о. Михаила в Сыктывкар. Священник – в первом ряду. 1961 г.
Фото из архива В. А. Звонковой

Приблизительно с 1963 г. о. Михаил начинает служить в храме Архангела Михаила в с. Кутепоно Жуковского р-на Калужской обл. Также восстанавливает этот храм. Его служение здесь продолжалось до кончины священника.

В письмах мы прочтем о его служении, искушениях, трудностях. Его переводили из храма в храм. За годы безбожия люди, даже те, что ходили в храм, отвыкли молиться Богу, им

неугоден был священник, который призывал к порядку.

Храм Архангела Михаила в с. Кутепоно

Батюшка прожил 85 лет. Скончался 26 апреля 1967 г. в Великую среду Великого поста. Был похоронен около храма Покрова Божией Матери в п. Черкизово Пушкинского р-на Московской обл. (ст. Тарасовская).

Похороны о. Михаила. Храм Покрова Божией Матери в п. Черкизово. 1967 г.
Фото из архива В. А. Звонковой

Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему отцу Михаилу и сотвори ему вечную память!

Письма протоиерея Михаила Ежова

15 июля /19/58 г. с. Красное

Милая Валя, мир ти и маме, и всем благодетелям моим и нашего храма!

Любовь Божия да пребудет над вами!

Уведомляю, что письмо, перевод и посылку получил. Посмеялся не насмешкой, а любовью. Распаковали посылку, и что же: утварь для нашего благоустройства. Хотя и это нужно, но, мне кажется, во второй план. Знаю, что Господь управляет сердцами человеческими и для человека. Ибо создал Господь вся благая для человека, а человек в благодарность платит злом не только образу Божию, но и самому Богу. Конечно, последнее преступление видит человек, любящий Господа. Он скорбит (человек), но не в силах помочь. Сам Христос сказал: «Солнце светит на злыя и на добрыя». Так и Господь терпит нас до времени, времени покаяния. Если же не покается человек, то он бывает, как сухое дерево, – срубают и в огонь бросают.

Но как сердце пастыря бывает преисполнено радости, видя юные сердца, стремящиеся ко Господу (твое и других), и видя ревность ко спасению себя и других (Виктор), старается вести их по спасительному пути. Наставляй Виктора, тащи его силой, открывай ему легкий путь ярем земной жизни. В настоящее время мало таких. Кто что ищет, то и найдёт. В бытность твою у нас [ты] оставила [о себе] память простоты и незлобия. А теперь, видно, и любовь. Простота та: ты как бы уже старый друг, подвязавши фартук, стала готовить обед, таких мало, приятно повторение. Ждем не только тебя, но и с тобой прибывших. Лето, найдём место ночлега. А за удовольствие – попеть в храме, а мне – послужить. Храм приведён в полный порядок, кроме главной живописи. Об этом трудно мечтать. Едва ли накоплю желаемую сумму. А частично имею желание. Сейчас дивно одевается главный престол лицевой стороны – Воскресение Христа. Правая – явление Христа по Воскресении Марии Магдалине. Далее – как будут деньги. Очень жаль, что у Мити не получилось. Я Дусе сказал: «Пойдешь в город, пригласи фотографа». Была большая экскурсия: администрация района, пионерских лагерей, много народу перебивало. Всё это ра-

дует. Одно не радует, моя болезнь. Всё время дает о себе знать. Так, моя радость, жду тебя и всех, кто будет направлен в наши края, всем приют дадим.

Первый день, скорей ночь, начинаю платить долги писем. А то молчал, да обленился писать. Вот тебе в 3-й раз принимаюсь писать. Первое – чернила стекают. 2-е – чердак не работает, писал и бросил: тяжело писать. Наконец, 3-е – ну как будто бы пишется, хотя плохо, без содержания, ну, как дух велит. Иди, дорогая, сим путем, не сворачивай никуда. Согрешишь – покайся. Прп. авва Дорофей говорит: «Женатый скован по рукам и ногам, а не женатый только по рукам». Ноги куда хотят идут, где хотят, там пребывают. Только и жизнь, когда человек один. Св. ап. Павел сказал: «Если девица выйдет замуж, то не согрешит. Но мне жаль вас, женатый или замужняя скорбь по плоти имеет». Вот Митя, ему хочется и колется. Женишься – потеряешь свободу, ради свободы живет и мучается. Если бы он решился остаться один, то давно бы был диаконом. Но, увы! Время бежит, он стоит на одном месте. Как он писал мне о тебе, как он желает, чтобы ты не потеряла свободу, жила бы одна. Я ему сочувствую и принимаю к его мысли. Господь сказал: «Дух бодр, плоть же немощна». Так, дорогое чадо, старайся читать слово Божие, будет легко бороться с плотью и духом злобы. Сердце твое подготавливается к принятию Господа и к жизни вечной в грядущие дни скорби. Сказал Господь: «Горе будет доящим (кормящим) и беременным в эти дни». Смотри, моя радость. Имей чаще общение с духовными, но с осмотрением, не бросайся без рассуждения, не всем открывай свою душу, а только одному.

Хранит Вас Матерь Божия, твоя Заступница. Пребывай в постоянной молитве, будешь жить счастливо. Не взирай – много будет соблазна, не смущайся.

Остаёмся любящие Михаил и Евдокия². Пиши, с любовью отвечу.

Посылку получил 15 июля.

08 августа 1958 г. с. Красное

Мир ти, чадо мое Валя!

Примите все через мою грешную руку Божие благословение. С любовью всех обнимаю. Желая всем вам спасительного пути, ими же веши судьбами. Уведомляю, моя радость, что письмо твое и чрез тебя перевод мною получен. Слезно поблагодарил Царицу Небесную, к Которой мой зов, благовременно и безвременно, на всяком месте, даже лежа в постели;

и небесного ходатая, архистратига Михаила. Размышляю о действиях промысла Божия, Который приводит меня в удивление. Всё слагаю в сердце моем.

Немало удивил собрат мой о. Владимир, коего лично не знаю. Знаю одно, что мы служим Единому Богу и молимся по имени не только за всех пришедших и принесших, но и тех, которые втайне стали соучастниками строительства дома Божия. Все они возложили лепту на алтарь молитвы. Я очень рад, что в душе моей грешной умножается взаимный союз любви, как-то: святителей, собратий и духовных моих чад, которые стали соучастниками строительства дома Божия. Что для нас дорого как не «единья уста и сердце пред Господем»? Сказано: «Се что добро, еже жити братии вкупе» ... Сей лептой оправдываются слова пророка Давида: «Возлюбих благолепие Дома Твоего и место Селения Славы Твоея». Приношу слезно благодарение Господу за любезнейшего батюшку о. Владимира, который возложил жертву сию на алтарь молитвы и моему грешному сердцу. Прошу его не оставлять меня в своих святых молитвах. Будет Господу угодно, увидимся лицом к лицу и устом ко устам братским лобзанием. Верую Господу, что Он-то и будет среди нас. Как в богослужении, так и среди молитвы. Приветствую любезнейшего болящего старца Димитрия. Как будет готова картина неопишуемой красоты «Предсмертная молитва Богоматери в Гефсимании», невиданная в наших храмах, которую исполняют художники строгановского училища, сфотографируем. Это в дополнение тех картин, которые оставили в ваших сердцах неизгладимую память. Вторая картина, «Успение Матери Божией», сделанная вчерне, но носит не менее трогательный характер: у апостола Петра и Иакова слезы на глазах, как умиленно.

Получены деньги чрез тебя, но знаю, они о. Владимира. По получении фото ему будет приятно, так как это жертва его любви, будет до смерти радостью, и по смерти, несомненно, вознаградится за сделанное храму Божию, поруганному войной. Все раны залечены. Как бы и не было. Всё сие делается и в природе человека. Смертельно болен, но миновавшая болезнь не оставляет следа. Икона Нечаянной Радости многое дает всем приходящим к ней с верою. Каждый воскресный день служится молебен, и есть молящиеся, даже до 40 человек бывает. Пусть батюшки не удивляются, а для нас это радостно и удивительно.

Так, дорогая моя, вот дивное чудо - храм восстал из руин, развалин. Владыка сказал (ему известен приход): «Чудо Михаила Архангела в Хонех, а второе чудо - в Красном». В прошедшее воскресенье принесли из соседнего прихода, также разрушенного, икону древнюю (1617 г.), была с мощами, но мощей нет. А живопись сохранилась прекрасная, некогда привезенная из Царьграда.

Прошу, передай братский привет отцам Церкви и всем нашим благодетелям. О всех возносится наша недостойная молитва. Если возможно, чрез Митю или Ивана Митрофановича, в заказном письме переслать хотя в малом количестве краски для фото. Я их сам распишу.

Хранит вас Матерь Божия, ваш недостойный собрат и отец грешный Михаил. Дуся с любовью тебя вспоминает.

25 августа [19]58 г.

Мир всем!

Милейшая о Господе Валя! В лице твоём все наши благодетели! Примите чрез мою грешную руку Божие благословение, с любовью приношу за вас свои недостойные молитвы. Главное, пред образом Нечаянной Радости, который служит украшением нашего убогого храма и движет к молитве всех припадающих к Ней.³

Ваши недостойные богомольцы Михаил, Евдокия.

15 сентября [19]58 г. с. Красное

Мир всем!

Милая Валюша, мама, Люба!⁴

Примите Божие благословение. С любовью приветствую вас всех. Поможет вам Царица Небесная преплыть сие житейское море, обуреваемое скорбями и всякими искушениями, в радости предстать к берегу Вечного живота. Письмо твое, Валюша, получил. Спаси, Господи, за пожелание мне, грешному, благих источников. Взаимно прошу вам спасительной радости. Трудно преплыть житейское море, много труда и болезни сердца, борьба против плоти и крови. Надо помнить, что много искушений есть и будет. Не надо придавать много значений. Живите по-христиански, молитесь на всяком месте Владычества Господа. На молитву места нет [не надо]. Везде Господь и вся исполняй: Он смотрит на сокрытое сердце кающегося грешника. Живи попросту, ангелов будет со ста. Не бери на себя ни малейших подвигов, подобно Димитрию. Глупость допустили, а вот

уже 14 лет не можем исправить. Во святые не попал и от грешников не отстал, а себя испортил. Питайся всем, что Господь послал, и благодари Бога. Так учит св. ап. Павел. Укоряй себя во всех тайных пороках. От отчаяния подальше. Знай, что Господь пришел для грешников, а не для праведников, которых нет на земле. Ибо всяк человек ложь. Смотри в себя, как тебя милует Господь, какую даёт тебе радость в Себе. Ибо надеющиеся на Господа не лишатся всякого блага, и благословение Господне на главе всех, покоряющихся Воле Господней. Если будет Димитрий, то собирайтесь у Евдокии Захаровны, а к себе [звать] - воздерживайтесь. Сатана вас караулит, но он (Димитрий) слаб в воле своей, легко может попасть в сеть гордости, уча других. Ему нечего учить верующих, пусть направляет отступников от веры. Вас Сам Господь умудрит. Много руководителей не ищи. Ищи одного мудрого и вручи ему свою душу, если он согласится тебя принять. От многих нет спасения. Советуйся с одним чаще. Не мечтай о подвигах. Знай, теперь жизнь, чтобы сохранить веру в Господа, - великий подвиг. А что наши страсти - они присущи всем. Не смущайся, если бы ты была ангел бесплотен, то не было бы наших страстей. А то все подобострастны, только в разное время. Помни, грехи наши христианина приводят ко смирению, без коего нет спасения. Мы сделаем, даже не сделаем, на копейку, а мечты - на рубль. Мне понятна ваша жизнь, побывши у вас. Много страстей, много огня, а находящийся около огня непременно обожжётся или сгорит отчаянием. Писать подробно не буду, а лицом к лицу всё скажу. Знаю, трудный подвиг - настоящий момент жизни. Почитай 72-й и 73-й псалом на русском языке. Всё будет понятно без слов. Эта истина настоящей жизни. Очень жаль, 2 дня подряд был в храме у вас и не видел отца Владимира. Прошу им обоим (и о. Димитрию) передать мой грешный молитвенный привет. С любовью их поминаю и их прошу [о том же].

Жду Димитрия с аппаратом и приспособлениями, дабы их на месте проявить. Больше пусть ничего не везет. У нас все есть. Сегодня чувствую себя удовлетворительно, отлеживаюсь. Вчера, т.е. в воскресенье, много было труда по-нашему, домой пришел в 4-м часу вечера. Для ваших отцов - закон, а для нас - подвиг. За все слава Богу!

Хранит вас Царица Небесная. Наш привет Евдокии Захаровне, Марии, маме и всем прочим.

Ваш великогрешник Михаил.

27 сентября [19]58 г. с. Красное
Мир всем!

Дорогая Валюша, благословит тебя Господь, в лице твоём всех твоих близких родных и друзей по духу.

Поздравляю тебя со спасительным праздником Воздвижения Креста Христова. Что сей означает праздник? Праздник великих надежд роду человеческому, наипаче нам, христианам. Ибо Крест Христа - наша ограда от врагов видимых и невидимых. Наше упование в минуты искушений. В особенности, когда Он попирается неверующими и инаковерующими (баптистами). Для нас же - спасительный подвиг Христа. Взирая на Него, мы должны укрепляться верою во грядущее спасение. Наипаче в дни нашей жизни, когда нам представляют кресты страсти наши, ближние наши, да и вообще, без перечислений, не достанет нам времени.

Обратимся к последнему письму, мною полученному, где выражается тобою великая скорбь, не искушения, а просто неопытность жизни. Вот премудрый Соломон сказал: «Если тайну свою не удержишь на своем языке, на других не удержишь». Жаль, моя радость, что ты далеко стоишь от меня. Нашедшее на тебя искушение, что ты думаешь, на тебя будет кто-то смотреть, как на развратную?! Боже мой! Ты, моя радость, удивляешь меня: будучи юна, идешь по пути старости веры. Ну, треножник всякому спасающемуся кидается на всяком пути. Тебе сон растолкован в иную форму. Не принимай на себя. Вот и плохо, что люди, не будучи умудрены в духовной жизни, часто приводят людей к отчаянию. Евдокия Захаровна, не надо было ей передавать. Одна по расположению сказала, не поминая твоего имени. Другая передала от твоего имени. Вот как плохо! Одной трудно жить, а от других не можем нести бремена скорби.

Валя! Валя! Ты, наоборот, в наших глазах стоишь высоко. Помогите тебе, Господи, нести без ропота свой крест. Евд. Зах., человек пожилой в жизни мира, а по жизни духа нельзя еще называть и младенцем. Зачем передавать другому, разговаривая с одним. От сего учись молчать. Слушай всё и молчи всё. Не сочувствуй никому в его немощах. Предоставь Силе Господней, Которая вознесена на Крест ради нас, грешных. Димитрий у меня. Держит себя сдержанно. Если и есть у него какие-либо чувства к тебе, но он нигде не выражает. Я тебе писал: постарайся себя держать посуше. Встречайся с ним не у себя дома, а где-нибудь. При личной встрече я тебе скажу. Пусть будет и жестоко

тебе, но терпи. Ты юна, много тебе впереди будет искушений. Знай Христа, Его страдание и Его славу. Так и Он нам обещал, с Ним будем иметь славу, если претерпим до конца. Митя от полученной посылки и других твоих услуг не мыслит о том, чтобы ты ему была жена. Выкинь из головы. Молитесь друг за друга и за меня, грешного, а я за вас. Все мы будем воедино о Христе.

Шлю вам 2-е доверенности. Кто поедет? Это новое дело. Не помню, писал ли вам. Был владыка, в удивлении сказал: «Одно чудо Михаила Архистратига в Хонех, второе - в Красном». Старосте и Дусе прислал бумагу святительского благословения за понесенный труд. Молитва о вас возносится у Престола Божия.

Крепись, враг рода человеческого не терпит сего.

Хранит вас Царица Небесная.

Ваши Михаил и Евдокия... Братское лобзание батюшкам Димитрию и Владимиру. Здоровье мое слабеет. Больше лежу. Дуся свалилась, нервы расшатались. Пошли сегодня в город, упала, вся в грязи. Митя в храме. Я пишу письма.

7 октября [19]58 г.

Мир всем!

Милая Валюша, мама и все твои подружки о Господе.

Благословит вас Христос. Уведомляю, письмо твое, Валя, получил. Возблагодарил Господа о вашем стремлении во спасение ваших душ. Помогите вам, Господи, не сворачивать с этого пути! Покудова идёте сим святым путем, по тех пор и радость души. Как оставите сей путь, то скорби не минуют. Будьте осторожны, прячьтесь под Крест Христов. Это наша ограда, в особенности, когда Крест Христов стал соблазном мира сего.

Уведомляю, здоров по своим силам. Медленно, но верно иду к последнему часу, который, видно, близко. Ко всему старческому привыкаю. Оно, т.е. старческое, стало ощущаться. Ну, дорогая, всему время. Время сеянию и время жатве. Весьма рад, что чрез вас, дорогие, имею новых молитвенников, отца Димитрия и Владимира. Валя, я послал тебе письмо и доверенности на тебя и на Евдокию Захаровну. Видно, ты не получила. Раньше было требование, и все. А теперь доверенность. Шлю еще. У нас нет ни одной свечи самой мелкой, другие не берут.

Мы живем в самой бедноте. Мне ничего не надо. Но поедете - захватите хлеба московского два кило и батона два, и все. Очень рад о ва-

шем приезде. С любовью жду. Отец Димитрий обещал дать паникадило, и они согласились с Михаилом Георгиевичем дать семисвещник. Прошу также передать Божие благословение ему. Это бывший мой директор по работе. Храм наш приводится в должное состояние. Раны войны залечиваются. Остались только стены ободранные главного храма. И двери разбитые. Остальное все поправили.

Спаси вас, Господи. Владыко был, когда я у вас был, и сказал: «Одно чудо Михаила Архистратига в Хонех, другое - в Красном». Что было и что стало?! За всё слава Богу.

Относительно этих людей. Видно, аферисты. Внешний вид привлек к нашему богатству. Внутрь вошли, увидели сумку нищего. На этом все кончилось. Вот у меня - горе: староста оказалась служить. Нет у меня человека.

Ну, видно, без скорби не бывает ничего. В воскресенье служил со слезами. Если бы у меня были силы покрепче, а то стал слаб. Тут-то и горе. Пою Богу моему дондеже есмь. Скажу истину. Мир души есть. Митя был, всё расскажет. Мне прислали собрание проповедей, произнесенных мною, которые меня удивляют. Действительно, Сила Божия в немощи совершается. Всё забыто и воскресло. Слава Богу!

Прошу батюшкам передать, что их имена записаны на скрижалях сердца. С любовью произношу во время совершения проскомидии: «Честное пресвитерство», и их имена в это время возносятся, в служебной просфоре, а потом в общем. Их прошу взаимно. Имею радость в том, что я, грешный, имею сонм молитвенников.

Дорогие мои, пишу ночью, кашель не даёт писать и одышка. Что делать?

Хранит вас Царица Небесная. С любовью. Ваши грешники. Михаил и Евдокия.

Икон берите себе, сколько нужно, остальное нам. Привезите бидон на грибы. Дадим грибов.

17 декабря [19]58 г.

Мир ти, любезнейшее чадо Валюша!

Письмо твое получил. Чрез слёзы радости прочел. Благодарил Господа, что мною приобретена драхма, которая светится светом спасительным. Умница моя, радость моя! Помогите тебе, Господи, идти сим путем. Не сворачивай ни вправо, ни влево, иди царским путем, т.е. путем, каким живешь. Моли Господа о прощении своих грехов и моих. Я весьма рад, что с раннего детства ты усматриваешь в своем жизненном пути препятствия, скорби, свои не-

мощи. Помни, что с тобой совершается, то и с великими людьми было и есть тоже. Помни, всякая борьба плоти, она присуща только борющимся. Сказал прп. Авва Дорофей: «Когда человек приближается к Богу, видит себя грешней». Посмотри, когда луч солнца падает в окно, сколько ты видишь пыли, щепок малых, побольше, а иногда чуть ни бревна летят. Так и душа человека, идущая по Богу.

Видит не только падения, но усматривает и помыслы. Эти слова относятся не только к тебе, но и подвижникам великим. Без сего нет смирения, а без смирения нет спасения. Так помни и до гроба. «От юности моя борются мя страсти...», - говорит св. Церковь. Нанести рану легко, а залечить? Так грех взошел от юности, борьба до старости. Меня радует твой путь, не отчаивайся, моя радость, ни в каком падении. Пала - вставай, кайся, плач, скорби, смирайся и не осуждай никого, знай - все человеки. Скорби за себя, за других молись. Если время пришло отступления от Бога, то еще праведник едва спасается, то грешник где явится? Как ты меня обрадовала словами: «Все несем скорби, верующие и неверующие. У верующих есть надежда, а у неверующих что?». Вот ты юна, Ангел Хранитель показал тебе путь тот и другой. Стой в вере, крепись в уповании, что Господь пришел на землю ради нас, грешных. Сказано в древнем: «Многи скорби праведным», - слышишь, праведным! - от их же избавит я Господь. Хранит Господь не только человека, но и кости их по смерти, и не едина от них сокрушится. Далее: «Смерть грешника люта» (Пс. 33). Слышишь! Письмо твое звучит не юной, но старицей, познавшей опытом. Помни и другое: не смущайся. Ты не знаешь, куда Господь тебя избирает: если избирает светильником света, во тьме сени сидящим, то нет инаго пути, как пути скорби. Ибо сам искушен бысть, может и искушаемым помощи. А борьба с плотью, это до самой смерти. Слушай апостола Павла: «Дадется ми пакостник плоти, аггел сатаны, да пакости ми деет. Трикраты Господа молих, да отступит от меня». Как его Господь утешает: «Довольно тебе, что ты видел, слышал в третьем небеси. Благодать Моя в немощи совершается» (2 Кор. 12, 7-9). Знай, ты - человек. Чтобы ты не превозносила, дается нам немощь плоти. О грехе, который входит в твою душу помыслами, через них разжигается похоть. Надо всеми мерами отражать, не услаждаться. Получишь венец мученицы. А в чем же наша брань? Относительно боишься влюбиться. Люби, но не говори тому, кого любишь.

Страдай, плачь и молись, открывай духовному отцу. Этот путь до старости всем есть. А как ты будешь знать других, если не испытываешь сама? Путь сей неизбежен. Приведу тебе пример старца Варсонофия Оптинского. Он любил одну четыре года, до тех пор, пока не ушел в монастырь. Как любил? Ежедневно она ходила за покупкой, путь у неё был один. Он стоял на углу. Пройдет она, и он успокоится. А кто она, он не знал. Она не знала, что он её любит. Были ночи - не спал, плакал, тогда покой - как увидит.

Знаю другое. Один человек был влюблён в особу. Вместе проводили вечера, но не знали друг друга. В конце сделал ей предложение. Она отказалась по своим соображениям. Ему сплелся путь иной. Неожиданно для его жизни и почти против воли своей, принимает благословение в монастырь. Когда принял благословение, получает от неё согласие на всё. У него борьба по Господу была сильней. Он делает отказ, но любовь не угасла. Пойми, сколько он пережил, сколько пролито слез. Но молитва давала ему бодрость духа, и радость иноческой жизни подавляла всё. Старец запретил брать фото, запретил молиться за неё. Это для того, чтобы умирить душу, не возбуждать помыслами. При помощи Божией сила Божия победила. Но любовь осталась, только как к любимому человеку, в бесстрастии. Далее у неё были дети и внуки.

Любовь, говорит, не угасла. Не встречался с ней в течении 33-х лет. Наконец, эта любовь была Господом вознаграждена: он стал иеромонахом. Однажды служу, говорит, панихиду, чувство сердца говорит: «Помяни её за упокой». Как возглас: помяни за упокой. Как я буду поминать, когда она жива; и что же, через полгода узнаю, что она в этот день и час скончалась. Вот другая любовь.

Мог бы тебе привести волю Господню во многом, но нет времени и бумаги. Довольствуйся двумя примерами.

А что борьба твоя - до гроба и вечного спасения. Прекратишь борьбу, бо́льшая постигнут скорби в другом виде. Храни себя. При личном свидании поговорим, или у меня в новый год, или у вас. Прочти 3-ю книгу пророка Ездры, 15 главу, тебе все видно будет, пришло время пророчеству. О совершенстве не думай, но иди, только не отчаивайся, что не дойдешь. В этом мученичество без крови. Относительно мамы не беспокойся. Ея болезнь временами будет вскрываться. А когда будет уходить, вы будете думать, что мертвая. Больницы и лекарства ей

не помогут. Давайте во время приступа святую воду. Я молюсь, как о страждущей.

Отцов Дмитрия и Владимира поминаю, как болящих, не только в храме, но и дома среди неспящей ночи, но это ежедневно, как будильник в два часа ночи, но только лёжа.

Здоровье мое видимо с каждым днем угасает. Годы! Последние два воскресения служил хорошо. Ничего чувствовал, а после причащения, под конец службы, едва дух переведу, с большим трудом добреду до хаты. Сегодня ночь и день, утро провел тяжко. Дышать нечем. Раньше не было. Пишу письмо, приносят посылку из Алма-Аты, дивные яблоки, нежные - доберегу ли до вас? Относительно свечей что делать, давно известно. Вы купите в керосиновых лавках, пока не сняли с продажи, 18 рублей кг, какие есть на рынках центральных.

Относительно Марии. Что делать! Видно, скорбь пролита на весь мир.

Валечка, милая, усердно, чрез спазму горла, прошу: «По исходе моем не забывай меня, окаянного грешника». Здоровье мое с каждым днем слабее. Служу хорошо, а идти домой - только держусь за плечо Дуси, едва дойду. Вот уже 3 воскресенья так. Что делать! Спаси, Господи, за молитвы моих духовных детей, что меня очень утешает. Относительно адреса я сомневался, кому писать. Какая ты догадливая, умница. Поминаю вас, как могу.

Хранит вас Царица Небесная. Молитвенный привет от Дуси, а через мою грешную руку Божие благословение вам.

Ваш доброхот грешный Михаил.

Поздравляю с прошедшим праздником св. Николая. 3 часа ночи.

21 марта 1959 г.

Да благословит ти, чадо мое, Валюша!

Мир душевный да пребудет с тобой во вся дни жизни твоей!

После отъезда твоего много думал о дальнейшей твоей жизни. Благодарю Господа, что ты стала воином за Жениха твоего, Христа Бога нашего. Ты вышла на бой со врагом жизни всех, подвизающихся ко спасению. Трудный бой. Силы человеческие не могут устоять в борьбе против плоти и крови. Едина помощь Божия. Я рад, что ты замечаешь и победу, и побежденную. Возьми футбол, сколько там победителей и побежденных. Упали и встают. Не обижаются друг на друга. А как рукоплещут победителям! Так и наша земная жизнь. Арена боя со врагом рода человеческого до самой смерти. Помни, что чем больше и ближе бу-

дешь подходить ко Господу, то борьба сильнее обостряется. Сейчас она против плоти и духа, а когда будет плоть изнемогать и когда душа будет очищаться от страстей, борьба хуже и опасней. Это - превозношение ума. Чего избави Бог. Эта борьба заметна, а последняя борьба положит тебя на лопатки самоуспокоения, и будешь лежать, будучи грешницей, а греха не будешь замечать. Лучше умирать грешником, а не мнимым праведником. Что мы грешные - это, несомненно, и будем. Апостол Павел сказал: «Где грех, тут и преизобилует благодать» (Рим. 5, 20), помни, не изобилует, но преизобилует. Вот где любовь Отца Небесного к роду человеческому. Сим путем шло праведное человечество. Мне неостанет времени приводить примеров. Но один великий пример. Иоанн Богослов, друже и наперстниче Христов, девственниче, говорит: «Кто думает из вас быти без греха, тот лжец и антихрист» (Ср. 1 Ин, 1, 8, 10). А мы с тобой, радость моя, растлили в похоти душу с ранней зари, т.е. возраста. А думаем, что победим. Победим при помощи Господа. Никогда не отчаивайся во спасении. Это самый великий грех. Тебе известно житие Марии Египетской. Великие падения, но и великое восстание. Будешь читать Златоуста - найдешь и успокоишься. Не во грехе, но в покаянии созидай Церковь Божию в домашних обстоятельствах и внутри себя. Приготовьтесь во всеоружии встретить время, когда антихрист объявит себя открыто, хотя верующим это видно. Знаю, много слез будет тебе стоить оставить любимое существо Д., но что делать? Спасать душу или тело? Избави Бог опуститься. Это очень легко. Мне кажется, падение неожиданное - оно будет горькое, но от него есть скорейшее и быстрое восстание. А падение, ранее задуманное, оно весьма губительно, мало надежды на восстание. Только благодать Господня и молитвы отцов. Соси мудрость, как в младенчестве грудь матери, и будешь от меры в меру приходить в мужа совершенна.

Утро, половина второго ночи. Встал было, упал. Пишу, голова чумовая, шум в ушах, хотя последнее уже две недели, а голова впервые, не знаю, видимо, так должно. Мы, грешники, много несём скорби за вас. Вы очень дороги отцам духовным. Но враг мстит за вас различными путями. Но что делать? Таков путь всех. Думаю, скорое расставание с вами. Прошу вас, умолите Господа о прощении моих согрешений. Горе мне, людей поучаю, сам неключимый раб. Но что мне больше делать? Я благодарю Господа, имею чада духа. Мне с вами легче живется.

Если бы ежедневно были люди по разным вопросам, я бы, окаянный, лучше созерцал себя. А то забываюсь. Вот пишу, большую вижу помощь. Знаю, что полезно пишущему и читающему. Только надо хранить писанное подольше и время от времени перечитывать. Тогда увидишь всю пользу. Читаем книги - великая польза. Но оно иногда по нашим страстям бывает непонятно и забывается. А вот страстный человек пишет к подобно страстному себе - больше запечатлевается в душе. Любовь светится, она мыслит, чтобы дать любимому человеку, чем бы его утешить, бывает сам, яко ребенок, но выражает этим чувство любви. Вот, например, конверт, тебя радовало, с какой картиночкой прислать. Хотя бы это было безразлично, что в конверте? Вот это дорого. Но здесь чувствуется любовь, надо и принять любовь по силе. Спаси тебя, Господи!

Читаю твое письмо, прочел. Что тебе могу сказать. Умница! Борьба твоя правильная: война! Ты вышла на бой. Стой, пусть нанесённая тебе рана (любви) тяжела. Наложил пластырь терпения и молитвы, но относить наши страсти [к] воле Господней нельзя. Здесь виноват наш мысленный человек. Я тебе писал о младенцах. Ты допустила ему возрасти, ну, теперь трудней бороться, не падай духом. Ты не первая и не последняя. Все имели и имеют сию страсть до смерти. Ох! Валя, голова пуста, лягу, 3 ч. 15 мин. Спать не хочу, ибо живу с тобой в настоящий момент одной душой и желаю тебе выйти победительницей. Помоги, Господи! День неважно чувствую, встал было, упал. Лежу весь день. Прости, не закончил письма.

Божие благословение всем! Буду в силах, напишу о. Владимиру, только на тебя. Благословляю всех! Ваш Михаил.

5 июня 1959 г.

Мир всем! Христос Воскресе!

Милая Валюша, в лице твоём все твои родичи и друзья. Всем шлю Божие благословение. С любовью вас всех духовно созерцаю. Не думайте, мои дорогие, что я вас забыл. Не лень меня обуяла. Имею множество долгов от Пасхи. Я как бы в воду канул. Главное - немощ моего тела. Больше лежу. Сообщаю: видимо, скоро мое отшествие от вас, ибо не иначе утешает меня Господь. Ибо за что? Муж грешен. Но мир души не укрою. Радует мое сердце о Господе. Храм дивный для скита пустыни. Живу в пустыне. Мимо окон в день пройдут 5 или 6 человек за водой. Село мое - 6 домов, мой седьмой, 14 человек жителей.

В храме, по-нашему, людей много. В пять и более раз наших живущих. Ходят из города, поют хорошо. Частенько до 10 человек бывает. Чтица куда хорошая, староста милая. Живет она в городе, а почти все дни проводит у нас. Уборщица куда хорошая, в храме чистота. Начался ремонт храма. Вчера была из Калуги комиссия по охране старины. Остались очень довольны. Заботы много. Но я ничего не делаю. Лишь радуюсь о настоящей и грядущей красоте. Кругом лес, река, соловьи, пред окнами цветы - просто земной рай. Надо вам убедиться. Неужели вы ждали моего приглашения?! Ждал вас на Пасху. Был Дмитрий, брал двухнедельный отпуск. 10 дней прожил, огород копал. Кругом сирень, но оборвали вам в Москву. Михаил пропустил это воскресенье, а то каждое у меня. Дорогие мои, жду, хотя бы к Троице. Дом большой, чулан, коридор, двор. Всех вас уложим. Скажи Захаровне, она в любое время может ехать. Я был в Пушкино, только один день. В Москве проездом на машине со стройматериалами. Дуся шьёт облачение. Служить легко. Ходить трудно. Пригласи от моего имени отца Владимира с матушкой и о. Дмитрия. Пусть наслаждаются творением Господа.

Никакой Крым не даст утешение душе, как у нас. Не в силах выразить вам большой радости, хочу, чтобы вы, мои дорогие, разделили со мной. Дорогу вам оплачу. Желание моего сердца - хотя бы один день быть с вами. Поездом до Малоярославца и автобусом. Поездом - билет 14-60, автобус - 18 рублей. У станции городской автобус до больницы. От больницы 2 км пешком, от города 1,5 км.

Сегодня встал в 4 утра, сидел среди тиши, лишь котики мои прыгают.

Я все время гляжу в окно, не идет ли кто с горы к нам. Если вы не утешите меня своим посещением - не други кесаревы. Не буду тебе описывать. Хочешь, убедись сама, а не хочешь, как хочешь. До 40 писем лежит. Я молчу. Ходить трудно, задыхаюсь. Служу хорошо, не устаю. Устаю по своим годам, но всему время. Я тебя ждал, думал, пробудится твоя совесть. А ты умолкла. Ну, Господь с тобой. Маме будет отпуск - жду без приглашений.

Надя свободна, а та почему не едет? Тишина абсолютная, всё молчит, покойники молчат. Кресты безмолвны пред окнами. Лишь трели соловья всю ночь славят Господа, а мы с ним. Горе нам грешным. Жду всех без имени. Ну, прости, вот уже устал от письма, иду на воздух. Кругом зелень. Проезда около дома нет. Жду, жду, жду...

Хранит вас Царица Небесная. Ваш недостойный доброхот Михаил. Дуся шлет вам горячие добрые пожелания, говорит: Валя скоро нас забыла.

22 августа [19/59 г.

Милая Валюша! Мир тебе! И Божие благословение маме и Наде.

Письмо твое, любезное сердцу моему, получил. Привыкаю к твоей мудрости. Радуюсь за твое стремление ко спасению. Св. ап. Павел говорит: «Воин не бывает обязан куплями житейскими, да воеводе угоден будет» (2 Тим. 2, 4). А какой воин покажет себя храбрым без войны? Так и вся жизнь человека, в особенности вышедший христианин на арену борьбы против целого полчища сатаны. Прежде всего надо вооружиться щитом веры, крепко понять, что мы все имеем одинаковую борьбу со грехом. Иногда падем, иногда восстанем. Так до самой смерти. Этот путь всех, только, моя радость, не отчаивайся. Знай, что от сего приобретается мудрость жизни. Мы не знаем пути Господни. Конец покажет. Как вас мало у меня таковых, близких моему сердцу. Было время, легко управить человеком, а теперь очень мудреное время. Покойный митрополит Николай Алма-Атинский говорил: «Будете спасаться в суете, постоянной молитве». Вот, моя радость, тебе скажу: старайся приобрести драгоценный дар молитвы Иисусовой. Меньше поддавайся мысленным размышлениям о своей борьбе, тверди и тверди Иисусову молитву. В пути, между работой, на постели, за едой. Одним словом, как выпала минута свободной мысли, должна быть эта молитва. Нет сильней ни на небе, ни на земле. Будет вздох, удержи в себе молитвенно, выпускай вздох постепенно, молитвенно, вот это пламя молитвы. Я, кажется, еще никому об этом не говорил. Да и некому говорить, ибо никто и не запрашивает так глубоко, тогда-то и явится слеза покаяния. Вот когда познаешь всю борьбу св. подвижников. Всех страстей явных и тайных невозможно объяснить духовному отцу, который должен быть под рукой. А это только в обителях, да и то в былое время, и не во всех. Надо говорить только о созревших своих мыслях, допустивших своему сердцу благо или зло. Ветер нельзя удержать. Потому что мысль человеческая непостоянна. Бойся подвигов. Живи по-христиански. А ты живешь, довольно для тебя. Помни, в исполнении греха и старца не слушаешь. Часто страсть человека берет верх над человеком.

А к смирению ни один грех не приражается. Бойся осуждения других под маркой жалости, к их спасению. Увидишь уклоняющихся, помолись внутренне о их спасении. Одно бойся, дабы тебе эта война не надоела. В этом весь путь нашего спасения. Много мы мыслим, многое мы желаем, препятствия на каждом шагу. Вот вы встретили тяжелое положение у меня. Но знайте, это очень редкие явления. Тут враг рода человеческого вам, ей (Евдокии) и мне отомстил за святителя Николая. Она очень часто говорит о тебе, часто вспоминает добрым словом. После сего сделалась больна. Пришлось прибегнуть к молитве, и опять всё хорошо. А я, как начальник воинов, должен всё терпеть. Если этого не стерплю, то впереди новое жестокое будет. Он, т.е. диавол, нашел способ меня уложить, вас оскорбить. Я не встал вас проводить, а потом какая скорбь - ничего вам не дали. Валюша, приезжай, дорогу оплачу, а время твое. Почему мама не едет? Меньше там рассуждай о мне. Двери вам открыты. А вот и борьба! Победите её, приезжайте. А то и в Киев, и далее не попадете, и ко мне руку не протянете. Мы ежедневно грибы едим. Ремонт храма через два дня к концу. Леса сняли. Красавец стоит.

Как к Иван Митрофановичу подойти? Это вопрос. Где его встретить? Только у Мити. Или в храме. Писать ему только через Митю. Вот видишь: видит око, да зуб неймет. Ну уж пиши мне, грешному, буду уделять время ответить. Хотя у меня есть еще два письма к ответу, одновременно с твоим получил. Но здоровье моё? Вчера, в Казанскую, было упал, едва дошел до дома. Не хотел никому говорить, чтобы проводили, пришёл, лёг. Евдокия дала кусочек колбаски и хлеба в постели и всё. Так до 6 вечера пролежал. В 6 вечера, служил коротко. К вечеру отпустило. Надо ехать в Калугу. Дуся говорит: отлежись. (Котик мой по ногам бьёт. Пришел мокрый. 5 утра.) Народ прибывает. Всё радуется. А я! Никуда. Говорят, в Казанскую у нас никого не было, а теперь, наоборот, больше, чем в воскресный день. Занялись кладбищем - приводить в порядок. Сам-то работник никуда, только пальцем указываю. Людей приходящих отклоняю, ибо бесполезно по времени. Только в храм. Получил от великого друга - батюшки письмо, я считал, что уже его нет в живых. Надо ответить. Ну, Валюша, прости, ноги отекают. Маму ждем. А ты про неё ни слова: будет или нет?

Михаил, Евдокия и её родные.

15 сентября 1959 г. с. Карижя

Умница ты моя Валюша, мама, Надя.

Мир вам!

Валюша, письмо твое получил. Вне очереди отвечаю. Спаси тебя, Господи, за память. Ты скорбишь о твоём несовершенстве. А кто совершен? Один Господь, а мы рабы греха до смерти, есть и будем. Прелесть и сласть плоти, это до гроба. Борьба со внутренним грехом была и будет. Слава Господу, что ты видишь свою борьбу и падения. Горе, когда они скроются от мысленного взора. Только не отчаивайся. Согрешила, пала, вставай и смиряйся. Это путь всех преподобных. Ты научена молитве, иди сим путем. Спасешься. Помоги тебе, Господи, окончить начатый путь. 15 минут пишу, 15 помолился о твоём начале. Господь поможет тебе и другим на удивление. Мне понятна твоя дерзость. Господь простит. А ты думаешь, я свободен? Нет, друг мой, а по годам легче нести, если вооружусь на борьбу. А мы разве не были на войне в твоих годах? Были, родная, все также. Отпечаток жизни украсил и главу сединой, а грех сладок. Это залог юности, надо терпеть и в старости.

Увидишь отцов, передай от меня молитвенные пожелания, и взаимно прошу. Праздник Успения на удивление прошел. Димитрий был. Народ на погребение не вместил храм: на паперти и на улице стояли люди. Площадка утопала в цветах, балдахин – в зелени. Люди стояли со свечами и цветами. Во время крестного хода по пути бросали цветы. Одним словом, торжество из торжеств. К сожалению, заснять не удалось, темно. Всенощная от пяти вечера, кончили в десятом часу. Певчих было до 20 человек, и народ пел. За всё слава Богу!

Грибы пошли, люди несут корзинами. Наши вчера к вечеру ходили, принесли мало. Вчера собрался к вам, дошел до города, на автобусной остановке меня вернули. В четверг покойник. Начали строить сторожку. Цветы вновь зацвели. Но, видно, скоро конец. Морозы. Дуся моя здоровьем хромает: на копейку сделает, на рубль охает. Мама её у нас. Была Лиза из Пушкино. 2 недели жили матушка и батюшка из Киргизии, очень хорошие. Здоровье мое по годам хорошее. Дома хорошо, а ходить задыхаюсь. Но что делать, время!

Я слышал, якобы о. Владимира перевели на Даниловское кладбище.

Урожай не собирали ещё. Картошка дивная, с Петрова дня едим, раздаём, но ещё не докопали. Сзади участок, помидоры собираем. Огурчиков 2 кадушечки посолили, дивные.

Надо приехать, а то будут гусиные лапки.

Не знаю, когда выберемся. Воздвижение, думаем, совершить в торжестве, аще будем живы. Божие благословение маме, Наде и девочкам. Жаль, что они не могут приехать. В Почаеве скит закрыт и три женских монастыря. Жду из Дермони гостей, приедут – постараемся у вас быть. Мы им купили 50 пар ботинок. Видно, тоже скоро закроют.

Ну, Валюша, устал писать. Вчера писал в Саратов, не закончил. В ночь закончил вот и тебе, полшестого утра, устал.

Хранит вас Матерь Божия. Всех благословляю и целую. Ваш Михаил и Евдокия.

Милая Валюша! Мир тебе и Божие благословение!

«Грех юности моя не помяни, Господи!», – так в старости взывал пророк Давид, когда он обратился в прошедшую свою жизнь. Юность всегда есть и будет. Есть древняя пословица: «Красив не всяк бывал, а юный всегда стоит пред борьбой». Вот, моя радость, прочел твое письмо. Не смутился, но возрадовался. Вспоминая свою молодость, сколько было увлечений, но любовь одна. Так и ты вступила в фазу жизни, много тебе предстоит борьбы. Имей страх Божий. Не допускай мысли о любви ко Димитрию. Знай, что враг силен. Он представляет плотскую страсть как милую, сладкую, в особенности тогда, когда мысленный человек далеко от него, а когда приблизится, то как бы утихает. Но это до тех пор, пока не познали друг друга. Враг рода человеческого представляет сладость плотского греха особым чувством похоти и даже падением плотским, плоть до истечения или рукоблудия. А когда падет человек, то ложное смирение греховности, плачет до отчаяния. Далее забывается в суете мира. Через некоторый период опять потихоньку вкладывает мысль: повторить. Далее уже нет того покаяния. Человек сыскивает самооправдание и далее.

Вот Димитрий самонадеян, без благословения читает книги, которые кажутся полезными и святыми, вроде «Потерянный рай». Там не заметно, как разжигается похоть, которая называется «любовь». Но любовь ли это? Незаметно для вас, заметно для постороннего взора. Например: ты неожиданно входишь – как Димитрий видоизменился! Сделался суровым. Конечно, неожиданно твое появление. Сердце у него упало, он хочет скрыть, что он к тебе равнодушен. Но от опытного глаза не скроет. Игра с огнем опасна. Он лжёт в сердце, хотя сам

того не замечает, что ему женщина не нужна, ему нужна любовь. Можно ли взять в руки раскаленное железо и не сжечь себе пальцы?! Так приятно увлечение, но тяжки последствия. Непременно они приведут к роковой развязке. Он видел жизнь: у него была жена, с которой он порвал связь, и якобы он не имеет к ней влечения, а с ней переписывается якобы из-за гуманности. Как может быть раздвоение?

Вяльцева пела: «Любви все возрасты покорны». Покуда в чреслах человека есть плотское естество, по тех пор имеется влечение обоим. Ты говоришь: сердце чувствует время его звонка. Я тебе больше скажу. Бывает таковое. Люди видят друг друга, не говоря ни слова, сердце чувствует к нему влечение: знай, что это чувство взаимное. Великая борьба жизни: не слезы только, но самоумерщвление плоти (Иоанн Многострадальный). Архимандрит Оптиной пустыни давал крест, подходит ко кресту женщина: пришла и ушла, больше он её не видел. Вот 3 года носил её в сердце, хотел бежать из монастыря. Недостанет времени тебе приводить примеров. Вот пишу в настоящих строках, сердце у меня беспокойно, ибо, как солнечный луч света, в моей бедной душе отражается неким чувством. Жизнь со смертью близка. Апостол Павел сказал: «Кто мя избавит от сего тела смерти?!» (Рим. 7, 24). Покуда я в теле, по тех пор и во грехе.

Советую не задерживаться в постели, когда проснёшься. Ничто так не располагает к плотской страсти, как многолежание без сна. Ты же, моя радость, человек жизни, не умеешь ещё разбираться в своем младенце (уме). Вот второй раз Святая Церковь поёт «На реках Вавилонских» последний стих: «Блажен иже имет и разбьет младенцы своя о камень. Аллилуйя» (Пс. 135 ст.). Вот зародыш греха: мысли надо убивать о камень страха Божия. Надо подумать. Какое время! Жаль мне тебя. Чрез слезы жалости сочувствую тебе, но надо бороться. Твердо веруй: чрез помыслы ты не погибнешь, если будешь бороться. Наоборот, получишь венцы награды от Господа.

Ты пишешь: кокетство. Это, конечно, многих мужчин приводит к мысли греха. По мере своих сил приучи себя к страху Божию, будет легче. Димитрий часто вас посещает. Тут борьба тяжелая, да притом два борца на одного (мама). Не осуждаю вас. Конечно, мама бы больше подошла к нему. Ему хочется и колет, и мамка бранит. Он хочет иметь подругу жизни и не лишиться свободы. А какой такой друг кому нужен? Держись по мере своих сил,

слишком не будь ласкова. Лиза пришла из храма, перерыв.

Мой совет: лучше поостроже себя держать, т.е. меньше улыбки показывать. Я ему осторожно передам, чтобы пореже посещал ваш дом. Обо мне меньше всего беспокойся. Мне письма ежедневно. Всё время не нахожу ответить. Сам никому не пишу.

Относительно разговоров с людьми. Надо быть мудрой. Помни, в молчании не будешь каяться. Люби всех и ото всех бегай. Старайся глаза держать вниз, а ум - к Богу, от многих будешь избавлена скорбей. Кокетство. Что делать? Молодость бывает у всех самодовольна. Присмотришься к молодому и (м-ой): идет один (одна), улыбается. Что это говорит? Кокет. Ты, умница, много наблюдаешь за своим внутренним человеком. Отсюда умудряется твой ум. Поэтому постороннему взгляду понятно. Вышесказанное ясно. Привязанность его для меня понятна. Пусть плачет он, нежели будет другой плакать человек. Скажи, чтобы реже звонил. Скажи, в конторе замечать стали. Также и в метро не надо садиться в означенный вагон. Об Адаме. Поздно новым Адамам брать на себя ошибки. Сейчас трудно давать тот или иной совет. Время жуткое. Вы видите, что грядет. Лучше умирать одной нежели за других.

Если основателя так, как Господь сказал... Да⁵. Несомненно, так. Но Он разделил людей, когда спросили Его ученики: лучше не жениться? - Он ответил: не все вмещают сие, а кому дано. Одни скопцы от чрева матери своей, другия оскopiшася от людей, иные ради Царствия Божия. Последние принадлежат инокам, людям, в юности хотящим спастися. Последние все несли немощь плоти, так и тебе, моя радость. Это нам даётся, чтобы не превозносились в подвигах своих.

Относительно молитвы: ты молишься. В силу малодушия ты не чувствуешь тайного ответа. Ибо молишься не искренно, но с некоей жалостью: как бы на самом деле Господь не отнял любимую страсть. Страсть жгуча, часто во страсти неверие лишает себя жизни. Надо помнить, все мы - грешные. Но что будет с тобой, когда ты падешь в грех страсти? Тогда трудно будет тебя спасать. В страсти, о которой пишет, кажется Мильтон, давать повод Воле Божией - это уже тайное покрывало, за которым стоит грех соблазна. Нельзя читать такие книги! Вот видишь, руководитель сам падает и других в яму валит. А всё делается под маркой «любви». Брось её! Скажи ему, чтобы он подобных книг не давал. Я ему говорил: зачем ты читаешь бел-

летристику? Он вопреки ответил: «Здесь всё хорошо». Он забросил чтение святых отцов, говорит: я всё у тебя прочел. Святые отцы читали одну книгу всю свою жизнь и старались по ней жить. А читать и забросить – это любопытство, не приносящее пользы.

Часто диавол искушает с доброй мысли, а чем кончает? Гибелью. Тебе, родная моя, видней свое сердце. Где яма, я знаю, ты сама видишь. Что могу тебе сказать? Обрати внимание на вышесказанные слова. Ответ тебе ясен: выбирай себе средний путь. Не надо бросаться на любезные слова встречного человека. Крайне скажу – выйти замуж. Но эти слова крайне прискорбны. Надо брать середину. Видимо, в этот год совершится тайное, страшное. «Горе доящим в эти дни» – сказал Господь. Терпи, замуж не ходи. Читай слово Божие. Помни о мыслях. Преподобный авва Дорофей говорит: «Мысли нельзя удержать. Ветер можешь ли удержать?». Но не надо на них останавливаться. Они придут, бесследно уйдут. Надо помнить, что мысли от нашего сердца. Надо сердце очищать от тайных своих, то и мысли будут чистые.

Хранит тебя Матерь Божия, ежедневно молюсь о вас. К Димитрию есть мне много говорить. Конечно, отвлеченно от тебя. Всё что пишу, должно быть тайна.

Твой грешник Михаил.

13 октября 1959 г. с. Карига

Милая Валюша! Мир ти! И Божие благословение всем, ты знаешь кому.

Уведомляю, моя радость, письмо твое получил. У меня отец игумен из Дермони. Ему читал твое письмо, которое нас утешило, видя такую юницу, умудренную старостию разума. Сказано древним: «Старость не в числе лет исчисляется» (Прем. Соломона 4, 8). Вот дал же тебе Господь разум постигать в юности подвиги старости разума. Какая радость, читая твое письмо. Видя твою борьбу и борющееся сердце. Не унывай! Иди сим путем. Испытания грядут всем исповедникам имени Христа. Ничто нас не должно страшить. Живи настоящим днем, утрий скажет сам за себя. Не скорби, что лишена якобы подвига молитвы. Тебе путь указан молитвенный. Иисусова молитва приблизит тебя к Господу. Охлаждение сердца молитвенного несли угодники Божии. Это еще не говорит, что тебя Господь оставил. Мать любящего дитя иногда оставляет одного, а сама наблюдает, как он ищет свою мать. Видит, кругом нет, и заплачет. Стоит только матери показать

лицо свое, как ребенок засмеётся. Так точно и Господь с нами поступает. Отсюда укрепляется наша вера. Не падай духом. Учись, трудись, а там Сам Господь покажет спасительные пути. Ты мудро пишешь: «Ими же веши судьбами Твоими спаси мя, недостойную рабу Твою». Ну и уповай на Господа, не будешь Им посрамлена. Но уж с Димитрием порвала, хорошо, вооружайся терпением. Когда сердце очерстует, будешь встречаться. Осуждать нельзя. Он такой же человек, как и ты. Одна певича пела: «Любви все возрасты покорны». Так человек, сколько бы лет он ни прожил, но страсть непокоренная, как уголь, который лежит в земле, тысячелетия не гниет. Стоит его вынуть из земли, продует ветром, попадет искорка, и он загорится, так и сердце человека. Мне приятно слышать от тебя, что ты помнишь мое наставление, мое сердце радуется. В годину искушений ты стоишь на пьедестале веры. Ну, если не приходится по вечерам бывать в храме, что делать, – такова наша земная жизнь. Господу наше тело не нужно, нужно же сердце. Сказано: «Сыне, даждь ми сердце твое» (Притч. 23, 25). Будущее, дитя мое, всё тебе покажет Господь. Будешь приходить в меру возраста, и разум твой будет украшаться мудростию. Помни, без скорбей нет мудрости. Ты, вероятно, знаешь слова ап. Павла: «Скорбь соделовает терпение, терпение – искусство (жизни), искусство – упование, упование не посрамит» (Ср. Рим. 5, 3-5). Ибо Благодать Господь приблизил к сердцу терпеливого. Спаси, Господи, за память и сообщение об отцах Владимире и Димитрии. Я их имею во всегдашней памяти. Спаси их, Господи! Трудная година наступает настоятелям. Велик их подвиг, если не ослабеют духом. Суд Божий – с нас, а потом – с вас. Так предназначено в Предвечном Совете. Дорогая моя, прости, что плохо пишу, ослаб после болезни. 5-й день не выхожу на улицу. У нас сегодня всенощная. Престол Покрова Божией Матери. Надо служить, не знаю как, надеюсь на о. игумена. Матери приехали. Дуся у вас была, вас никого не было дома. Все они были у прп. Сергия на его празднике. О. игумен приехал, но матери нет ещё.

Ремонт храма окончили, к празднику убрали территорию вокруг храма. Сторожку и сарай отстроили. Я ничего не могу делать. У Дуси заботы много и обо мне, и о гостях. Я позавчера всю ночь не спал, дышать нечем. Но и для неё досталось. Мама её у нас. Руки плохо пишут, и чердак не работает. Кашель, все время першит горло. Все спят, я один бодрствую, с

вами разговариваю. Благословляю маму, Надю, Захаровну и Марию и всех моих духовных чад.

Дуся и мама вас приветствуют и трудятся в доме. Капусты Михаил нам достал. Спаси его, Господи. Хранит вас Матерь Божия.

Ваш Михаил и Евдокия.

Благословение Господне. Вас благословляет о. игумен. Сидя за столом, я ему читал писанное.

22 ноября 1959 г.

Милая Валюша! Мама, Надя! Благословит вас Господь!

Письмо твое, Валюша, милое, теплое, поздравительное получил. Благодарить ли вас? Думаю, нет. Но с любовью благодарю Господа, что имею такое мудрое чадо духа, и всех близких с тобой.

Твой вопрос о Любе. Можно сходить к врачу, но бесполезно. Лучше ко святой Церкви, к о. Димитрию или о. Владимиру, но только на квартире. Попросить почитать требник большой. О изгнании духа злобы. Не знаю, согласятся ли они. Ты пишешь, если бы я видел её, то мне было бы жалко. Мне всех таких жалко. Молюсь за них, как Господь дает, по мере своих убогих молитв. Ей попущено за духовную гордость и самосвятость. Только молитвы и Св. Причастие будет ей на помощь. Возможно, откроется беснование, но они не погибли, они мученики без крови. Св. апостол Павел сказал: «Отдам плоть во измождение сатаны, да дух спасется». Тело отдается на мучение, а душа свята, хульные помыслы не ея, но сатаны, не придавать значения. Я никому не помогаю, помогает Господь, мы только молимся.

Относительно истечения надо быть покойно. Сказано: скверно, но безгрешно. Читала она у аввы Дорофея. Он пишет: возможно, от пресыщения, от осуждения ближних, от гордости духовной и по укладу темперамента тела. Бывает очень редко, но обязательно: у иных в месяц раз, у других в неделю раз, а у иных по зависти сатаны очень часто. Есть правило в молитвослове в конце утренних молитв. Отчаяние от гордости. Вот я целомудренна, не так, как другие. Все это нас смиряет, дабы мы не поднимали головы кверху, а подобно мытарю: «Боже, милостив буди мне грешному». Жду вас. Подробно лично. Только она не поедет. Сколько людей едут - не находят дороги. Кругом ездят - или совсем не попадут или блудят. Спроси маму, как она под мостом мыла бельё? Встречаться можно, и молись. Но будет время, она тебя выгонит. Но ты не смущайся и не обижайся, продолжай свое дело. За ча-

стое приобщение Господь поможет. Ко мне две приезжали - одна от беса слепая - молодые, блудные. Слепая поехала хорошая, как запрыгает: «Ей Богу, вижу, хорошо». Дуся их пошла провожать. Вывела их на гору, указала на какой дом идти, путь ранее знаком, а Яшка их водил по полю. Ты, дорогая, не учитель, а друг, сочувствующий в скорби ближнего. По слову аввы Дорофея, если ты погряз в болоте грехов, не можешь вылезти, маши руками, кричи: не ходите этой дорогой, и вы погрязните! Чем ты гордишься? Гордись грехами своими, смирайся и молись. Добре, что видишь своя грехи, проси на всякий час у Господа прощения. Помни всегда, что мы всегдашние должники у Господа. Кого Господь избирает, того и приуготовляет, кого предуготовляет, того и спасает. Ты от прошедшего оправилась. Сегодня жду Димитрия и Нину венчать. Пусть это не будет ударом, и ты спасена. Благодарю Господа, что Он дает тебе скорби, не гнушайся их. Придет час расплаты, ты будешь платить ранее тобой приобретенный опыт. Помни, старость не в числе лет исчисляется... Пророк Давид говорит: «Юн бех и состарехся, не видел праведника оставлена и потомков его просяща хлеба». Слышишь! Не только праведника, но и потомков его. Давай советы, если кто их принимает, а кто нет - не скорби.

Надю предоставьте Господу. Придет время - опомнится, но поздно. Всем нам трудно бороться против мира и его обманчивой красоты. «Иже возмет крест свой и по Мне грядет», - сказал Господь. Кто верит, восприимлет награду свою, кто не верит, тот несет скорби с отчаянием.

Умница ты моя. Тебе открыл Господь разуметь Писания. Укрепляйся ими.

О. игумен был 4 дня. Дуся ездила с ним в Козельск, были у старца, иеросхимонаха Милетия, как 20 дней скончавшегося, 94-х лет. Умер в день рождения. Мы ездили на погребение. Я говорил слово. На поминах было более 200 человек. Какое было торжество! На 4-й день хоронили с 6 утра до 8 вечера. Ну, мне досталось - народ у меня сидел до 11 вечера. Я весь опух, двое суток лежал. Матушек быстро отпустили, с ними хлопоты не по силам. Люди помогли все погрузить. Благодаря Михаилу шоферу все отвезли в город, а там нашлись люди, отправили багаж. Подарок принял от принесших и кто передал. Спаси вас, Господи. Больше мне ничего не надо. Прости меня... говорю без умолку, только толку мало. Вас с любовью жду. Димитрий был с Ниной, но их не венчал.

Ты ко мне спокойно и во всякое время приедешь. Паперть расписали по-нашему, недурно. Много другим писать надо. Силы ограничены. День Ангела прошел в торжестве. За столом 17 человек сидело.

Целуем вас - я, Дуся и ея родители. Здоровье мое слабеет.

Ваш Михаил. 22 ноября 1959 г.

1960 г.

Мир всем! Милая Валюша! Ждали тебя на Октябрьские, но, видно, твое спасение за других остановило тебя. Корабль жизненный, среди моря потерпевший крушение - каждый сам спасает одного себя. И ныне - бушующая жизнь безверия, многих и многих потопит она. А каждый - пришло время - спасай да спасется. Вот, наконец, движутся скорби и испытания на тебя. Я боюсь за тебя. Кто тебя куда-то звал, когда ты была на месте, и как бы они не отказались от тебя. Но все сие надо встречать бодрственным духом, ибо многи скорби праведным, и их же избавит я Господь. Господь хранит их, и ни единая кость [не]сокрушится. Но вопрос: как устоять? Какой подвиг самоотверженности?

В будущие скорби мы идем во всеоружии. А когда они нас постигнут - трудно быть адмантом. Войдя во внутреннее рассуждение, немножко и зауныл за тебя: от души попросил Царицу Небесную, чтобы Она тебя укрепила и выше сил не послала бы тебе искушения. Пожелание твоего сердца - спасти утопающего, но дабы не подвергнуться самой потоплению. Предоставь воле Судеб Божественных своего Стасика. Если он не имеет желаний ко спасению, то Господь никого силой не призывает. Сказано в древнем: «Доброхотного дателя любит Бог». Я знаю, что он нарушил весь ваш покой и единение вашего духа, а в дальнейшем еще будет хуже. Они нас не понимают. Себя считают передовыми, просвещенными, а нас - темными фанатиками. Но мы видим жизнь их. Когда они теряют всякую надежду на свою храбрость, то бегут к нам за помощью. А если они в мире расцветут, то на нас и глядеть не будут. Поэтому их пребывание у нас не даст им утешения. Их радость - мир и ложная красота мира. Когда они придут в меру возраста и поймут, что они жизнью обмануты, - хотели бы возвратиться, но куда? Ибо другого пути они не знали. Поэтому советую тебе: предоставь воле Господней, которая имиже судьбами спасет. Прошу тебя, пиши, как с тобой поступили после бюллетеня. О многом я тебе писать не

могу, только при личном совете можно разъяснить. За тебя много я благодарил Царицу Небесную. Ох! От коликих бед тебя Она отвела!

Здоровье мое с каждым днем слабеет: как лед на солнце тает незаметно, так и жизнь моя сокращается. А скорби также не оставляют. Всецело предал себя воле Господней и водительству Царицы Небесной, угоднику Божию свят. Николаю, матушке Сарре, вашим и всех духовных моих чад святым молитвам.

Больше лежу. И писать становится трудно. Видно, постепенно все отнимается. Вот уже стукнуло 78.

Прошедшее здоровье забросил, сижу с поникшей головой, но язык мой еще разговаривает. В субботу, перед приездом Димитрия, едва душу не отдал Господу. Терпел до последней минуты во время всенощной, никому ничего не говорил, а ждал последнего конца, не заметив хитрости врага. По приходе Димитрия и Нины - в момент у меня ничего нет! И сила, и здоровье возвратились. Только Дусе ответил на вопрос: «Мне плохо». И хотел уже им объявить кончать всенощную - петь «Ныне отпускаеши». Это был последний нажим. И тут же во всеуслышание сказал: «Пришли два дурака», и свободно стал петь «Великое славословие», и закончил всенощную в полной силе.

Вот как он, окаянный, может к нам подходить. И все уловки его ранее не узнаешь. Поэтому, радость моя, и тебе говорю: «Много, много будет тебе преткновений». Боюсь искушения отступления. Помоги тебе, Господи, укрепиться в несении Креста.

Хранит Вас Матерь Божия. Маму, Надю, Сережу и всех твоих подруг.

Ваш доброжелатель Михаил.

Привет от меня, Дуси, Дусиной мамы, Барса, Мурзы и Тютюки - всего нашего семейства.

5 апреля 1960 г. с. Кариза

Мир всем!

Мир Божий и тебе, радость моя, скорбящая моя, чающая утешения, и будет оно, Валюша!

Письмо твое многоскорбное получил. Чрез спазму в горле прочел. Сколько нам надо веры, дабы устоять в день печали непоколебимо?! Все ли могут воспринять твердое слово Божие? Многи скорби праведным, от них же избавит я Господь. Господь хранит вся кости его, и не единая от них сокрушится. Будущая слава Господа от нас сокрыта. Настоящая - с верой утешение. Любовь Божия простирается ко всем любящим Господа ничем, как скорбями. Сам Искупитель создал мир и человека, от человека понес стра-

дания. Когда ученики сказали Ему: «Господи! Да не будет с Тобой этого. Хочешь ли мы попросим Отца Твоего, да ниспошлет огонь и истребит Твоих врагов, как Илия»? Что ответил Господь? «Не веста какого духа есте. Мне надлежит исполнить всякую правду». Правда Божия излита на все творение, тем паче за грехи человеческия. Св. ап. Павел сказал: «За грехи человеческия страждет вся тварь». Мы же - по делом нашим. Подумай, моя умница: угодники Божии каким путем шли? Только путем скорби. В терпении вашем стяжите души ваша. Не удивляюсь о сем, что тебе предлагают скорби. Лишь бы они были не заслуженные вами. Радуйтесь, ибо награда ваша от Господа. Господь скрыл Моисею Свое лицо, а задняя славы показал. Моисей воскликнул: «Я гугнив и косноязычен». Подробно не пишу. Так все угодники Божии видели Славу Господа пред смертию. «Слава Богу за все!» - воскликнул Златоуст и скончался. Придет время награды, награда велика за мученичество. Ты - юная страдалница без крови.

Ты пишешь, как тебе поступать? Скажи о Димитрию. Я советую ходить в разные храмы. Не показывать себя людям. Смири себя до зела. Приди в храм - голову нагни, очи долу, сердце горé. Скоро наступит время, будешь славить Господа во услышание многим. На подвиг мученичества сама не иди, а придет - терпи. Скорби разлиты на земле. Не только добрым, но и злым. Добрые несут с упованием на избавление. Злые не видят избавления, отчаиваются. Позавчера пришли муж и жена, плачут: «Помоги, батюшка!». А что могу я, грешный, помочь. Послал в храм. Приобщились, пошли довольны. Сколько писем от архиереев, от собратий, от чад моих. У всех путь один. К вам-то я с простой душой пишу, и не так - всё так. Но архиерею? Не поднимается рука моя грешная. Ну, просят, с оговоркой отвечаю. Знаю: брат от брата помогаем, яко град крепок и стена ограждена. Знаю и другое: как полезно пишущему, так и читающему. Читать, хотя скорбно, но легко, а писать трудно и тяжело, ибо и сам страдаю тем же недугом. Ты знаешь, сколько несу и правды, и клеветы. Откровенно сказал: «Что я вам сделал плохое, кого из вас я оскорбил, что вы гоните меня?». Были скорби, ждем новых.

Какую клевету, какое гонение несет бывший наш владыка Онисифор. У нас новый - Леонид. Чем откликнется? Радости не ждем. В пятницу поеду. Староста не хочет ничего делать. Подходит праздник, по обычаю никто не идет убирать храм. Я говорю: «Это для вас. Я

и так буду служить». А все-таки тяжело. Ну, что делать? Да будет воля Господня! Сегодня Митя прислал письмо, как обычно с возвышенным тоном. Спаси его, Господи! Как он дивно смотрит на творение Божие. Он преисполнен молитвенного восторга в милосердие Господне. Дивные его письма. Даю ему телеграмму, в Вербное чтобы приехал, он просит. Поздравляем вас с великим праздником. Помогите вам, Господи, встретить в радости. Не бойся, всё уляжется. Стой в вере! Храни её втайне. Тебя не оставит Господь. Молимся по мере наших сил, а там - Господь. Иван Митрофанович прислал письмо, поплакали его сочувствию и посмеялись в конце его шутке. Вот мученик! Но не замечает за самоукорение и за внутреннюю борьбу. Советую, напиши ему, но чрез Димитрия, он будет твой утешитель.

Всех вас благословляю, всем наше доброжелание. Любящие вас Михаил, Евдокия и Петр. Недавно проводили трех богомольцев из Алма-Аты, едущих до Почаева. На обратном пути обещали заехать.

24 июня 1960 г. с. Карижа

Мир всем!

Возлюбленнейшее мое чадо Валюша!

Благословит Господь тебя, а в лице твоём всех меня знающих и всех просящих чрез меня моих недостойных молитв. Присно молю Господа, да укрепит вас Всевышний в вере в столь смутное время, время любопытства бытия Бога. На самом деле, только слова. Сказано в древнем: «Рече безумен в сердце своем, нет Бога», а потому растлили образ Божий, стали жить по похоти сердца своего. Но все мы грешнии, грешнии, но Божии. Если грешники-родители с какой любовью прощают своих детей, нанесших оскорбление им, тем паче Господь. Любовь Отца Небесного недомыслима для человеческого сердца. Она ощутительна по вере всякому делающему доброе дело. Любовь Отца Небесного изливается чувством мира, радости и покоя. И наоборот. Не верующий в Господа - всегда гонимый скорбию, злобой и душевной враждой к ближнему, наипаче к верующему человеку. Получив твое письмо, в радости возблагодарил Господа, возлюбившего тебя. Ты юна, но мысли твои исполнены некоторой мудрости. Семя благодати Божией дает ростки опыта духовного. Боюсь тебе писать откровенно, в познании опыта, дабы не восхитить твое сердце самомнением и гордостью.

Помоги тебе, Господи, преуспевать в подвиге земной жизни, вести борьбу против коз-

ней дьявола. Прошу тебя, не восхищайся в утешениях, данных тебе от Господа, а созерцай внутренняя своя грехи, только не отчаивайся во спасении. Помни слова прп. аввы Дорофея: «Чем ясней видит своя грехи, тем ближе приближается к Богу». Господу нужно сердце покаянное. Оно всегда будет в сокрушении. В случае сомнения, и сомнения, которое будет преследовать во многия дни, пиши немедленно. Не предавайся скорби при уклонении ближних от Господа, предоставь воле Господней. Помни время, святой да святится, скверный да сквернится.

Письмо твое проникнуто духом аскетизма. Ты юна, но говоришь духом старца. Это мудрость чрез опыт. Боюсь за тебя, в такой борьбе как бы ты не устала и не бросила сей путь. Помоги тебе, Господи!

Люба твоя: как жаль, будучи в прелести духовной, грозит ей отказаться от Бога и попасть в психиатрическую больницу. Вот ей родная мать желает смерти. Ея только может спасти чрез великий грех. Не удивляйся, радость моя, моим словам. Она имеет в себе грехи, но не видит их, ибо гордыня святости мнимой уносит смирение. Молюсь за неё и твоих подруг. Хотелось бы, чтобы вы были в Горнем вместе, славили Господа. Очень буду рад видеть вас у себя. Без разрешения жду. Здоровье мое тает аки лед. Сухо-кашель не дает писать, отбивает мысли. Ну, что делать, года! Получил от старца Феодора скорбное письмо, их изгоняют. Его назначили в Почаев. Он просил купить ему мягкия туфли размер 40. Я прошу тебя. Деньги я уплачу. Купи и 41-й. Если я бываю в Москве, то, ты знаешь, ходить не могу. Я отказываюсь от всяких кому-либо услуг. Приедешь, я тебе письмо отдам, для тебя и прочих будет утешением. Мне ничего не вези, кроме хлеба московского. У нас хлеб неважный, остальное все есть.

Развернулись у нас строительные работы по установке ограды. Заботы хватает, но и Господь помогает. Стали частые приступы сердца, от дома до храма с трудом хожу. И скорбей хватает. Путь наш таков. Слава Богу за все! Дуся нервничает и за меня, и за работы. Староста вот, третья неделя, глаз не кажет. Верчусь один. Во вторник мы остаемся втроем, остальные все уедут. Пусть мама к нам едет. Неужели вас приглашать? Для вас двери всегда открыты. Прости, плохо пишу, нет лучше пера, да и ум мой бездействует. Не успеваю за собой ухаживать. Все спят, я с вами бодрствую 5 часов, надо прилечь, ноги пухнут. Допишу после.

Доброе утро, 7-30.

Приготовь запросы.

Божие благословение Евдокии Зах. и Марии. Братский молитвенный привет о. Димитрию и о. Владимиру. Приглашаю их к себе.

Сама приезжай не на один день, а побольше, пользуй случай, елико возможно.

Целую всех. Ваш грешный Михаил.

28 июня 1960 г.

Мир всем!

Милая Валюша! Богомудрое твое письмо получил. Возрадовался о дарованной тебе мудрости от Господа.

Кто тебя так умудрил в рассмотрении таин Божественных, как не Дух Святой?! Премудрый Соломон сказал: «Старость не многолетняя, не в числе лет исчисляется» или далее сказал: «Седина есть мудрость, и старости житие нескверно, возлюблен бысть, посреде грешник представлен бысть». Так и твой ум. Во время [общего] отвержения от Господа аки луна среди ночи сияет. Помоги тебе, Царица Небесная, сохранить сие до конца дней твоих. Дабы ты представилась ко Господу исповедающей Имя Его Святое. Ответ брату меня удивил, но его посылать нельзя. Сохрани себе до смерти. Пред смертью тебе откроет Господь, сколько там мудрости, сколько любви к Богу и ближнему. Помни, ты его не убедишь. Апостол Иуда пишет: «Придет время, будут верить лжи, не будут верить истине». Время читающий да разумеет. Храни свое письмо от искушений. Аще падешь - встань, не отчаивайся, ибо тебе надлежит многое испытание, от сих избавит тебя Господь.

Письмо твое брату будет тебе назиданием во время испытаний. Оно пригодно тебе, а не ему. Не удивляйся моим словам, время покажет. Не старайся спасать других, дабы не утонуть тебе. Урок - Иван Митрофанович. Молись за таковых, чтобы просветил Господь сердце неверующее. Относительно поездки к нам - торопись.

Скорби испытаний возложены на моя рамена. Помогите мне, чтобы укрепил меня Господь, дабы помог мне нести во всеоружии. Сколько пишут на меня, хотят изгнать. Позавчера была комиссия от Епископа и облисполкома. Придирались к ремонту храма. Но клевета разбилась о стену истины. Предложено уборщицу уволить, со старостой придется возиться. Нечестность ея вылилась в учетах. Что, конечно, не по духу. На той неделе чуть за руки не выта-

щили клеветы ея. Не надо нам учета, у нас староста сколько лет честная. Не нужна нам ограда! Где ты деньги берешь, дай отчет?! Если тебе дают, приходишь их. Но я, грешный, скрепя сердце несу. Дуся нервничает, плачет. Уговор мой не действует. Прп. авва Дорофей сказал: «Всякому доброму делу предшествуют скорби или последуют». То Господу угодно: если же ни, то не принял Господь. Так вооружимся, с возложением печали на Господа. Если не в радости, то хотя без ропота понесем сие. Кладбище у нас - уголок рая, но еще трудимся своими силами. Я не работник, а тунеядец. Работают мои домашние. Вот приедете, и вам будет труд. Господь благословит, при первой возможности к нам. Нельзя так смотреть: я не могу пропустить службы. Нужно для укрепления духа и в другом храме побывать, тем более вам. Жаль, что мама не использовала свой отпуск к нам. Это излишняя стеснительность. Сена накопили, спать есть где. Соловьи кончили свои песни до будущего года. Вот и лето быстро пройдет. Приезжайте все. Письмо свое сама возьмешь или привезем. Одновременно получил и от Дмитрия. Но ему не отвечаю. С большим ремонтом писать не могу. Вчера уехали рабочие, 7 человек. У нас ограда вокруг храма. Ну, прости, что мало пишу. Душа непокойна, чердак не работает, а потому несодержательно пишу. Чернила растекаются, 6 утра - я прилягу, ноги пухнут.

Поздравляю тебя со днем Святых Апостолов Петра и Павла. Завтра солнце играет.

Твой недостойный доброхот Михаил. 28 июня 1960 г. Дуся спит. Твои письма многим читаю.

5 августа 1960 г.

Мир ти!

Дорогая Валюша, да благословит тебя Господь!

Письмо твое получил, воскорбел о ревности твоей ко спасению. Надо быть похладнокровней. Боюсь за тебя, многое наберешь, с ношей упадешь, некому будет тебя поднимать. Сказано: спасение во мнозе совете, но не со многими в совете. Надо в терпении стяжевать дух спасения. Не надо на себя налегать. Поверь, вся борьба тебе надоест, и ты откажешься от себя - и погибла. Об одном и том же вопросе нельзя многих спрашивать. Приняла от одного благословение - терпи, молчи, храни в сердце до смерти. Иначе будешь как утлая ладья среди волнующегося моря. Твоя жизнь молода, много тебе предстоит искушений. Если у тебя

под руками отец Владимир, держись за него. Я совета давать не могу. А то у тебя: мама, Дим. Прох., Иван Митрофанович. Каждый из нас дает совет по своему опыту. Всякий из нас говорит по сему дню, вдаль не видит.

Надо ходить в храм по праздникам, не опаздывать на работу. Господь от тебя этого не требует. Когда пойдешь в монастырь, иной вопрос. Тогда тебя не загонишь. Я многих юных видел, их ревность и их спасение сходили к нулю.

Боюсь за тебя. Ты в храме приходящая, а когда будешь настоящая, тогда будешь искать святых, а их нет. Твое дело. Прискорбно слышать: мама не велит ко мне ехать. Соблазнишь... Кого? Половина мертвеца? Здоровье мое настолько рухнуло, 3-й день лежу. Хотела бы поехать, да не к кому будет ехать. Видимо, скоро покину вас. Мне ничего не вези, у меня все есть. Грядущего ко мне не изжену вон.

Жизненных скорбей хватает. Я один. Ни старосты, ни казначея, ни уборщицы. Все разбежались. Враги головы подняли. Работа к концу. Дивная ограда, а заботы увеличились, нет конца. Рабочие загуляли, расчет не могу дать. Средств нет, а благодетели на днях приезжают в Москву. Нет ворот и части ограды. Клеветы, писанины много. В Ильин день собирались устроить дебош, но, видимо, побоялись, народу много. Пришли цыгане. У Петра вырвали 176 руб. и скрылись. В воскресенье опять другие явились, ушли.

Используй случай и погоду. Надо ехать, обо всем лично говорить буду.

Ревность твоя - Иисусова молитва. Не надо никаких иметь отдельно приемов, ни поклонов, ни креста. Направляй свое сердце, где представится возможность. Один раз произнеси, и хватит тебе, Господь требует не воскресить риз, но сердце. Сказано: «Сыне, даждь мне сердце твое». Никаких бабок Прасковьев тебе не надо. Сам Господь тебя направит и умудрит.

Придет брат, не будьте чересчур ласковы и податливы ему на разгул. А что будет наносить скорби - да! Вот и удаляйся в парк с молитвой, он - напротив. Вот твой венец и молитва с подвигом.

Встречи в Москве мало дают пользы - это только свидание. Вот, всё, откровения к маме не могут быть - духовно не умудрена. Беречь меня не следует. Ваш приезд для меня утешение. Она сама по своей мудрости просидела дома. Я под боком живу, 28 рублей туда и обратно, дорогу оплачу. У меня лето, никого нет, лишь налетом бывают. Сеновал один Петр занимает. Дом пустой.

О Наде: вот где ее погибель, о ней надо плакать, а не о тебе, твоей маме. Ну, ваше дело. Больше я не могу тебе пожелать. Желая спастись ими же веши судьбами. Мне кажется, не только митр. Николай, но и все отцы могут радоваться о грядущих подвижниках настоящего времени. Жду. Если ты раньше поедешь Д.П., то захвати материал у него. Не понимаю слова об абрикосах? Для меня сварено у Мити. Всего не соберешь. У нас аппетиты не как у вас. Хочется, а иногда и на ум не придет. Мой братский привет отцам, поминаю их имена, как и ваши.

Хранит всех вас Царица Небесная.

Ваш грешный отец, Дуся скорбит о тебе и кланяется

18 ноября. 1960 г. Карижа

Милая Валюша! Мир и Божие благословение да пребудет над тобою и над всем домом вашим. Письмо твое и посылочку мы получили. Сладкое в этот же день отправили в Одессу еп. Онисифору, за что я тебе приношу глубокую благодарность и девочкам твоим. Со слезами молился Царице Небесной о тебе, чтобы Она не послала тебе искушений выше сил. Очень рад, что высшая администрация твоя отнеслась к тебе с большим доверием. Я знаю, что ты его оправдаешь, неся государственную службу. Не все верные в государственном служении, именно себя партийцами. Я тоже был б/п, но был верен своему долгу, возложенному на меня высшей администрацией, и за мою службу был награжден Правительством, ввиду своих преклонных лет окончил работу с благодарностью. Так и ты, моя дорогая, будь верна сему. Это завистники, которые хотят создать себе счастье на несчастьи других и создать свой престиж на унижении других. Радуюсь за тебя, что ты борешься с собой, хранишь будущий покой. Бог благословит тебя вступить в профсоюз, дальше - никуда. Скорби Церкви Христовой и для нас - скоро, видно, мы лишимся райской обители. И камо грядем на ближайшее нам спасение? Иного пути нет для человека, как пути скорби, особенно верующим. Многи скорби праведным, и их же избавит я Господь. Хранит Господь все кости, ни едина от них [не] сокрушится. Смерть же грешника люта, ненавидящие праведника прегрешат. Ты, дитя мое, замечай, как неложны слова Господа. На твоих глазах все враги твои будут посрамлены. Хорошо ты делаешь, что ходишь по разным храмам. Вчера дошли слухи, что наш храм закрывают. Слезно, но без отчаяния, время сеять, время жать. Жатва подхо-

дит. Каждому будет дано свое вознаграждение. Поэтому стой в вере, крепись, что бы с тобой ни было - предоставь воле Судеб Божественных. Молись за меня? грешного, как я за тебя, и верь Господу, что мы постыжены не будем. Св. ап. Павел сказал: «Верую ходим, а не ведением». И всем нам Господь говорил: «Имеешь веру, по вере вашей дастся вам». Вот что надо всегда просить у Господа - чтобы Господь приложил нам веру.

Вот ты проболела и вышла на работу, и вновь свалилась. Но твою работу, видимо, никто не делал. По возвращении с бюллетеня тебе пришлось отрабатывать сверхурочно. Если тебя люди не видят, то увидит тебя Господь. Молитва твоя теперь только может быть в пути и в свободное время на работе. Сердце видит Господь, а люди пусть не знают. Ждем сегодня Митю, с которым придется вместе погоревать. Но что делать - воля Господня.

Хранит вас Мать Божия.

Привет отцам Димитрию и Владимиру. Попроси их за постигающие нас скорби молиться так, как и я за них.

Ваш отец грешный Михаил.

11 декабря 1960 г. с. Карижа

Мир Божий и благословение Божие на вас, милая моя умница Валюша!

Письмо твое получил. Оно, как зеркало, показало твою душу и здравые твои взгляды на жизнь настоящего времени. Хорошо, что ты посещаешь храмы Божии, но пеня пока воздержись. Со всех сторон несутся недобрые вести. Скорби и нужды, как тучи, надвигающиеся на нас. Внутри нашей жизни нет мира. Среди даже мнимо истинных христиан, которые именуют себя ревнителями Церкви Божией и не замечают, как бросают камень в голову утопающего. Как известно, собирают подписи улитки, присосавшиеся к церковному ящику, которых с трудом пришлось оторвать. Для того чтобы избавиться от меня, собирают подписи, чтобы ускорить закрытие храма. Напрасно они это делают. Скоро, видимо, участь последует без их ходатайства. Подробности в письме писать воздерживаюсь и остерегаюсь. Архиерей заштатных священников не принимает, а молодых нет. Тем самым у нас уже семь храмов в епархии закрыты. Есть предположение - храмы оставить только в городах. Наш храм, как слышно, возьмут под музей. Архиерей заболел, выехал из Калуги, а потому нам обращаться совершенно не к кому, перевариваемся в собственном соку и ждем указания перста Божия.

Хотя мы не покладая рук трудимся. Но, как видно, дни нашей жизни сочтены. Отделяет лишь время какого-то полугодия. Ввиду этого я и писал тебе: быть воздержанной, а по течению воды без вреда для своей души нужно плыть. Я вижу милость Божию, которая стирает Десницу Свою над тобой. Вместо того, чтобы излить на тебя чашу горьких испытаний, тебе протягивает руку на работе высшая администрация с любовью. А что на тебя возложены обязанности несения службы старше тебя - это тебе дает урок мудрости. Как всегда, ты будь чиста как перед Богом, так и перед государством. Время - лучший друг, оно познается опытом даже до самых седин. А ты юна, много тебе лежит грядущих испытаний. Скорби вокруг тебя будут ходить, но ты вооружись терпением и смирением, бери в руки твердый посох веры, и вера тебя не посрамит.

Я очень доволен, что в вашем доме мало что изменилось. Мама собирается в Киев, возможно, и далее, поедет туда и сюда мимо нас, пусть заглянет к нам вместе с Евдокией Захаровной. Возможно, мы тоже скоро лишимся этого тихого уголка. Но да будет Его Святая Воля. Не теряем надежды - Господь нас не оставит. Мои года и дни жизни сочтены - 80 лет без болезни - много труда, болезни.

Евдокия у меня никудышняя. Получил письмо из Одессы, где сообщают печальные новости. Если тучи движутся вначале оттуда, с моря, то дотянут до нас. Ввиду слабости своего здоровья я не могу поехать в Калугу, а также в Москву и побывать у более компетентных лю-

дей. Но и в Москве, видимо, близкие люди ко мне как будто изменили взгляды на меня. Но на сие я смотрю равнодушно. Всяк человек - сегодня «осанна», а завтра «распни».

Все, что мне прежде отошедшие отцы и матери говорили, все совершилось и совершается до настоящего дня. К вам поехать теперь нам очень трудно, да и у вас тесно. В Москве кроме Димитрия больше негде, и Димитрий ждет перемен в своем доме - брат его предполагает переехать в другое место. А что его будет ждать - неизвестно.

Хранит тебя Царица Небесная и всех вас. По мере своих сил за вас молюся. С любовью мой братский привет вашим отцам.

Ваш доброхот грешный Михаил.

Примечания

¹ Информация и фото взяты с официального сайта Оптиной пустыни: <https://www.optina.ru/>; https://azbyka.ru/otechnik/Nikon__Optinskij/dnevnik-poslednego-startsa-optinoj-pustyni/1_2; https://azbyka.ru/otechnik/Varsonofij__Optinskij/zhitie-shiarhimandrita-varsonofija/; Оптинский старец Рафаил (Шейченков) - kozelsk.ru; Никон Оптинский (Беляев) - pravzhizn.com; Паломническая служба «Назарет» - nzrt-opt.ru.

² Евдокия - помощница о. Михаила, которая везде его сопровождала.

³ Далее он описывает все иконы и картины, которые уже написаны.

⁴ Люба - подруга детства В. А. Звонковой.

⁵ Так в тексте письма.

Источники и материалы

Оптина пустынь - Оптиная пустынь. Официальный сайт Введенского ставропигиального мужского монастыря. <https://www.optina.ru/>

Село Карижа - Село Карижа. Покровская церковь // Церкви, монастыри и усадьбы Калужской области. <https://kalugaestates.ru/id131>

Село Красное - «Село Красное - красивое». Статья опубликована 30 сентября 2011 в газете «Балабаново». <http://gazeta-balabanovo.ru/>

Храм архангела Михаила - Храм в честь Архангела Михаила в с. Красное // 1-е Боровское благочиние. Калужская епархия. Русская Православная церковь. <http://borovskoe.blagochin.ru/xram-arghangel-a-mixaila-v-sele-krasnoe/>

Церкви Коломны - Церкви, храмы, святые источники Коломны и Коломенского района / Богоявленский Старо-Голутвин мужской монастырь // cerkvi-kolomny.rf

LETTERS FROM PROTOJERE MIKHAIL YEZHNOV TO VALENTINA ANDREEVNA ZVONKOVA

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

© 2021 К. В. Цеханская
Россия, Москва

«ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ТУРА ХЕЙЕРДАЛА...»: О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ ТАТЬЯНЫ АНДРЕЕВНЫ ВОРОНИНОЙ

Аннотация. В кратком сообщении, посвященном памяти Татьяны Андреевны Ворониной, говорится о научном пути, учителях, отечественных и зарубежных коллегам, а также о ее основных трудах по разработке историко-этнографических аспектов изучения пищи и культуры питания русского народа и исследованию русского лубка в его различных аспектах.

Ключевые слова: Т. А. Воронина, этнограф, полевик, организатор науки, специалист по русской пище, русский лубок.

Abstract. The obituary dedicated to the memory of Tatyana Andreevna Voronina talks about the scientific path, teachers, domestic and foreign colleagues, as well as her main works on the development of historical and ethnographic aspects of the study of food and nutritional culture of the Russian people and the study of Russian popular print in its various aspects.

Key words: T. A. Voronina, ethnographer, field worker, organizer of science, specialist in Russian food, Russian popular print.

Статья написана в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «История и преподавание антропологического знания»

Цеханская Кира Владимировна (Tzekhanskaja Kira Vladimirovna) - ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук, kirilla2011@gmail.com

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 123-127

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК — 821.161; ББК — 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/123-127>

12 августа 2020 г. не стало нашей коллеги, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИЭА РАН Татьяны Андреевны Ворониной. Она умерла буквально на боевом посту: еще 25 июля, уже будучи тяжело больной, Татьяна Андреевна стала инициатором вебинара в Отделе русского народа, выступила с докладом о влиянии пандемии на продовольственное снабжение и питание россиян.

Сильный, волевой характер, целеустремленность были свойственны уже с молодых лет еще юной девушке, которая подавала большие надежды в художественной гимнастике. Но накануне серьезных соревнований, к удивлению тренеров, Татьяна решительно отказалась от дальнейшей спортивной карьеры, потому что буквально заразилась мечтой стать этнографом. Об этом периоде Татьяна Андреевна писала: «Будущая профессия нередко определяется в юности. Так вышло и у меня, когда я случайно купила книгу Тура Хейердала «Путешествие на Кон-Тики». Из нее я впервые узнала, что есть такая удивительная наука «этнография», изучающая культуру и быт разных народов мира. В школьные годы многие из нас настроены романтически, а это очень помогает для достижения заветной цели. И даже отправившись в 1968 г. в Москву для поступления в МГУ им. М. В. Ломоносова, внутри маленького чемоданчика я нарисовала бога Солнца Ра».

Очень полезным жизненным и профессиональным опытом Татьяна Андреевна считала работу после школы в краеведческом музее Евпатории, где тогда жила семья. Там судьба свела ее с Ольгой Давидовной Дашевской, руководителем Донузлавской экспедиции Института археологии АН СССР. На раскопках у Татьяны неожиданно проявились художественные способности, когда она стала делать чертежи планов и найденных предметов, которые вошли в монографию О. Д. Дашевской.

Вспоминая университетские годы учебы, Татьяна восхищалась замечательными лекциями Сергея Александровича Токарева, который тогда возглавлял кафедру этнографии (1953–1973 гг.). В это время появились такие известные книги Сергея Александровича, как «История русской этнографии», «История этнографической науки» и другие работы, по которым учатся до сих пор. Исследования С. А. Токарева отличались ясностью мысли и простотой изложения, а большая эрудиция и энциклопедические знания поражали собеседников. Татьяна Андреевна отмечала, что, свободно владея европейскими языками, Сергей Александрович легко цитировал многих иностранных авторов и даже запросто критиковал таких мировых светил, как Клод Леви-Стросс.

Татьяна Андреевна всегда с теплотой говорила и о других преподавателях кафедры времени своей учебы, о Лидии Борисовне Заседательевой и Клавдии Ивановне Козловой, Юрии Петровиче Полякове, Льве Павловиче Лашуке, Геннадии Евгеньевиче Маркове. Все они были интересными лекторами и отличными полевыми, которые не жалели сил для студентов, ездили по всей стране, учили правильно собирать информацию, фотографировать. Это они, увлеченные любимой наукой, прививали своим питомцам любовь к многообразному миру с его особенностями, сложными и часто удивительными обычаями.

Этнография русского народа показалась Татьяне Андреевне ближе, поэтому летом 1972 г. она отправилась в Архангельскую экспедицию с Геннадием Герасимовичем Громыным, прекрасным знатоком своего предмета, который много ездил по Русскому Северу и особенное внимание уделял методике полевых исследований. «Хорошо помню, что северная деревня меня сразу очаровала, вернее, ее люди, сохранившие патриархальную простоту

и былинное гостеприимство. Избы тогда даже не запирались на замок и в случае отсутствия хозяев просто подпирались палочкой. Да и воровать у них было нечего – народ жил просто и незатейливо. В одной из деревень меня угостили приготовленными в русской печке щами и гречневой кашей, но особенно запомнилась томленая клубника со сливками. Это оказалось таким лакомством, которого больше никогда не приходилось есть. Поражало добродушие и открытость местных жителей. Старики практически все были рождены в конце 19 века и сохраняли устои старинной жизни. Они были очень словоохотливы, добросердечны и добродушны. Начав их расспрашивать, не хотелось уходить. Громов просил нас вести, помимо тетради с записями рассказов информаторов, еще и личные дневники. И я по вечерам с удовольствием все писала, довольно подробно описывая и людей, и чудесную северную природу. Потом, когда наша студенческая практика подошла к концу и мы отдали свои тетради Громову, он, прочитав мой дневник, подошел ко мне и сказал: «А вы, Таня, очень хорошо пишете. У вас талант, продолжайте в том же духе!». Потом была поездка с Анной Александровной Лебедевой по старинным русским старообрядческим селам Курганской области, другие экспедиции, в которых со временем накопился большой опыт полевой работы.

В 1974 г. Татьяна успешно защитила диплом на тему «Русский лубок как исторический источник по русской народной одежде XIX века». «Из меня бил фонтан мощной энергии, – вспоминала Татьяна Андреевна. – Все казалось нипочем и легко преодолимым». Однако путь в науку оказался нелегким.

Вначале пришлось поработать в библиотеке Института, а потом десять лет в отделе информации и международных научных связей. Хорошее владение английским языком помогало свободно общаться с учеными из разных стран, вести большую научно-организационную работу по подготовке международных конгрессов, конференций и симпозиумов. Это было время расцвета деятельности Института, поддерживающего активные связи с ведущими этнографическими центрами мира. Число иностранцев, посетивших Институт, превышало 100 человек в год. А в 1989 г. цифра достигла 285 человек. Со многими известными учеными Татьяна встречалась и вела переписку. Это были Текла

Деметер, Тамаш Хофер из Венгрии, Антонин Робек, Божена Филова из Чехословакии, Петер Уорсли из Англии, Патриция Лайсет из Ирландии, Нильс-Арвид Брингеус, Орвар Лефгрен из Швеции, Бьярне Стоклунд из Дании, Кнут Кольсруд и многие другие звезды мировой науки. Несколько раз в Москву приезжал и Тур Хейердал. Запомнились его слова на VII Международном конгрессе этнологических и антропологических наук в 1980 г.: «Здесь собрались специалисты по *Homo sapiens*. Они знают, что у человечества общий корень, мы все члены одной семьи, и никому не позволено считать, что строение тела или цвет кожи дают ему преимущество перед другими». Татьяне лично посчастливилось познакомиться с Хейердалом. Казалось, осуществление мечты совсем приблизилось. Но все время уходило на основную работу.

Как-то при встрече С. А. Токарев поинтересовался, чем сейчас Татьяна занимается, и посоветовал почаще заглядывать в библиотеку и быть в курсе событий научной жизни: «А тема работы появится сама». И действительно, благодаря этому совету Татьяна стала собирать материалы по истории лубка. А в 1990 г. под руководством Марины Михайловны Громыко защитила диссертацию «Русский лубок 1920–1960-х гг.: производство, бытование, тематика». Но еще до защиты, в июне 1990 г. в г. Берген, в рамках IV конгресса Международного общества этнологии и фольклора Европы – МОЭФЕ – работала выставка русского лубка, которую организовала, подготовила каталог и вела экскурсию Татьяна Андреевна Воронина. Теме лубка как одного из видов массового и тиражированного в народе вида графического искусства XIX – начала XX вв. были посвящены монография и более 30 статей.

Работая и участвуя в международных мероприятиях, Татьяна Андреевна заметила особый интерес ученых к этнологическому изучению пищи. Еще в 1970 г. шведский ученый Н. А. Брингеус организовал Комиссию по традиционной пище, деятельность которой получила развитие в последующих конференциях. Возможно, наблюдения и опыт работы с зарубежными исследователями расширили научные интересы Татьяны Андреевны, и она, будучи в этнографических экспедициях на Русском Севере, в Вологодском и Рязанском краях, собрала большой материал по пище. Причем, культура питания русских изучалась

по разным направлениям с использованием авторской программы по темам «Пища» и «Пост».

Тематика по пище постепенно стала для Татьяны Андреевны приоритетной. В течение ряда лет она была ответственным редактором (совместно с С. А. Арутюновым) серии коллективных монографий: «Традиционная пища как выражение этнического самосознания» (М.: Наука, 1999); «Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки» (М.: Наука, 2004); «Хмельное и иное: напитки народов мира» (М.: Наука, 2007); «Праздничная и обрядовая пища народов мира» (М.: Наука, 2017). Ею были изданы популярные книги, предназначенные для широкого круга читателей: «Заздравная чаша» (М.: Даниловский благовестник, 2002); «От поста к празднику. Советы благочестивой хозяйке» (М.: Даниловский благовестник, 2004) и др.

Сильный характер и любовь к своему делу проявились также при организации симпозиума «Православие и культура этноса», посвященного 2000-летию Рождества Христова. Он состоялся в 2000 г. в Москве и прошел в здании Президиума РАН на Ленинском проспекте, 32а. Знаю, что после того, как Институт сделал заявку на выделение финансовых средств на проведение симпозиума, денег не дали. И тогда Татьяна Андреевна с письмом, подписанным В. А. Тишковым, поехала в Администрацию Президента РФ на Старую площадь и объяснила, насколько важным для Института было проведение симпозиума.

Начиная с 2004 и по 2009 г. Татьяна Андреевна Воронина участвовала в организации шести Всероссийских конференций под общим названием «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России», которые прошли в Сарове-Дивеево и Санкт-Петербурге. Более того, ею были также подготовлены к печати шесть сборников материалов конференций, в трех из которых она была ответственным редактором.

В 2011 г. Татьяна Андреевна защитила докторскую диссертацию «Этнокультурные аспекты русского православного поста (XIX - начало XXI века)», в которой были разработаны историко-этнографические аспекты в исследовании практики русского православного поста у разных слоев русского общества, конкретные формы, а также уровень религиозности русского народа в условиях повседневной совре-

менной действительности. Эти же положения нашли отражение в индивидуальной монографии «Русский православный пост: от первых установлений - к современной практике» (М.: Современные тетради, 2011) и в 70 статьях.

Итогом многолетней работы стала и другая книга Т. А. Ворониной, изданная в 2017 г., - «Традиции питания рязанских крестьян в XIX - начале XX в.».

Последовательно описывая крестьянский жизненный ритм, автор дала общую характеристику не только состояния сельского хозяйства в рассматриваемый период, но и экономического положения в богатых и бедных семьях, распределения съестных припасов в течение года, семейных обязанностей, а также застольной этики и диалектных названий продуктов и блюд.

К концу XIX в. крестьянская система питания Рязанской губернии приобрела свою специфику, характерную для южнорусского региона и составившую устойчивый компонент самобытной материальной культуры. В книге было показано, как колорит региональной традиции сочетается с повседневной и праздничной жизнью, когда трудовые будни оживлялись праздниками с непременно застольем - «сельской пирушкой», которая устраивалась в дни храмовых праздников или по поводу семейных событий (крестины, свадьбы, проводы в армию, новоселье и др.). Такое застолье сближало родственников и сельчан, формировало своего рода архетип. Автор отмечала, как крестьянские праздники тесно увязывались с циклами хозяйственной деятельности, религиозной обрядностью и традициями. Например, свадебный период приходился на осенние и зимние мясоеды или, следуя церковным установлениям, жених и невеста до венчания, перед причастием соблюдали пост.

Частично материалы по этнографии Рязанского края уже были опубликованы в ее книге «Практика поста в Рязанской области» (Рязань, 2006), в которой много интересных сведений о том, что ели в разных губерниях России во время поста.

Незадолго до кончины Татьяна Андреевна сдала в печать основательный материал по трансформации культуры питания и пищи русского народа в советский период, выделив три важнейших этапа: с 1917 г. по конец 1930-х гг.;

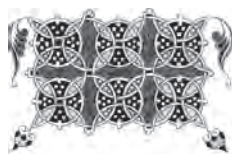
период Великой Отечественной войны; период восстановления народного хозяйства - до середины 1960-х гг. Данная работа вошла в коллективную монографию «Границы советского традиционализма / Опыт русского народа в XX веке» (СПб., 2021).

На основе многолетних полевых и архивных изысканий Татьяна Андреевна подготови-

ла замечательную большую работу «Вологодская пицца».

Научное наследие Татьяны Андреевны Ворониной представляет значительное явление в отечественной науке. Ее статьи и книги, без сомнения, войдут в золотой фонд Института и будут примером для последующих поколений этнологов.

«IT ALL STARTED WITH THOR HEYERDAHL...»
ABOUT THE CREATIVE WAY OF TATIANA ANDREEVNA VORONINA

80-летний юбилей М. М. Громыко. На фото слева направо:
Х. В. Поплавская, Ю. Б. Стракач, М. М. Громыко, Н. В. Шляхтина. 2007 г.

В гостях у М. М. Громыко -
К. В. Цеханская и О. В. Кириченко.
Недалеко от Одигитриевской Зосимовой
пустыни. 2007 г.

М. М. Громыко у поклонного креста на
месте кельи прп. Серафима Саровского.
Саров, Нижегородская обл. 2005 г.

ПОКЛОННЫЙ МОЛИТВЕННЫЙ КРЕСТ

Уникальный и самый древний деревянный памятник на Кольской земле. С 1987 г. крест находится в Благовещенском храме г. Колы. Несколько веков он стоял у дороги в городе. Многие поколения поморов возносили свои молитвы к Богу и клали поклоны у этого святого креста.

Надпись на горизонтальной перекладине:

«Лета 1635 года в 16 день поставлен сей крест на поклонение православным христианам».
Ниже на столбце: «При праведном царе и Великом Государе Михаиле Феодоровиче»